
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1982

Армянская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 29,8 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 3 миллиона 166,7 тысячи человек.
НАСЕЛЕНИЕ ЕРЕВАНА — 1 миллион 92 тысячи человек.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ
за 1940—1981 годы возросло в 42 раза.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 5 раз.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 40 раз.

ЗЕЛЕНЫЕ ПОБЕГИ ВЕКОВОГО ДРЕВА

Сильва **КАПУТИКЯН**

В 1920 году, когда раскаты октябрьского грома уже гулко отдавались в горах и ущельях древней страны Наири, юный певец ее боли и тревог Егише Чаренц, мудрым своим чутьем поэта уловив очистительный ветер революции, рванулся навстречу великим переменам и возгласил:

И вот я стою
На вершинах гор моей разоренной страны,
Стою твердо и песню пою,
Мужественна она и светла.
И громоподобную песню свою
Шлю народам всех стран,
Страждущим людям во всех краях.
...Душа моя — радиостанция,
Высока, высока станция моей души,
Высока и тверда, как Масис,
Могуча и грозна.

Надо представить себе жизнь армянского народа в те годы, чтобы до конца осмыслить и прочувствовать эти строки Чаренца. Едва добравшиеся до стен Еревана обездоленные толпы беженцев, которые были изгнаны тогдашними турецкими властями из Западной Армении, царящие вокруг смерть, скорбь, ненависть,— и вдруг:

«Стою твердо и песню пою, мужественна она и светла»...

Продолжение см. на стр. 13.

СССР 60 ЛЕТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2875)

21 АВГУСТА 1982

Во время встречи.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

ПОЛНОЕ ЕДИНСТВО ВЗГЛЯДОВ

16 августа в Крыму Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Первым секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским. Во встрече участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко и член Политбюро ЦК ПОРП, секретарь ЦК ПОРП Ю. Чирек.

Л. И. Брежнев и В. Ярузельский проинформировали друг друга об основных направлениях политики обеих партий и государств. Л. И. Брежнев отметил, что советские коммунисты, советские трудящиеся прилагают энергичные усилия для интенсификации промышленного и сельскохозяйственного производства. Много делается для совершенствования управления экономикой и претворения в жизнь социально-экономической программы, намеченной XXVI съездом КПСС.

В. Ярузельский сообщил, что в результате чрезвычайных мер, политической и экономической деятельности, осуществляемых польским руководством, в соответствии с решениями IX съезда ПОРП, в стране постепенно происходят положительные изменения. ПОРП добивается укрепления связей с рабочим классом, всеми трудящимися. Развертывается движение национального возрождения, призванное сплотить всех польских патриотов, дорожащих историческими и социалистическими ценностями Польши. Вместе с тем тяжелые последствия политического и экономического кризиса все еще ощутимо дают о себе знать. Польское общество, проявляя спокойствие и чувство патриотической ответственности, упорядоченным трудом преодолевает существующие трудности. Процесс выхода страны из кризиса тормозится существованием контрреволюционного подполья, деятельность которого инспирируется и поддерживается извне, в первую очередь США.

Л. И. Брежнев и В. Ярузельский с удовлетворением констатировали, что во всех основных сферах общественной деятельности советско-польские связи продолжают укрепляться на принципах социалистического интернационализма, равноправия, уважения суверенитета, дружеской взаимопомощи. Вся эта работа ведется в соответствии с договоренностью, достигнутой в ходе визита в СССР партийно-государственной делегации ПНР в марте с. г. Расширение экономического сотрудничества Польши с СССР и другими социалистическими странами помогает оздоровлению польской экономики, создает перспективу ее успешного развития.

Польское общество, отметил В. Ярузельский, не даст себя обмануть инсинуациями, фабрикуемыми недругами Польши о так называемом вмешательстве СССР во внутренние дела ПНР. «Советское вмешательство» — это стабильные поставки сырья, материалов и комплектующих изделий, кредиты и заказы, которые обеспечивают загрузку значительной части польских производственных мощностей. В. Ярузельский выразил глубокую признательность Советскому Союзу за большую и ценную помощь, оказываемую польскому народу.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что Советский Союз и впредь будет оказывать в рамках своих возможностей содействие решению народнохозяйственных задач, вставших перед Польской Народной Республикой.

Оценивая международную обстановку, товарищи Л. И. Брежнев и В. Ярузельский подчеркнули, что СССР и ПНР решительно осуждают действия США, ряда других стран НАТО, которые обращаются к таким средствам давления на суверенные государства, как экономические санкции. Американская администрация в нарушение норм международного права, Устава ООН прибегла к беспрецедентному нажиму на Польшу. Эта политика имеет своей целью усугубить экономические трудности, дестабилизировать обстановку в стране в интересах империализма США.

Руководители обеих партий и государств считают необходимым со всей решительностью подчеркнуть: политика финансовых и иных санкций — это бумеранг, который обернется и против интересов стран, прибегающих к заслуживающим осуждения методам в международных делах. СССР и ПНР остаются привержены упорядоченным взаимоотношениям, равноправному взаимовыгодному сотрудничеству в экономической области между государствами, принадлежащими к различным социальным системам.

Исторически Польше принадлежит заметная роль в судьбах Европы. Эта роль особенно усилилась с рождением на польской земле социалистического государства. Будучи неотъемлемым звеном социалистического содружества, ПНР своей политикой мира и добрососедства способствует стабильности послевоенного устройства в Европе, нерушимости существующих границ.

Как в прошлом, так и теперь СССР и ПНР твердо держат курс на упрочение европейской и международной безопасности, на свертывание гонки вооружений, на уменьшение угрозы военно-политических кризисов и новой мировой войны. В международных отношениях не должно быть места для диктата и самоуправства.

Л. И. Брежнев и В. Ярузельский выразили озабоченность вспышками острых конфликтных ситуаций в ряде районов мира, и в частности новым взрывом войны, развязанной Израилем на Ближнем Востоке. За трагедию палестинцев и Ливана в ответе не только Израиль, но и Соединенные Штаты.

Советский Союз и Польша будут и впредь оказывать поддержку Организации освобождения Палестины, Сирии, Ливану, правому делу арабских народов. СССР и ПНР выступают за прочное всеобъемлющее и справедливое политическое урегулирование проблем Ближнего Востока.

Встреча Л. И. Брежнева и В. Ярузельского прошла в сердечной атмосфере и подтвердила полное единство взглядов как по вопросам развития двусторонних отношений, так и международным делам.

Во встрече приняли участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов и заведующий канцелярией Секретариата ЦК ПОРП Б. Колодзейчак. (ТАСС).

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

11 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, находившимся в Советском Союзе на отдыхе. Во встрече участвовали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко.

Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер, обменявшись информацией о внутреннем развитии обеих стран, сосредоточили внимание на вопросах углубления сотрудничества между КПСС и СЕПГ, СССР и ГДР по всем направлениям взаимных связей.

Тесная дружба Советского Союза и Германской Демократической Республики — надежный залог дальнейших успехов в решении задач социалистического и коммунистического строительства. Она представляет собой влиятельный фактор политической стабильности на европейском континенте.

Уверенно развивается экономическое сотрудничество между обеими странами. Заметно продвинулась вперед работа по специализации и кооперированию производства в таких областях, как микроэлектроника, роботостроение, химия. В предстоящие годы совместно с другими заинтересованными социалистическими странами СССР и ГДР намерены в еще большей мере концентрировать усилия на развитии науки и техники, внедрении современной технологии в промышленное и сельскохозяйственное производство.

Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер отметили, что мировая обстановка продолжает оставаться неспокойной, тревожной. Администрация США провозгласила чуть ли не «крестовый поход» против социалистического содружества. Здесь идеологические диверсии и «психологическая война», торговые санкции и дальнейшее усиление гонки вооружений, разрушение договорных связей и отказ от конструктивного диалога. Руководители США рассчитывают, опираясь на силу, доминировать на международной арене, самоуправно диктовать свою волю другим странам и народам.

Неудивительно, что воинственный курс американского правительства вызывает растущую озабоченность ответственных политических кругов в мире, в том числе в самих США. Против этого проникнутого милитаризмом и шовинизмом курса решительно выступают значительные общественные силы повсюду в мире.

Развитие международной обстановки во многом зависит от того, как будут складываться отношения между европейскими государствами, принадлежащими к различным социальным системам. Европа стала колыбелью разрядки, и она может дать этому процессу новые сильные и устойчивые импульсы.

По мнению сторон, более осязаемую роль в решении проблем европейской безопасности могла бы играть ФРГ. Ее добрососедским отношениям с социалистическими странами опасно угрожают намерения разместить сотни новых американских ракет на западногерманской земле. Только подтверждение и расширение форм мирного сотрудничества, только путь Хельсинки ведут к спокойным и плодотворным отношениям между социалистическими и капиталистическими государствами Европы. СССР и ГДР твердо выступают за это. Разрядка должна развиваться без срывов, приобретая всеобъемлющий характер и самую широкую географию.

Советский Союз прилагает настойчивые усилия для успеха переговоров с США по ограничению ядерных вооружений в Европе и стратегических вооружений в целом. Советские предложения на этих переговорах открывают реальную возможность значительного сокращения вооружений. Советский Союз подтверждает свою готовность к освобождению Европы от всех видов ядерного оружия, т. е. к подлинно нулевому варианту. ГДР целиком солидаризируется с конструктивным подходом СССР к вопросам разоружения.

СССР и ГДР выражают солидарность с арабским народом Палестины, с Сирией, Ливаном, со всеми жертвами израильской агрессии. Они решительно осуждают кровавые преступления Израиля, пользующегося прямой поддержкой и попустительством Вашингтона. Агрессора необходимо призвать к порядку и заставить выполнить решения Совета Безопасности ООН.

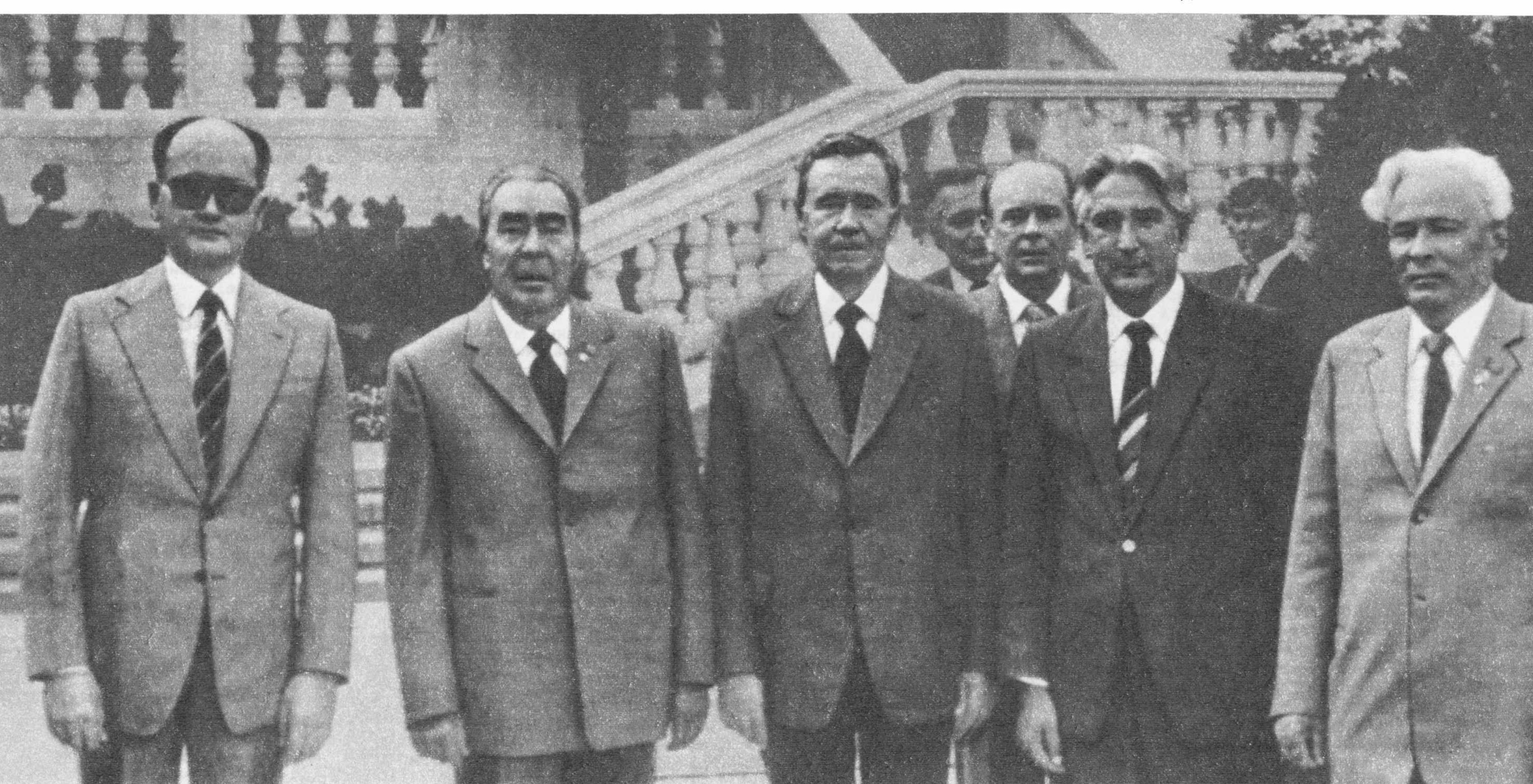
Было единодушно отмечено, что, к сожалению, внешняя политика КНР все еще нацелена против общих интересов социалистического содружества. Со стороны Китая нет признаков заинтересованности в нормализации отношений с социалистическими странами. Из этого СССР и ГДР делают надлежащие выводы. Между тем отход Китая от гегемонистских целей в политике мог бы создать предпосылки для действенного участия КНР в борьбе против военной угрозы, за упрочение всеобщего мира, отвечал бы жизненным интересам самого китайского народа.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Э. Хонеккера прошла в братской атмосфере и характеризовалась единством взглядов по всем обсуждавшимся вопросам.

Во встрече приняли участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК СЕПГ Б. Малов.

(ТАСС)

Во время встречи. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

Сегодня на улицах Бейрута.

Фото автора

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После налета авиации и ракетно-артиллерийского обстрела Западного Бейрута, после многочасового зверства и дикой бесчеловечности было объявлено о прекращении огня.

Правда, тяжелое уханье пушек продолжалось — это израильтяне шаг за шагом продвигались в район международного аэропорта. Но люди, живущие в центре города, смогли наконец выйти из бомбоубежищ, взглянуть на закат солнца, вдохнуть чистый воздух, который приносит ветер, дующий с моря. Ветер относил в сторону висевшую над городом пыль и дым пожаров.

Сначала ужас, а потом скорбь и гнев охватили людей, когда они увидели, во что превратили их Бейрут израильские артиллеристы, моряки и пилоты.

Но кошмар артиллерийско-бомбовых ударов был — хотя бы временно, хотя бы ненадолго — позади, и нужно было подумать о том, как обеспечить своих детей, стариков и себя питьевой водой и пищей, найти ночлег на ночь, которая быстро приближалась.

До наступления утра никто не хотел входить в полуразрушенные дома — даже не из опасения, что они неожиданно рухнут, как и случилось со многими взорванными бомбами зданиями. Молчаливые остовы с обожженными фасадами и выбитыми рамами окон вызывали у людей непреодолимый страх...

Да и не было никакой уверенности в том, что через минуту небо не разорвется ревом бомбардировщиков, идущих в атаку на густонаселенные жилые кварталы. И тысячи жителей Бейрута вместе с детьми должны были вернуться на ночь в подвалы, где, дыша сырым, тяжелым воздухом, они могли забыться до утра сном кошмаров, вздрагивая и крича во сне.

На рассвете город огласился плачем детей, невыспавшихся, перепуганных, страдающих от жажды. В утренней тишине этот детский плач звучал, как реквием по убитым, как бессильное проклятие черной силе, терзающей людей и город.

Грохоча колесами по обломкам металлических оконных рам, под скрип и скрежет битого стекла наша помятая машина катилась по улицам. В гробовой тишине руин этот шум казался кощунственным, и мы невольно сбавляли скорость и останавливались. Потом снова ехали вперед, объезжая обломки жилищ, большие и маленькие воронки, изрешеченные и сгоревшие автомашины. Такое невозможно забыть, эти картины останутся в памяти на всю жизнь.

А ведь и в свои детские годы мы повидали немало. Превращенные в руины кварталы Ростова, Смоленска, Киева, Сталинграда... Но это было давно, и сегодняшний образ разгрома прекрасного города был до неправдоподобия страшен, вызывал опаляющий сердце гнев...

На улицах начали появляться горестные фигуры женщин, несущих или ведущих за руку тихо плачущих детей. И снова, как на рассвете, этот плач беззащитности и горя заставлял нас стискивать зубы и вспоминать бесчисленную череду виденных нами жертв большой войны...

Разве можно решать национальные проблемы методом убийства целых народов?.. А может быть, американские и израильские матери просто не дают себе труда представить, какие мучения выпали на долю ливанских и палестинских матерей? Молодые парни, одетые в форму израильской армии и вооруженные американскими средствами массового уничтожения людей, ведут в Ливане несправедливую и грязную войну.

На небольшой площадке одного из бейрутских парков расположилась группа женщин. Это жены министров правительства Ливана, поддержавшие призыв жены премьер-министра госпожи Ваззан объявить голодовку в знак протеста против блокады Бейрута. Рядом — плакат с надписью от руки: «Наши дети умирают от жажды!»

Женщины сказали нам:

— Мы будем голодать, пока блокада не будет прекращена, пока не прекратится кровопролитие, пока дети Бейрута не получат воду, свет, пищу и мир...

У одного из немногих действующих уличных колодцев, откуда подростки доставали воду ведрами на веревках и разливали по ведрам, канистрам и банкам, принесенным женщинами и детьми, нам рассказали страшные вещи. Вода из колодца солона и загрязнена настолько, что пить ее нельзя. Это грозит тяжелыми заболеваниями. Но эту воду пьют, потому что другой нет. Ее пьют сырой, потому что не на чем кипятить — в городе нет электричества, а топливо на исходе.

В одной из временных больниц мы снимали раненых и обожженных взрослых и детей в свете нашей аккумуляторной лампы, и с каждой минутой свет слабел. Зарядить аккумулятор возможности нет... Мы узнали, что в больнице оперируют при свечах; они пока еще есть.

Над городом катится грохот пушек израильских танков, рвущихся к центру столицы. От линии фронта до центра Западного Бейрута — всего два километра. Израильское радио сообщает, что прекращение огня, в общем, соблюдается, что армия Израиля — самая гуманная в мире.

Снаряды снова падают на жилые кварталы...

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Бейрут.

МИШЕНЬ—ДЕТИ!

Медсестра кормит семимесячного ребенка. В семь месяцев дети еще не умеют держать ложку. А этот не научится никогда. У него оторваны взрывом обе руки. Не тельце, а один сплошной волдырь от ожогов. Израильская фосфорная бомба отыскала свою жертву в Восточном Бейруте, в многоэтажном доме у так называемой «зеленой линии».

Этот страшный снимок был сделан корреспондентом американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл Джоном Муди и обошел немало здешних газет. На фотографию можно смотреть только миг. Больше трудно.

Снимок навечно останется документальной уликой против варварства агрессоров. Как горка детских башмачков у остывшей печи Освенцима. Разница только в том, что Бейрут еще раскален от пожарищ. Кремация города израильскими войсками продолжается.

Обвинительная сила у снимка такая, что заерзали даже в Тель-Авиве. Небывалый случай: министерство иностранных дел Израиля заявило протест крупнейшему американскому пресс-агентству. Его фотографов и редакторов обвинили в «искажении фактов» и «нарушении основополагающих этических норм журналистики». Утверждается, что ребенка искалечил кто угодно, только не израильские пилоты. Они, дескать, бомбят только Западный Бейрут, а не Восточный.

Но корреспонденты ЮПИ быстро доказали обратное. Они нашли и разрушенный дом и медсестру, изображенную на снимке. И она и десятки других свидетелей подтвердили: трагедия произошла во время израильского налета. Не об этических нормах журналистики надо бы сетовать. О моральных нормах той политики, в результате которой сбрасывают пылающий фосфор на детские головы.

— Сколько детей рискует сейчас жизнью в осажденном Западном Бейруте? — спрашиваю я у Мартина Гетзинданнера, советника детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). Эта специализированная международная организация направила в Ливан отряд своих спасателей. Гетзинданнер держит с ними постоянную связь.

— По нашим данным, в Западном секторе Бейрута сто тысяч матерей с маленькими детьми. Конечно, дети остались и в других районах города...

Мой собеседник произносит это «остались» со странной интонацией. Я понимаю его: «остались» не как противоположность «покинули». Уцелели после израильских бомбежек. До поры до времени...

— Что сообщают ваши коллеги из ЮНИСЕФ с места событий? В каких условиях находятся там дети?

— Только что сюда, в Нью-Йорк, прибыли из Бейрута для доклада два наших человека. Условия поистине трагичны. По-прежнему нет воды. Тем более такой, какую можно было бы безопасно пить. Мы пытаемся кое-где восстановить снабжение водой. Очищаем улицы, чтобы хоть как-то приостановить распространение эпидемий. В лагерях беженцев вне Бейрута нам еще удается чем-то помочь, облегчить участь детей. Но в самом Западном Бейруте... Что мне вам рассказывать! Вы же смотрите телевизионные репортажи...

Смотрю. Но как на ту фотографию — только миг. Как долго можно разглядывать окровавленную детскую ручонку, торчащую из-под груды щебня? Марлевую маску с прорезью только для одного глаза? Окаменевшую мать, не отдающую санитарам давно похолодевшее тело сына?

После разговора с Мартином Гетзинданнером включаю радио. Наблюдатель ЮНИСЕФ в Бейруте делится своими впечатлениями. Не впечатления это, а скорее гражданская панихида. «Восемьдесят процентов жертв в Ливане,— говорит он,— мирные жители. В основном дети и женщины. Своими глазами видел множество детских трупов, покрытых ужасающими ожогами от фосфорных бомб. Ничего подобного не приходилось видеть даже во вторую мировую. Большинство уцелевшей детворы Западного Бейрута находятся в состоянии острого нервного шока».

В каком еще состоянии может быть ребенок, когда рушится в грохоте взрывов весь его маленький мир? Когда родителей косят кассетные фугасы, прошивают пулеметные очереди?

Нет, похоже, не случайно палестинские дети стали главной жертвой израильского вторжения в Ливан. Не по ошибке взлетают на воздух школы, ясли, детские площадки. Теоретики «великого Израиля» хотели бы выкорчевать палестинский народ с корнем. Выжечь фосфором целую нацию до последнего ребенка. В Тель-Авиве боятся, что тяга к свободе, к своему очагу будет жить в сердцах будущих поколений палестинцев.

Во многих странах осели сейчас палестинские беженцы. В Соединенных Штатах их около 102 тысяч. Ведад Хамед, учительница из городка Диаборн, штат Мичиган, качает на коленях трехлетнюю внучку. Девочка напевает:

У курочки есть дом.
Этот дом — насест.
У кролика есть дом.
Этот дом — нора.
Где дом палестинца?
Палестинца дом в Палестине.
Но он захвачен врагом.
Как палестинец может вернуть себе
Свой дом?
Только борьбой...

Ведад Хамед говорит, что эту песенку знают все палестинские дети.

Нью-Йорк.

Владимир **СИМОНОВ**,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Фото ЮПИ — ТАСС

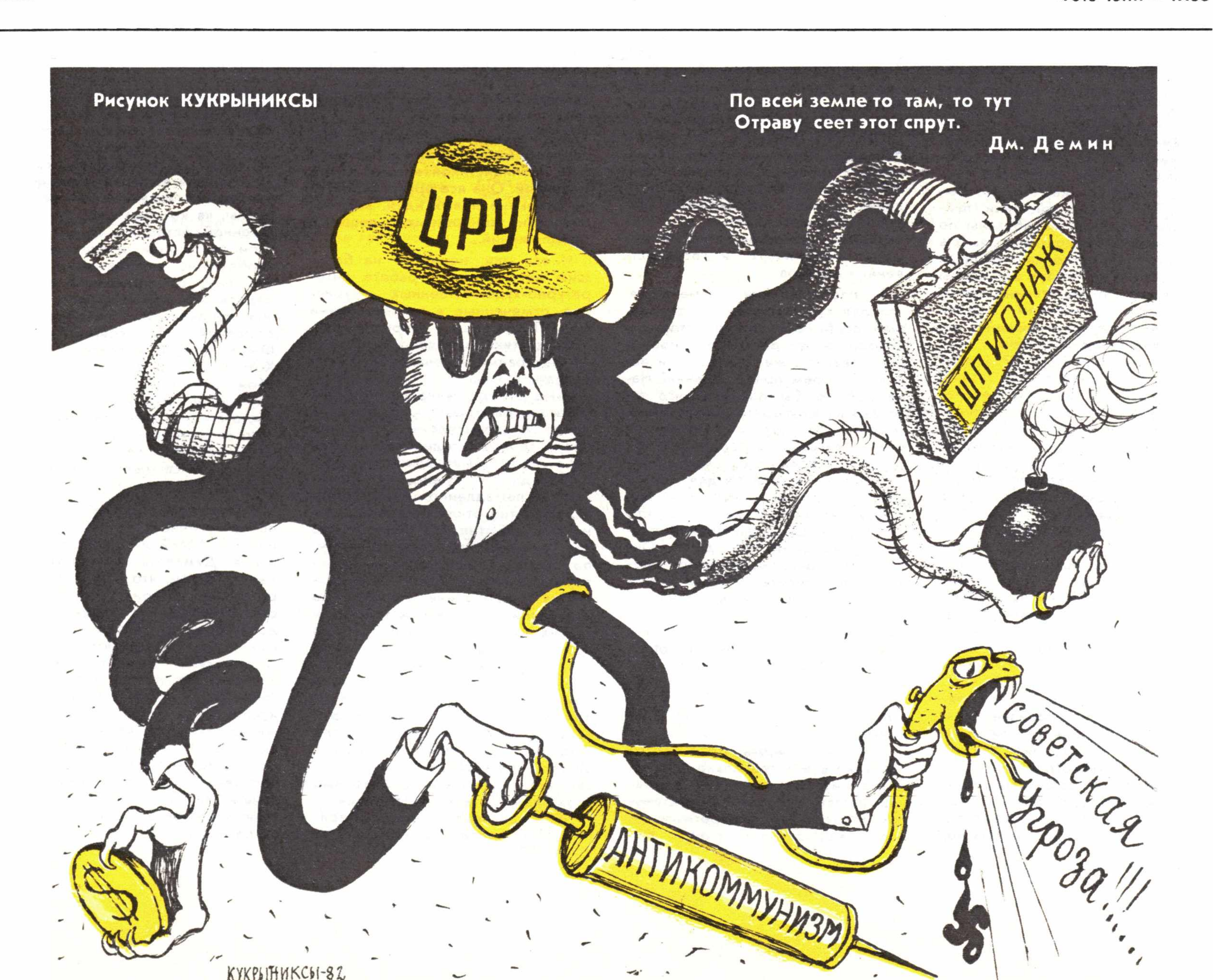

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

По всей земле то там, то тут
Отраву сеет этот спрут.

Дм. Демин

ВОЗВЫШАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Сергей САРТАКОВ,
лауреат Государственной премии СССР,
секретарь правления Союза писателей СССР

Для меня, убежденного прозаика, а в какой-то доле и публициста, совершенно ясно, что постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» поднимает серьезный разговор о литературе в целом, хотя положения, содержащиеся в этом партийном документе, естественно, в первую очередь обращают внимание именно на работу литературно-художественной периодики, ибо она наиболее оперативно откликается на самые важнейшие задачи времени. Таким образом, все виды литературы как бы сливаются в едином движении, цель которого — активно и осязаемо способствовать выполнению решений, поставленных партией перед народом.

В постановлении ЦК КПСС указывается, что Союз писателей СССР и редакции литературных журналов должны помочь творческим работникам определить свое место и роль в реализации задач, выдвинутых товарищем Л. И. Брежневым в докладе на майском (1982 года) Пленуме ЦК КПСС, в осуществлении Продовольственной программы. Вот именно — определить свое место! И роль. Эти слова чрезвычайно важны. Они как бы отбрасывают прочь равнодушие, неторопливость, и, несмотря на то, что выполнение Продовольственной программы потребует немалого времени, ее первые результаты должны ощутиться как можно быстрее. Вот почему писатели, публицисты, журналисты обязаны по зову сердца оперативно занять свое рабочее место на страницах периодики и, используя все жанры литературы, соответственно своим творческим влечениям помочь решению существеннейшей народнохозяйственной задачи.

Союз писателей СССР издает около ста журналов. Это гигантская трибуна, с которой целенаправленно и на высоком идейно-художественном уровне (а разорвать эти две стороны литературного дела нельзя) могут выступать тысячи и тысячи авторов. И коль скоро в постановлении дается в целом высокая оценка их работы, это радует весь наш большой писательский коллектив, она влечет за собой душевный отклик каждого литератора. И этот отклик, мне думается, должен быть обращен прежде всего к самому себе: а все ли тобой сделано для того, чтобы эта оценка касалась доли твоего личного — именно личного! — вклада в общее дело?

Похвально, когда в нашей периодике появляются произведения, смело вскрывающие те или иные несовершенства нашей жизни, указывающие на отдельные ее изъяны. Хорошо, когда автор профессионально разбирается в тех вопросах, о которых он пишет. Но я бы сказал, трижды прекрасно, когда автор прежде всего сам горячо убежден в правоте своего предложения, своей идеи, своего проекта, которые он выносит на общественный суд и защищает упорно и доказательно. В этом смысле мне хотелось бы назвать имя выдающегося ученого и практика Терентия Мальцева. Вот на кого должны быть похожи литераторы, пишущие о самом важном, о наболевшем предельно. Да, Мальцев по призванию не писатель, но когда он с журнальных или газетных страниц рассказывает о проблемах сельского хозяйства, о решениях, способных преобразить его, читатель верит каждому его слову, потому что в нем, в этом слове, фанатичная вера в свою правоту и гигантский практический опыт.

Вспомним, какими событиями общественной жизни были в свое время памятные всем выступления Мариэтты Шагинян, предложившей свой вариант прокладки Южно-Сибирской железной дороги, или же статьи Сергея Залыгина о сбережении от затопления тех северных тундровых пространств, на которых сегодня ведется богатейшая добыча нефти и газа. Можно было бы привести еще немало подобных примеров, но и этих двух достаточно, чтобы подтвердить мысль о том, что на основе страстных публицистических выступлений писателей были решены задачи поистине всенародного значения.

Вот она, компетентность журнальных публикаций, о которых прямо говорится в постановлении ЦК КПСС. Да, именно страстное вдохновение художника, неотразимое влечение написать именно о том, о чем не написать нельзя, поднять свой уверенный голос в защиту жизненно важного, необходимого — все это, вместе взятое, является тем свойством писательского ремесла, которое и позволяет автору выходить на высокий уровень компетентности, при котором писательские выступления всерьез обсуждаются широкой общественностью, а в итоге принимаются директивные решения партийных и государственных органов.

В постановлении отмечается, что для художественного творчества особо большой простор открывается в раскрытии нового человека. Что же такое новый человек в моем представлении? Наивно было бы полагать, что он создается в каких-то убыстренных темпах и что его можно чем-то резко отграничить от людей, так сказать, уходящих со смены. Нет, деление на поколения для меня в данном случае неприемлемо. Новый человек для меня и тот, кто прошел сквозь годы первой русской революции, кто делал Октябрьскую революцию, строил довоенные пятилетки, воевал с гитлеровскими ордами, восстанавливал хозяйство, разрушенное войной, осваивал и продолжает осваивать космос, человек, который сейчас, в эти минуты думает, может быть, о таких научных проблемах, которые ныне представляются чистой фантастикой, а со временем будут решены, оживут в яви. Я вижу черты этого нового человека в его социальном взгляде на жизнь, в его идейных установках, эстетическом и нравственном развитии. За конкретным героем журнального очерка для меня стоит все общество в целом, как содружество новых людей, строящих коммунистическое завтра.

Разве не новый человек осваивает сегодня необъятные просторы нашей Родины?! Я уроженец Сибири, всей кожей, всем своим существом чувствую исходящую от этой земли некую магическую силу, которая испытывает, проверяет и изменяет человека во всех его жизненных параметрах. В последние десятилетия возникла даже некая триада, которую я назвал бы так: Сибирь—публицистика—журналы. Сколько написано прекрасных статей, очерков, рассказов о бурном преобразовании Сибири, о борьбе за использование и, что не менее важно, за сохранение ее неисчерпаемых кладовых. Освоение ее просторов и недр ее—труднейшая промышленная и хозяйственная задача, поставленная перед народом нашей партией. Так вот, Сибирь с ее тяжелыми природными и климатическими условиями стала для непосвященных некоей психологической загадкой: почему сюда охотно едут люди? Почему, приехав в Сибирь, они влюбляются в этот край и часто остаются верными ему до конца жизни? Ведь едут же сюда не какие-то искатели приключений, те обычно через малое время уже равнодушно ее покидают. В Сибирь едут люди, сразу настроенные пустить там глубокие корни. Они с гордостью называют себя сибиряками. Выходит, есть в Сибири некая магнетическая сила, заставляющая человека видеть себя великаном, чувствовать, что он стал как бы шире в плечах. Он понимает, что от него многого ждут, и знает, что обязан — совестью своей обязан — это многое свершить. К такому очень подходит определение — новый человек.

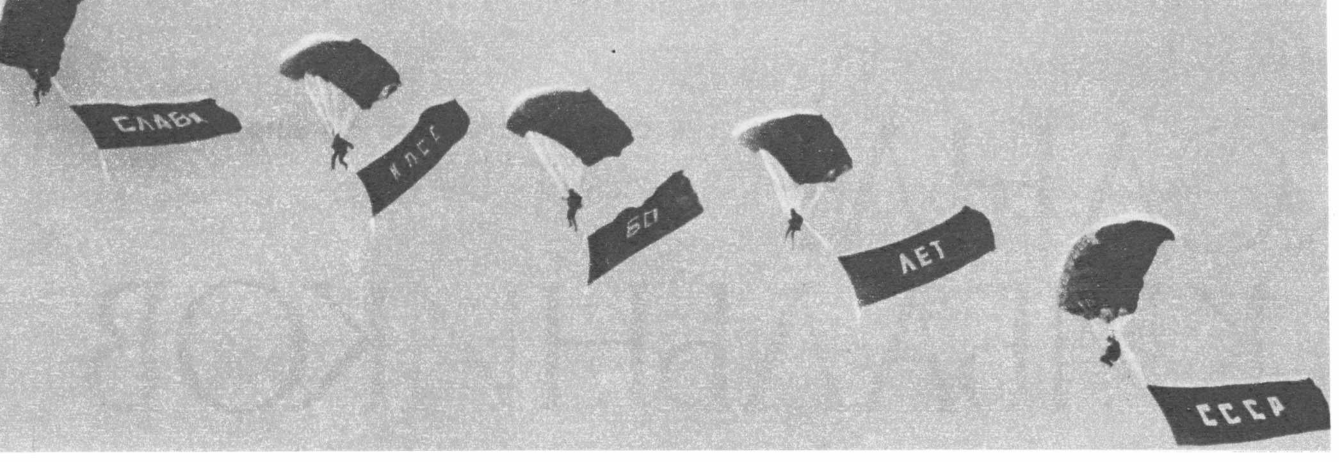
Журнальная публицистика, связанная с Сибирью, представляется мне публицистикой весьма постановочной. Она все время строится на открытии новых идей, мыслей, внесении конкретных весомых предложений...

И все-таки, несмотря на большие достижения в работе литературно-художественных журналов, отмеченные в постановлении ЦК КПСС, наша журналистика, публицистика обладают огромными резервами. А значит, могла бы сделать и намного больше. Независимо от того жанра, в котором писатели работают — в поэзии, в прозе, в драматургии, — так или иначе сама повседневная жизнь зовет их и на журналистскую тропу, когда так нужно, ну просто нужно немедленно, по-писательски страстно откликнуться на важнейшие события. И в этом смысле наш писательский союз в целом, по существу, неисчерпаемый резерв для активнейшего сотрудничества в периодике. Необходимо и работникам редакций толстых и тонких журналов почаще брать на себя смелость и приглашать писателей на ответственную публицистическую трибуну. А еще смелее привлекать молодых, пусть пока еще мало известных авторов. Это ведь те, кому продолжать дело старших. Конкретное задание редакции, командировочное удостоверение, выданное на достаточный срок, консультативная помощь, я уверен, вдохновят любого литератора, тем более из молодых, на разработку самой серьезной проблемы.

Повседневная жизнь, задачи, которые она ставит перед нами, выходят далеко за рамки событий внутри страны. Весь шар земной раскрылся перед нами в своих тревогах о будущем человечества. Именно сегодня политическая обстановка, развитие острейших конфликтов на международной арене, их ярко выраженный антисоветизм, антикоммунизм ставят перед журналистами, публицистами, писателями, всеми, чье перо остро отточено, серьезные и ответственнейшие задачи. Борьба за мир приобретает все более отчетливый характер борьбы за предотвращение ядерной апокалипсической войны, за сохранение цивилизации, вообще за сохранение жизни на Земле. События в той или иной точке планеты сегодня развиваются так быстро, так непредсказуемо возникают и складываются враждебные акции наших недругов из мира капиталистического, что деятельность советского литератора, публициста становится необыкновенно ответственной. И необыкновенно необходимой. Безотлагательной. Надо действовать. Действовать силой слова. Силой своей убежденности.

Постановление ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» дает новый импульс всей литературной работе. Сейчас в писательских организациях, в редакциях журналов проходят творческие собеседования, собрания, а намечаемый на конец октября Пленум правления Союза писателей СССР подведет первые итоги этой работы. Программа, изложенная в партийном документе,— долговременная программа. Она поможет не только заглянуть в будущее, но и извлечь необходимые уроки из прошлого. Что греха таить, да, появлялись и появляются еще в нашей периодике и в отдельно изданных книгах материалы, «в которых события отечественной истории, социалистической революции, коллективизации изображены с серьезными отступлениями от жизненной правды. Отдельные публикации содержат предвзятые, поверхностные суждения о современности». Факты эти для нас огорчительны. Хотелось бы думать, что такие сбои вытекают не из коренных заблуждений их авторов, а из-за недостаточной ответственности за каждое печатное слово. А точнее, из-за безответственности по отношению к своему собственному таланту.

Множество мыслей навевает постановление ЦК КПСС, связанное с работой литературных журналов. Думается в первую очередь и о том, что искусство, литература, когда они несут в себе свет благородных идей, а они и должны нести только благородные идеи, возвышают душу человеческую, делают человека сильнее. Не погуби, не рань неверной мыслью, ошибочным, искривленным изображением жизни открытую, верящую писателю душу читателя! Ведь это так не просто — быть воспитателем человека будущего. А выступая в печати, такую обязанность писатель, хочет он этого или не хочет, но берет на себя.

В небе парашютисты.

Вот здорово!..

В небе Тушина

Об авиационно-спортивных праздниках в Тушине ветераны авиации говорят так: «В довоенные годы, когда авиацией были увлечены практически все юноши и девушки, когда попасть в летную или парашютную секцию Осоавиахима считалось большой честью — туда по путевкам комсомола отбирали лучших из лучших, участие в Тушинском параде было почти несбыточной мечтой. Поэтому многие из нас в ту пору стояли на зеленом поле аэродрома и с завистью наблюдали за полетами и прыжками асов. Не будет преувеличением сказать, что, побывав на таком празднике, многие юноши и девушки навсегда связывали свою жизнь с авиацией. Всего одна цифра, но говорит она о многом: каждый третий летчик — участник войны занимался в Осоавиахиме!»

Ныне в авиационных секциях ДОСААФ СССР занимаются десятки тысяч юношей и девушек. Многие из них — самые настоящие асы. Достаточно сказать, что в самолетном, вертолетном и планерном видах спорта советским спортсменам принадлежит около четырехсот мировых рекордов; тридцать три мировых рекорда у наших парашютистов.

...И вот солнечное утро 15 августа. Около двухсот тысяч москвичей и гостей столицы собрались на знаменитом Тушинском аэродроме. Продолжительными аплодисментами они приветствуют присутствующих на центральной трибуне товарищей М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, а также заместителей Председателя Совета Министров СССР Н. К. Байбакова и В. Э. Дымшица, руководителей ряда министерств, ведомств, видных военачальников.

Открывают парад вертолетчики. Двадцать две винтокрылые машины несут алые полотнища. На головном — портрет В. И. Ленина. Строй вертолетов настолько четок, интервалы так выверены, что кажется, будто все МИ-2 связаны невидимой нитью. Потом в небо Тушина буквально врывается пятерка реактивных самолетов Л-29. Стремительный групповой полет, роспуск «тюльпаном» — и в небе остается мастер спорта Анатолий Чуев. На огромной скорости он выполняет такой сложный каскад фигур, что над полем раздается перекрывающий гул мотора гром аплодисментов.

Еще более сложный полет продемонстрировала на спортивном самолете ЯК-50 член сборной страны Ирина Адабаж, а на планере — Олег Пасечник.

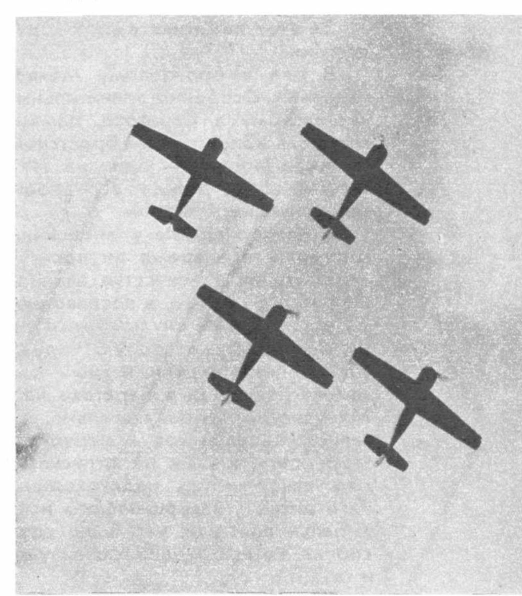
В этот день дул довольно сильный ветер, создавая дополнительные трудности парашютистам, но спортсмены, несмотря на непогоду, показали сложнейшую программу. Здесь и «капля», и «этажерка», и «карусель», и затяжные прыжки, и многие другие элементы парашютной купольной акробатики. Венцом выступлений парашютистов был прыжок абсолютных чемпионов и рекордсменов мира В. Закорецкой, Л. Ереминой, Е. Ткаченко, Н. Мамай, О. Казакова, И. Терло, А. Осипова, Г. Сурабко.

Очень интересной была программа и у вертолетчиков. А заслуженный тренер РСФСР А. Бесфамильный показал на своем МИ-1 самые настоящие танцы в воздухе.

Праздник близится к концу. В небе разлетаются яркие ракеты — это парашютисты салютуют участникам и гостям смотра молодости, отваги и мастерства, посвященного 60-летию образования СССР.

Б. БОРИСОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Групповой пилотаж самолетов ЯК-52.

Девушки приветствуют гостей праздника.

АЛЕКСАНДР КИБАЛЬНИКОВ

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Вадим ОЛЬШЕВСКИЙ

На разбеге Садового кольца, в динамичном средоточии оживленнейших улиц Москвы, как верно встал он — Маяковский, изваянный в бронзе: «...планов наших люблю громадье, размаха шаги саженьи»! Властная неодолимость в этом монументе. Твердо стоит фигура Маяковского на пьедестале, возвышаясь над площадью, и площадь вся подчинена голосу бронзы. Волевой и упрямый подбородок, высокий лоб, вскинутые над ним волосы, лепка скупая, крепкая — Маяковский весь в этом изваянии, такой, каким мы представляем себе поэта в строках его жизни и в строках стихов.

Помните, он так однажды сказал: «Если б был я Вандомская колонна, я б женился на Place de la Concorde»? Ему, Маяковскому-монументу, стала в обручение площадь Маяковского. Поэт, умевший говорить с солнцем и с пароходом, с днем настоящим и будущим, он как бы идет Москвой: широкие плечи, широкий шаг, голова высока, словно этот прохожий выше всех на улицах Москвы. В нем воля, свобода, сила, он живет в сутолоке города, и не раз уже было замечено, что, когда по вечерам движение затихает и меньше становится народу, фигура Маяковского выглядит одинокой, ей будто скучно стоять в вечерней тишине, ей недостает того кипения жизни, с которой привык разговаривать поэт.

За этот памятник в 1959 году Кибальников был удостоен Ленинской премии.

В ряд к бронзовому Маяковскому в Москве встают его другие создания. Особенно значительны его памятники Ленину. Памятник Чернышевскому в Саратове, памятник Есенину в Рязани, мемориальный ансамбль «Защитникам Брестской крепости».

Кибальников — один из тех наших художников, кто вложил в заветный образ вождя всенародную любовь и наполнил его живым человеческим чувством.

С самого начала у Кибальникова так повелось: замысел вызревает годами, и все время он носит его в себе, а когда приходит работа, стремителен в искусстве ваяния. Памятник Чернышевскому был задуман еще до войны, в послевоенные годы образ великого революционера воплотился в скульптурных портретах, затем на всесоюзной выставке он представил статую Чернышевского и она была удостоена Государственной премии, и лишь в пятьдесят третьем году бронзовый Чернышевский встал в Саратове на постамент. Все эти годы в работе был Маяковский, но показательно: как ни один другой художник-монументалист, Кибальников с первого своего выхода на простор большого творчества привык не отпускать от себя своего героя, пока остается хоть какая-нибудь недоговоренность в образе, возможность последнего штриха, завершающего исполненный труд. И одно может сказать Кибальников: все, что было сделано им в свой срок, было исполнено сполна, во всю душевную силу художника, во всю исчерпанность труда и таланта.

Вот и памятник Третьякову, что встал перед зданием Третьяковской галереи, занял у него двадцать лет. Все долгие годы художник носил в себе мысль о Третьякове. Да, «творческие думы в душевной зреют глубине». Он не мастер произносить речи. А скажет слово, будто припечатает. Когда шло обсуждение конкурсных проектов памятника Маяковскому и его проект занял первое место, одна из сотрудниц дома-музея поэта воспротестовала: «Но Александр Павлович не обращался к нам за помощью, не спрашивал совета». Кибальников ответил: «А скажите, разве Маяковский не сам писал стихи, а ему писали?»

Вся работа наедине с собой. Весь труд внутри себя. Так складывалась, так сложилась его жизнь художника. «Я — поэт. Этим и интересен»,— сказал однажды Маяковский. «Я — художник. Этим и интересен»,— мог бы повторить Кибальников.

Давайте смотреть, чем интересен скульптор Александр Кибальников. Как-то раз к нему в мастерскую пришли зарубежные гости. А студия у него, как у каменотеса, у мастерового: глина, цемент, разбитые куски гипсовой формы в корыте, голая лампочка под потолком и табуреты, заляпанные раствором. «Где же музей, в котором собраны ваши работы?»— спросили гости. «Пожалуйте,— сказал Александр Павлович,— адреса моих музеев — это площадь Маяковского в Москве, это Саратов, Рязань, Брестский мемориал...»

Кибальников знает: монументы в спешке не создаются. И уж если найдено им решение, оно незыблемо в своей сути. Его Чернышевский в Саратове изваян так, что другого и не мыслишь. Маяковский на площади Маяковского: кто представит себе иного Маяковского — «агитатора, горлана-главаря»? А монумент в Бресте — исполин, вырастающий из глыбы камня, будто из глыбы годов,— не он ли это, вечный солдат, вставший на земле своего подвига?..

Каждый раз, когда открывается тот или иной монумент, мы спрашиваем себя: похож? «Речь не о похожести преходящей и бытовой,— говорит Кибальников,— речь о том, насколько мое и твое — наше общественное социальное — представление сходится с тем, какое дает художник. Получает ли он власть над воображением твоим, давая ему плод воображения своего?» И более того, можно продолжить мысль художника, — в том особенность искусства памятника, монумента, что оно несравнимо в широте своего воздействия перед всяким другим искусством. И все самое прекрасное, возвышенное, чем живет в памяти народа его история, все, чем отзывается в нем день идущий, властью монументального искусства должно быть вынесено на улицы и площади городов. О том мечтал Ленин, когда выдвинул свою знаменитую идею монументальной пропаганды: улицы и площади — им быть учителем и художником, быть и наукой, и радостью, дышать красотой человеческой, красотой народных деяний...

Итак, шли годы послевоенные, когда скульптор поставил в Саратове своего Чернышевского. Нет, не того, что возвратился в родной город больной и усталый после вилюйской ссылки, а Чернышевского молодого, красивого, смелого — ведь, по свидетельству современников, был он обаятелен смолоду: высокий, стройный, и благородство душевное выражалось в его внешнем облике. Это Чернышевский, который готовил себя к служению грядущей, светлой России. Здесь он словно бы из числа героев своей книги, о которых говорил: велика масса честных, добрых людей, а таких мало — они двигатели двигателей, они соль соли земли. Художнику виделось, как в том, старом Саратове, вернувшись после Петербургского университета, этот новый, особенный человек, преподаватель-словесник в городской гимназии, окруженный восхищением своих учеников, несет им «души прекрасные порывы», но уже чует надвигающуюся грозу, и знает, что она разразится, и идет ей навстречу. Наперекор казенному, затхлому, бездуховному — смелый, красивый человек. И он тверд, он нежен душой. Эту твердость и нежность хорошо почувствовал Кибальников. И романтическую окрыленность, тот свет, которым горел Чернышевский.

Свободной, живой красотой наделена эта бронзовая фигура. Вспоминаешь перед ней все те же строки Чернышевского об особенных людях, которыми расцветает жизнь. Тем он для нас ярко сегодняшний, этот памятник. Да, ныне это та жизненная позиция, ответственность, которая ведет человека к рубежу, где четко разграничены нынешние правда и неправда и испытываются представления о долге, о чести и жизни.

Саратов. Кибальников обязан этому городу. Паренек из станицы, он ушел из отчего дома за необычной, волнующей профессией художника. Город дал ему приют, подмогу, открыл путь к искусству. Он многое сделал для города своей юности. И вот сегодня в работе портрет писателя Константина Федина для памятника в Саратове: прекрасное, благородное лицо, высокая жизнь духа — облик создателя книг, повествующих о путях революции, путях новизны в старом русском городе на Волге, помнящем юные годы писателя.

И там же, в Саратове, у входа в Художественный музей имени А. Н. Радищева встал памятник славному автору «Путешествия из Петербурга в Москву». Музей был основан внуком писателя-революционера, известным художником-маринистом А. П. Боголюбовым, и имя Радищева в советские годы вошло в название музея, стало гордостью саратовцев. Многие годы копились впечатления для этого образа, для этого памятника.

Есть у Кибальникова в мастерской любимые вещи, видно, те, с которыми он не может расстаться, среди них мраморное изваяние Радищева. Мрамор за долгие годы приобрел ту патину времени, которая делает его похожим на мрамор старых мастеров. Да он так и был задуман, чтобы было нечто от русской скульптуры позапрошлого века. Представительность, импозантность во вкусе парадных портретов Шубина и шубинская тонкость в деталировке, обработке материала обра-

НА ВКЛАДКЕ: РАБОТЫ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА СССР А. П. КИБАЛЬНИКОВА.

Памятник Владимиру Маяковскому в Москве.
В мастерской скульптора. В работе — портрет писателя К. А. Федина.
Брестский мемориал. Скульптура «Жажда».
Брестский мемориал. Центральный монумент ансамбля.
Н. Г. Чернышевский.
Памятник Сергею Есенину в Рязани.

Фото И. ТУНКЕЛЯ

щают внимание зрителя к временам Радищева. Высокое благородство, мужество духа, гражданственная скорбь, предощущение трагизма личной судьбы — что главное в этом портрете, в его острой психологической характеристике? Летописец народной печали — «...душа моя страданиями человечества уязвленна стала»—и возвышенный своей натурой мечтатель, видевший Отчизну свободной, в величии и славе,— все это сплавлено в портрете, оттого в нем такая внутренняя полнота и прямота.

Неудивительно ли: волей обстоятельств оказались поставлены в Саратове памятники двум славным сынам России — Чернышевскому и Радищеву, столь близким один другому в высоком духовном горении, в гордой и многострадальной судьбе.

Так наметилась у Кибальникова линия его героя. Романтический, рахметовского нравственного облика Чернышевский. Маяковский — поэт, оратор, трибун. Радищев — гражданин высокой судьбы.

Показательно: Кибальников не гонится за необычностью внешних решений. Каждый раз не случайно свою работу над памятником он начинает с портрета. Когда вы будете в метро на станции «Маяковская», посмотрите — у торцовой стены подземного зала какой вдохновенный портрет поэта! Портрет становится ключом к психологическому, образному решению монумента.

Каким видится нам Есенин у себя на родине, на Рязанщине, в Рязани? Своим памятником художник вернул Есенина его розовому коню— «...словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне» — такой Есенин принадлежит Родине, России. «Тихо льется с кленов листьев медь», и когда открывали памятник, в погожий предосенний день, рязанские клены, березы, рябины, посаженные возле памятника, приняли Есенина в свой круг, будто он должен был к ним вернуться, и он вернулся.

Истинная народность искусства, когда создание художника встает в строй, в лад представлению, которое сложилось в народе. Словно не художник сочинил свое творение, а народ его сочинил.

...Был незабываемый день в жизни Кибальникова, когда открывали памятник Ленину в Саратове. Торжественно, празднично поднялся монумент на главной площади города.

А ведь там же, в Саратове, в художественном училище, Александр Кибальников впервые попробовал силы в ленинской теме — вылепил свой первый портрет вождя. В той обширной Лениниане, которая творится нашим искусством, ленинские портреты Кибальникова неизменно привлекают внимание: ничего внешнего, ни броскости исполнительского приема,— все отдано глубинному постижению образа.

Белоснежный мрамор — из камня выступает лицо, голова Ленина. Состояние глубокой задумчивости, видим привычный ленинский жест: когда Ильич весь был погружен в работу, рука чуть притрагивалась к губам. Психологический рисунок, проникновенный и тонкий,—представлено то состояние раздумья, когда нет движения внешнего, а есть лишь движение духовное. Склоненное лицо погружено в тень, свет выделяет великолепную, неповторимую форму лба. Пластические средства передают внутреннее напряжение, которым живет портрет,— напряжение, работу духа.

И еще об одном портрете Ленина. Скульптура долго стояла в мастерской художника. И когда доводилось приходить к нему в мастерскую, первым делом влекло к его Ленину—уже законченному, отлитому в металле портрету. Художник как бы изначально представил в нем силу, сокрытую в Ленине. Представил как высшую красоту его личности. О том говорил портрет.

Потом этот портрет появился на выставке. Казалось, творение художника верно настолько, что между ним и зрителем как бы и не стоит художник и ты живешь этим творением, верным, как жизнь.

Кибальникова влекут люди действия, воли, борьбы. Его изваяния-поэмы поднимают героя, обретающего свою нравственную суть в деянии, подвиге. Отсюда и стремление скульптора к обобщениям большим, возвышенным, вбирающим в себя чувства широко народные. В год сорокалетия Октября он показал на всесоюзной выставке монументальную статую «К солнцу!». То было время, когда совершились первые космические полеты, когда пробужденный атом начал давать энергию для мирных целей и в небывалом свете обрисовалась мощь человеческого разума, дерзость осуществленной мечты. «В скульптуре, названной «К солнцу!»,—говорил тогда Кибальников,—мне хотелось раскрыть в пластическом образе мысли и чувства современного прогрессивного человечества». На высоком пьедестале статуя встала перед зданием одного из учреждений Организации Объединенных Наций в Женеве. Современная архитектура — плоскости бетона и стекла — подчеркнула ее динамичные формы, полные жизни, энергии. Человек, поднимающий в своих руках солнце, предстает символом прогресса и мирного подвига Советской страны в свершениях разума и доброй воли на земле.

Деяние-подвиг... В Волгограде, хранящем память далекой царицынской обороны, как и память Великой Отечественной, установлен многофигурный монумент, созданный Кибальниковым: это бойцы, комиссары гражданской войны — их лица решительные и открытые, волевые и гневные, на них отсвет времени и отсвет борьбы. В бронзе они вернулись на землю былых боев, герои красного Царицына, вошедшего в эпос сражений за Советскую власть.

Деяние-подвиг... Вы были в Бресте, в стенах цитадели, где, кажется, поныне не стынут руины, обожженные войной? Теперь навеки стоят эти брестские камни и рвется на ветру пламень вечного огня. В безмолвии — суровое лицо воина-исполина, стремительный штык-обелиск и черные плиты надгробий: неизвестный, неизвестный, неизвестный...

Когда состоялось открытие мемориала, центральная площадь ансамбля вся заполнилась народом; казалось, память военных лет осеняла торжество и застывшая дума в лице исполина была обращена в те давние годы. Был вознесен над годами, над руинами крепости титановый штык-обелиск. Сияние неба отражалось в гранях штыка. Отгремел салют; сотрясая площадь грохотом шага, прошла колонна молодых солдат, и настала тишина. И тогда с высоты, из установленных на вершине обелиска динамиков, пролилась на землю мелодия. Пролилась хором женских голосов—печалью жен, матерей по не пришедшим с войны, печалью Родины о солдатах бессмертных.

Как его пересказать словами, брестский ансамбль?

Чувство все время в движении: то наполняет тебя задумчивый и светлый покой, то в высоком взлете захватывает душу патетика образов. Один строй эмоций налагается на другой, и в тебе остро прорезается прикосновение к дали времен. Словно испытанный всеми грозами, всеми неистовствами войны, становится просветлен и мудр своим духом человек. Не это ли и есть тот опыт чувств, та память сердца, которые вошли в нас с жестокой, беспримерной войной и отложились в народе?

И вот из могучего бетонного монолита прорисовывается лик воина-исполина. Из каменной плоти, как из плоти тяжких годов. Ты узнаешь эти крупные волевые черты и будто самим временем иссеченную высокую нерушимость духа. Лицо твоего народа, прошедшего грозные годы, обращенного памятью к грозным годам.

Мужественная эта память. Мужественная и светлая. Уже при подходе к мемориалу, перед тем как вступить в крепость,— партер травы с красными каплями цветов, будто кровь сыновей на зеленой траве, и впереди входная арка — красноармейская звезда, прорубленная в толще бетона. Звезда — крепость. Шаг твой в направлении к этому крепостному бетону, и мелодия трогательная, что звучит в душе, принимает в себя тональность мощную, грозную. И вот уже как застывшая ярость, как беззвучный грохот боя — эти грани бетона, патетика твердости, мужества, гнева, и чувство твое выходит на простор ансамбля, возвышенное прикосновением к геройству.

Широко и свободно, словно на каких-то могучих, плавных волнах, воображение вбирает в себя думу солдата-исполина. Как он далек, тот бой, за перевалами отошедших десятилетий! Но в раздумчивую, величавую печаль — в память о прошлом — вторгается начало волевое и победное: штык. Штык-обелиск. Стремительный взлет вертикалей, светлый и грозный металл — громоподобный металл современных ракетоносцев. Салют от дня сегодняшнего дням тем.

Весь ансамбль — это единый в своей многозначности образ. Все входит сюда: и архитектурные, и пластические формы, и звук — мелодия голосов,— словно от всех русских полей, просторов, лугов она пришла к изголовью солдата, и цветы, травы, деревья, и искусство света в вечерний час, когда красным заревом освещены развалины казематов и кажется, что это нестынущей лавой горит, продолжается бой. На фоне ночной черноты лезвия прожекторов трагично и резко лепят лицо солдата; обелиск — будто фантастический лазерный луч; огонь в глубине руин — тот обжигающий огонь сорок первого года; на листве деревьев—свет зеленый, свет успокоения и тишины, а твердыня торжественного входа, где вырублена звезда, в рубиновом накале прожекторов—монолит из рубина, и он как бы изнутри горит этим накалом.

Языком высоких обобщений говорит ансамбль. Когда проходишь под аркой-звездой, еще далеко впереди предстают своим общим абрисом голова исполина и штык-обелиск, а здесь, рядом с остатками крепостных казарм, где шел бой, на бровке берега тихой речки Мухавец, омывающей крепость,—боец из тех дней. Изваяние бойца, героя сражения. В дни сражения в крепости не было воды. То была тягчайшая мука: вырываясь в контратаки, защитники бастионов под всем неистовым огнем врага припадали устами к струям реки. Этому горькому подвигу памятник — боец с каской ползет к воде. Все та же сильная, выразительная лепка в бетоне, монументальность, выдерживающая открытость широкого пространства, но это уже не символика, это живое воспоминание.

Каска обращена к нам, и в ней — вода. Люди черпают из реки воду и наливают солдату. Я видел, как старая мать опустилась здесь на колени — вечного сына своего напоить водой. Художник сам рассказывает: еще не было торжественного открытия мемориала, а уже утвердился этот обычай — воду из реки наливать в солдатскую каску, и когда он впервые это увидел — почувствовал, пришла к нему награда.

Брестский мемориал занял прочное место в народной памяти о Великой Отечественной, как и мемориалы Волгограда, Саласпилса, Хатыни, как скорбная Мать на пепелище Пирчюписа. Кибальниковым был возглавлен коллективный творческий труд по созданию мемориала, по его замыслу осуществлены грандиозные изваяния ансамбля.

А не так давно перед зданием Третьяковской галереи встал изваянный им портрет Павла Михайловича Третьякова. У входа в галерею нужен был Третьяков, чтобы стоял вровень с людьми, которые сюда приходят. Такой, какой приглашал к себе в галерею при жизни. Не памятник — просто человек, которого любили, которого написали на своих холстах Крамской и Репин. Если вспомнить, на портрете Репина — в полупрофиль, на фоне золоченых рам, тонкое задумчивое лицо, обрамленное бородой, облик русского интеллигента-демократа, привычно встающего из семидесятых—восьмидесятых годов прошлого столетия. Таков Третьяков и у Кибальникова: русский человек, живущий своей правдой и верой, натура прямая перед жизнью, перед людьми.

Сегодня у Кибальникова в работе — проекты новых памятников Ленину. Закончен монументальный портрет-бюст дважды Героя Советского Союза космонавта Алексея Леонова, близится к завершению разработка памятника К. А. Федину. И еще в проекте — монумент в честь подвигов в боях и труде в городе Иванове... Прекрасен труд семидесятилетнего мастера — не годы властны над ним, а он властен над своими годами, над бронзой и гранитом, в которые облекаются его создания.

Народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии — почетные звания увенчивают труд талантливый и масштабный. В масштабности этого труда выступает художник-монументалист высоких гражданственных устремлений. Ленинская идея монументальной пропаганды — искусство улиц и площадей, искусство о народе и для народа — обрела в лице Александра Кибальникова подлинного поэта и энтузиаста.

Анатолий **ИВАНОВ**

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ПОВЕСТЬ О НЕСБ

7

По стопочке они выпили, но от второй Чернышов категорически отказался, заявив, что у него мелькнула вроде одна мысль, которая может пригодиться для очередной повести, и ему эту мысль надо обдумать, пока она не затерялась, не забылась, и, может быть, даже сделать в блокноте кой-какие заметки.

— Понимаю,— кивнул Сапожников и, убирая бутылку, с улыбкой добавил: — Вот ведь как... Сегодня мы с самого утра вместе заняты одним делом. Но у тебя мелькнула вот какая-то творческая мысль, а у меня нет...

— А-а,— улыбнулся и Чернышов.— Все дело в том, что писатель, вообще художник, устроен так, что мозг его никогда не спит, все время находится в рабочем состоянии.

— Вон что,— произнес Сапожников, как показалось Чернышову, теперь сухо и холодно.— Ну, обдумывай, а я котелок вот помою да спиннинг еще покидаю.

Сапожников спрятал в рюкзак ломти хлеба, выплеснул на землю остатки ухи, положил в котелок ложки, отправился к реке. Чернышов тоже поднялся, быстро подошел, почти подбежал к ближайшей соломенной копне, бросился в нее лицом вниз, полежал так какое-то время, затем медленно перевернулся на спину, стал смотреть в осеннее небо. В небе ничего не было, ни облаков, ни птиц, оно было просто пустое, какое-то неуютное. И хотя достаточно еще грело солнце, по земле растекалось тепло, Чернышов чувствовал, что небо уже холодное и что с каждым днем теперь оно будет холодеть все больше и больше.

Никаких творческих мыслей у него сегодня в голове не мелькало, не появлялось, он так сказал Сапожникову затем, чтобы просто побыть одному, полежать, как бывало в детстве и юности, в копне свежевымолоченной пшеничной соломы, подышать ее запахом, поглядеть в беспредельное небо над землей. Ему мучительно захотелось этого во время обеда, когда он выпил ту единственную стопку водки. Он вдруг представил, как торопливо и взволнованно забьется его сердце, замрет и онемеет от восторга вся душа, едва он упадет на кучу свежей соломы. Ведь он родился и вырос в селе, и странно, что подобное желание раньше никогда к нему не приходило, хотя он чуть ли не каждый год бывал на родине. А теперь вот пришло, затопило его полностью, он не захотел больше ни ухи, ни водки, с нетерпением ждал конца обеда, той секунды, когда бросится лицом в солому. И вот бросился и замер, ожидая чего-то необыкновенного. Но ничего не произошло, сердце не забилось и душа не онемела. Он вдыхал какой-то душный и горьковатый запах, незнакомый и неприятный ему. «Неужели так пахнет пшеничная солома? — подумал он неожиданно спокойно, без раздражения.— Или на этой хлебной полосе было полно каких-нибудь сорняков, той же сурепки? Ну да, так неприятно пахнет, кажется, сурепка...»

Тракторный мотор все постукивал где-то, сквозь эти механические звуки временами пробивались, кажется, человеческие голоса. Чернышов напряг слух, затаил даже дыхание. Ну да, где-то работали люди, судя по всему — не двое, не трое, а больше. Чернышов различал теперь и говор, и смех, и мужские, и женские голоса. Они то будто приближались, то удалялись, пропадая совсем. Люди очищали, кажется, поле от соломы, свозили ее в одно место и скирдовали.

Чернышов вспомнил, что после его последних слов Сапожников обиделся почему-то, к речке ушел сердитым, ложки в котелке глухо и будто тоже сердито позвякивали. А что он такого обидного ему сказал? Мозг художника действительно всегда находится в рабочем состоянии, всегда готов воспринять, всесторонне оценить, творчески проанализировать любую новую мысль, любой жизненный факт, случай, событие.

Но, подумав так, Чернышов почувствовал, как возникает в нем чувство собственного осуждения. Он считал себя человеком честным, порядочным, неглупым, так оно было и на самом деле, к людям он относился в высшей степени справедливо, своими достижениями и своим положением в обществе никогда не кичился, а вот сейчас в его словах: что художник устроен несколько по-иному,— вроде бы проскользнула нотка высокомерия, пусть и несознательно, случайно. Я, мол, талантлив, а ты нет, потому ко мне пришла творческая мысль, а к тебе нет. Да, не надо бы так говорить, потому что... Потому что и он, Сапожников, талантлив. Он прекрасный педагог, отличный, как все считают в районе, организатор и руководитель. Разве этого мало? Не надо бы так ему говорить... Но с другой-то стороны, неожиданно подумал Чернышов, речь шла ведь о таланте художественном. Я обладаю им, а Сапожников нет, как у меня абсолютно нет таланта педагогического и организаторского. Так что же тут обижаться?

Придя к такому заключению, Чернышов удовлетворился им, чувство внутреннего осуждения исчезло. Тем более, продолжал думать Чернышов, Ленька Сапог, пожалуй, талантливее меня душой, той внутренней, не выставляемой на вид добротой и щедростью, которая является главным богатством человека. А может быть, и главным его талантом. Да, да, Маша, Мария Ивановна, так и сказала недавно. Как-то в один из последних приездов он спросил у нее: «Ты, Маша, счастлива с Леонидом?» Она подняла свои большие серые глаза и могла уже не отвечать на его вопрос. Но она сказала: «Бесконечно, бесконечно!» Голос был настолько благодарный, а глаза настолько счастливые, что это больно задело что-то в Чернышове, какая-то непонятная и давняя-давняя обида просочилась, чуть-чуть проступила в сердце, как влага иногда проступает сквозь толщу каменных пород, остывших еще тысячелетия назад. И показалось тогда, что вроде совсем-совсем недавно Маша Дмитренко, задыхаясь от чувства к нему, Чернышову, произнесла приговор Леньке Сапожникову: «Я-то не могу любить двоих»,— а теперь вот она счастлива с ним бесконечно. Она еще добавила потом Чернышову боли, проговорив: «У него, Валя, золотая душа... Да нет, дороже всякого золота, нет той цены, которой можно было бы ее оценить».

...—Валентин, рюкзак я у костра оставляю,— раздался голос Сапожникова.— Я тут недалеко буду, если что — крикнешь.

Чернышов, не вставая с копны соломы, повернув только голову, увидел, что Сапожников возится у потухающего костра с рюкзаком, запихивая туда помытый котелок. И в знак согласия махнул рукой. Сапожников взял лежащий на земле спиннинг и снова пошел к зарослям, окаймлявшим водоем.

Провожая взглядом его широкую, покачивающуюся в такт шагам спину, Чернышов думал уже не о Сапожникове с Марией Ивановной, а о Нине Лебедевой, появившейся в его жизни осенью сорок восьмого. Он учился тогда на третьем курсе, а Маша на втором, их считали в институте людьми конченными, то есть почти семейными, не вступившими еще в брак лишь потому, что комнат для семейных студентов общежития не выделяли, а снимать где-то жилье было не на что. Так оно все и было, Валентин подумывал уже перевестись на заочное отделение с тем, чтобы поступить на работу — он напечатал два-три очерка в комсомольской газете о студенческой жизни, и его в любое время обещали принять в штатные сотрудники — и иметь возможность как-то решить вопрос с жильем. Против этого неожиданно и зло восстал Сапожников. «А твое-то какое тут дело?»— рассердился Чернышов. «Леня, Валя... не ссорьтесь»,— успокаивала их Маша. «Я боюсь, Валька, что ты... работа, семья тебя засосет и заочно институт ты можешь не кончить,— говорил Леонид.— Или растянешь образование на много лет». «Ну если даже так... тебе-то что за забота?! Ты смотри, Маша, как он о нас беспокоится!» «Ну, положим, о тебе-то...» — воскликнул Сапожников и умолк, задавил в себе дальнейшие слова. «А-а, значит, ты только о Маше?» «Правильно! Угадал! — почти прокричал Леонид. И, беря себя в руки, тише добавил: — Именно о ее судьбе и беспокоюсь, дурак».

В это-то время и появилась на курсе Нина Лебедева. Что и говорить, Нина была красива, и это рождало почему-то в Чернышове неприязнь к ней. Месяца два или три он будто и не замечал ее присутствия на курсе, вслух никогда не здоровался, так, кивал молча головой, когда нельзя было сделать вид, что он ее не замечает. Но однажды они столкнулись в институтской библиотеке, как говорится, нос к носу. Он и здесь хотел было молча кивнуть и пройти мимо. Но она насмешливо произнесла: «Боже мой, неужели имею счастье так близко лицезреть знаменитого Валентина Чернышова?» «Чем же я знаменит?» — спросил он, стараясь как можно смелее глядеть в ее коричневые, с колючими искорками глаза. «Да говорят, что вы почти писатель». «А-а!» — усмехнулся он, опуская глаза. Он опустил их от смущения и растерянности, от сознания, что неприязнь к ней он вызывал в себе искусственно, а на самом деле боится этих ее коричневых с пронзительными искрами глаз, которые, он чувствовал, могут натворить с ним и с Машей бед. Но это смущение и растерянность вызвали вдруг в нем злость, и он нашел в себе силы поднять на нее глаза и холодно сказать: «Должно же вам хоть раз в жизни выпасть счастье».

Она не сразу поняла смысл этих слов, а когда он начал доходить до нее, стала все выше и выше поднимать тонкие брови и, наконец, удивленно выдохнула: «О-о!» «Вот именно»,— подтвердил он машинально и, чувствуя облегчение оттого, что после такого дерзкого с ней разговора никакие беды им с Машей теперь не грозят, прошел мимо нее.

Но как он был наивен в своем убеждении, что этот разговор отведет беду от него и Маши! Все вышло наоборот, наоборот... Всю ночь он не спал, казня себя за грубый и наглый, как он считал, ответ Нине Лебедевой, чувствовал на своем лице ее холодный взгляд, потом с неделю не ходил на лекции, боясь увидеть ее. «Ты чего, Валь? — обеспокоилась Маша.— Заболел?» «Ничего я не заболел! Ну чего ты...» — раздраженно выкрикнул он. «Ва-аля?!» — испуганно воскликнула Маша. «Ну... извини, изви-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 32, 33.

ни!» — сразу выпустил он из себя весь пар, утих.

С тех пор он стал как-то еще старательнее избегать Нину Лебедеву, подальше обходить то пространство, где находилась или могла находиться она, а когда уже нельзя было ее миновать, все так же молча и еле заметно кивал в знак приветствия и спешил прочь. И ему казалось, что он ведет себя точно так же, как и раньше, до той встречи в институтской библиотеке. Но Маша становилась все молчаливее, все печальнее и однажды, разрыдавшись, закричала: «Кого ты обманываешь? Себя? Меня? Да я же все вижу, вижу, ты любишь ее! Любишь...» Он принялся ее неловко успокаивать, неумело и неубедительно опровергать ее слова, чем только еще больше подтвердил их, и Машу начала бить истерика: «Откуда она появилась тут, проклятая?! Оставь ты меня сразу! Оставь, не мучай!»

Сразу он ее не оставил, и, может быть, зря, так было бы легче и ей и ему. Да и Леониду Сапожникову, который знал всю историю их отношений. И весь курс знал, потому что однажды Нина во всеуслышание заявила: «А ты, Чернышов, напрасно меня избегаешь. Я ведь лебедь из волшебной сказки, я все равно посажу тебя на свои крылышки и унесу». Слова были столь неожиданны, что Валентин сперва не знал, как на них ответить, потом неуклюже буркнул: «Еще уронишь». «Не-ет,— блеснула она своими глазами-искрами.— Донесу до самого нашего счастья!»

И донесла...

Валентин Чернышов закрыл глаза и тотчас увидел безграничную бездну, в которую начал падать, погружаясь в черную пучину все глубже, все дальше. Такое вот своеобразное видение черной бесконечной пустоты перед собой, в которую он погружается, Чернышов впервые ощутил не сегодня. В первый раз сознание представило ее давно-давно, в день похорон матери Нины. Она скончалась от сердечной недостаточности в мае сорок девятого, как раз в разгар весенней экзаменационной сессии, и на кладбище, когда зарывали могилу, Нина взяла его руку, сжала ее холодными пальцами и прошептала: «Теперь ты не оставляй меня. Иначе я тоже помру». «Я не оставлю, не оставлю»,— промолвил он торопливо и увидел перед собой впервые ту черную бездну, в которую потом падал и падал, стоило лишь закрыть глаза.

8

В той стороне, где недавно стучал трактор, опять послышались человеческие голоса, донесся женский смех. Затем все утихло, какое-то время над убранным пшеничным полем снова стояла мертвая тишь. Но Чернышову почему-то казалось — сейчас, вот сейчас она нарушится, но уже не стуком тракторного мотора, не беззаботным девичьим хохотом, а чем-то иным.

ЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

Предчувствие нарушения тишины в нем странным образом все более укреплялось, и он даже привстал в ожидании того, что неминуемо должно было произойти. И дождался — по пустынному и холодному уже сентябрьскому небу полилась какая-то песня. Голос был девичий, тоненький и несмелый, но он резко печатался в тишине, разлившейся над полем, и Чернышов отчетливо разобрал слова:

У родимой матушки
Я, как лен, цвела.
Жизнь моя отрадная,
Как река, текла.
В хороводах и кружках —
Всюду милый мой
Не сводил очей с меня,
Любовался мной...

Девичий голос был негромкий, но доверчивый и чистый, как лесная речка. Именно светлая речка Белоярка из далекого детства и представилась Чернышову. Он любил сидеть на ее берегу где-нибудь за селом, где Белоярка была не больше ручейка, и слушать, как маленькая вода тихо позванивала и доверчиво звала к себе. У речки можно было сидеть неподвижно часами и наслаждаться бесконечным хрустальным звоном, бегущей светлой водой, запахами деревьев и травы, растущей по ее невысоким берегам. Можно было наклониться к речке и с наслаждением попить ее прозрачной, вкусной, охлаждающей воды. А стоило в нее войти и замутить — крохотная речка все так же продолжала течь и звенеть, но звуки становились уже не хрустальными, а просто булькающими, и запахи, недавно еще нежные, таинственные, сразу как-то грубели, пропадали.

Мелодия песни не была радостной и не была печальной. Она, как сразу определил для себя Чернышов, была светло-грустноватой и поразила созвучием его настроению и еще чем-то, более важным, чем его нынешнее состояние. Чем же?

В сознании Чернышова промелькнуло, как в первую ночь их с Ниной близости она все шептала и шептала, что отныне весь смысл ее жизни в любви и что она затопит его своей любовью. Как давно это было! Он тогда взял да и спросил: «А в чем теперь будет смысл жизни ее... Маши Дмитренко?» «Ах боже мой, да какое мне теперь дело до нее?! До всех людей на свете! — прокричала Нина.— Ты — мой, а я — твоя!»

Вспоминая об этом, Чернышов ждал продолжения песни, будучи твердо уверенным, что оно последует. Так и произошло: совсем не с земли, а из безбрежного светлого неба опять донеслось:

...Но давно уж милый мой
Стал, как лед зимой,
Ласки свои нежные
Отдает другой...

Девичий голос теперь рвался от тоски и горя, и ему было тесно там, в этом безбрежном небе, а безграничное светлое пространство будто причиняло еще большую боль. И он тотчас вспомнил, как Маша Дмитренко тогда, давно-давно, из последних сил простонала ему в лицо: «Валя, как же ты делаешь мне больно...» Заплакала и пошла. Да, для Нины и для него смысл жизни был тогда в их любви. Чуть ли не каждый день он приходил к Нине домой, часто оставался у нее до утра, и, ощущая под руками ее полыхающее тело, слыша, как гулко стучит ее сердце, он тоже забывал о Маше, обо всем на свете. Ему было хорошо, а Маше плохо,— какое-то время он жалел ее, а потом стал жалеть все меньше и, наконец, перестал совсем.

...Лучше чем соперница,
Краше чем меня?
Чем отбила милого
Друга у меня?—

тоскливо спрашивал из вышины девичий голос. Так вот чем поразила его песня в самом начале — это же Маша, Маша изливает ему в песне всю свою боль!

...Иль косою русою?
Белым ли лицом?
Иль походкой частою
Завлекла его?

Да, чем завлекла его Нина — непонятно. Красотой? Ну, и Маша не уступала ей во внешности. Разница меж ними состояла в том, что Маша обладала душой открытой, доверчивой и бескорыстной, а Нина была честолюбива, расчетлива и равнодушна к другим. Эти ее качества Чернышов почувствовал и узнал сразу, еще до слов, сказанных ею о Маше: «Ах боже мой, да какое мне теперь дело до нее...» А вот поди ж ты, любовь к Нине обрушилась на него, как обвал. Что в те дни творилось с Машей — невозможно было и вообразить. Да он тогда и не воображал себе этого, он иногда видел ее, высохшую, подурневшую, и, умом понимая, как ей тяжело, как невыносима теперь для нее жизнь, сознавал себя предателем, эгоистически выискивал себе оправдание в том, что все равно Маша не останется одна, что ее любит Ленька Сапожников, что он ее никогда не покинет, и даже хорошо, что он, Чернышов, теперь с Ниной, соперника у Леньки теперь нет. Как-то он ему так и сказал: «Я теперь тебе, Лень, не соперник...» И услышал в ответ: «Ты не соперник. Ты просто подлец!» И он согласился с этим, не чувствуя себя даже оскорбленным, ибо слова были справедливы, и проговорил: «Все так, Леня... Я виноват перед Машей. Но я не могу порвать с Ниной. Это выше моих сил. А ты... не бросай Машу. Не покидай ее». «Ишь ты, какой... добряк!» — зло крикнул Сапожников.

Это слово — «добряк» — больнее всего ударило тогда Чернышова. Сапожников разгадал те неуклюжие оправдания, которые пытался найти для самого себя Чернышов, и это было невыносимее всего. Но тот обвал заваливал, заваливал его все глубже, пока откуда-то сверху, из крохотного, свободного пока пространства, не пробилась к нему страшная весть: «Маша Дмитренко кинулась под поезд!» «Как, почему, зачем же?!» — с оглушающим звоном долбило, и долбило, и долбило в уши, и он, раздавленный страшным известием, ходил по огромной квартире своей молодой жены, как слепой, без конца тыкался в стены, а дверей будто найти не мог. Не мог найти их до тех пор, пока Нина, не скрывая ядовитой иронии, сказала: «Не переживай уж так наглядно, цела и невредима твоя Маша». «Ка-ак!..— прохрипел он и, в ту минуту не веря, не в состоянии поверить словам жены, закричал: — Ты еще можешь так кощунствовать... так чудовищно...» Слов необходимых и точных он подобрать не мог. «Леонид Сапожников в последнюю секунду выхватил ее из-под колес паровоза,— сообщила Нина.— Он же давно за ней, как тень, ходит. В психолечебнице Маша твоя лежит».

Она сообщила все это и обиженно поджала губы. А он кинулся в больницу.

Когда он вошел в белую палату, Маша лежала на койке, выкрашенной в белый цвет, смотрела в потолок. Потом медленно повернула голову, некоторое время смотрела на него, не мигая. Беззвучно кричащие глаза ее стали наполняться тяжелыми слезами. Ноги его сами собой подломились, он упал перед кроватью на колени: «Прости меня, Маша... Маша, милая, я разве виноват, что она... появилась? Прости, умоляю...» «Ладно,— сказала она тихо и тоскливо.— Я так тебя люблю, что... прощаю. Только ты мне чуть помоги... чтобы мне хоть чуточку полегче было. Ну подскажи, как мне дальше жить? Зачем жить?»

Лучше бы Маша сказала тогда: иди и, как я, бросайся под поезд. И он бы почувствовал облегчение, пошел бы. Но она сказала не так, а иначе, сразу увеличив его мучения, которые он сегодня почему-то переживает ничуть не легче, чем тогда. А тут еще эта песня... Только где же она, почему умолкла на середине? Он чувствовал, что песне еще не конец, что она будет продолжаться, и он надеялся почему-то, что она даст ему ответ на все те вопросы, которые в нынешний приезд в Белоярку вдруг навалились и одолели его. Она должна дать ответ, потому что... потому что он, Чернышов, может быть, за этим и приехал. Ему надо уяснить как-то свое место в жизни, оценить самого себя полной мерой, понять в конце-то концов что-то главное в своей судьбе. А песня вот давно умолкла...

Нет, умолкла песня совсем недавно, это мысли в голове Чернышова неслись с непостижимой быстротой, в какие-то мгновения в его воображении проходили длинные отрезки прошлой жизни, создавая иллюзию большой временной протяженности. Тоскливый девичий голос умолк всего на несколько секунд и поднялся снова в вышину осеннего неба, заливая холодное пространство неизбывной болью и пронзительной мольбой не о счастье даже, а хотя бы о простом успокоении:

— Научи, родная мать,
Как мне дальше жить?
Или сердцу бедному
Помоги забыть...

Сознание Чернышова как бы остановилось. Он надеялся, что песня даст ответ на его мучительные вопросы, а она снова возникла, никаких ответов не дала, а только еще больше сдавила сердце от обостренного сознания — так же вот мучилась тогда Маша! Так же мучилась и так же умоляла: помоги, помоги, чтобы мне хоть чуточку полегче было!

Чернышов долго, как ему казалось, лежал бездумно, без всякого движения. И ему не хотелось шевелиться, он боялся теперь думать о чем-то, ибо в уставшем мозгу гудела такая же боль, как в те минуты, когда он стоял на коленях в белой больничной палате перед Машиной кроватью. Но в мозгу все-таки шевелилось: отношения людей никогда не были простыми и легкими, всегда были, есть и будут покинутые, оставленные. Значит, такая вот боль, боль неразделенной любви извечна, потому народ и складывает о ней песни. Но как же все-таки эта боль преодолевается? Маша вот Дмитренко тоже ее преодолела, открылись ей все радости жизни, и она сейчас счастлива. Что же там песня, дает хоть на это ответ?

Ответ песня дала. Он был настолько прост, что Чернышов, прославленный писатель, которого критики называли мудрым диалектиком, постигшим философию жизни двадцатого столетия, наделенный толкователями литературы правом исследовать и отображать подлинную духовность человека, ну и, как говорится, и так далее, стремительно поднялся и долго сидел на копне пахучей соломы, теперь по-настоящему оглушенный. В голове звенел и звенел тот же голос, но теперь наполненный не безысходной тоской и болью, а просто грустью и сожалением о несложившейся судьбе:

— Боль такую, дочь моя,
Не заворожить.
Как сумела полюбить,
Так сумей забыть.

Как же просто! И как все ясно, думал и думал Чернышов — как сумела полюбить, так сумей забыть. Сердце от тоски разрывается только у некоторых птиц, говорят. У людей оно выдерживает, после всех таких переживаний и терзаний, иногда неконтролируемых поступков, как это было с той же Машей Дмитренко, человек становится мудрее, спокойнее, сильнее, хотя, может быть, что-то теряет в своем жизненном потенциале он сам или его потомство. И в песне ведь слышится грусть и сожаление не о несбывшемся счастье, а о не сложившейся пока судьбе. Песня оставляет надежду и даже рождает уверенность, что со временем все переменится, придет к обиженной жизнью девчонке новая любовь, определит и сложит ее женскую судьбу. Ах, боже мой, почему он, Чернышов, не композитор, какое он мог бы сейчас создать симфоническое произведение! Он еще где-то в прологе, где-то в самом начале сочинения отчетливо выразил бы предощущение грядущей сердечной боли, ожидающей неразумное человечество, постепенно давал бы картины развивающейся жизни, вводил бы на фоне душевных страданий людей мотивы развития их высокой духовности, которая помогает справляться со всякими трудностями, в том числе и с сердечными страданиями, а в финале, как в этой вот песне, мощно зазвучала бы тема счастья, которое пока не наступило, но наступит! Конечно, можно эту тему решить и в литературном произведении, написать, скажем, еще одну повесть, которую станет хвалить и Сеня Куприк и официальная критика, но все это будет не то, не то... Почему, почему он не композитор?!

Композитором Валентин Чернышов не был.

Окончание следует.

ЗЕЛЕНЫЕ ПОБЕГИ ВЕКОВОГО ДРЕВА

Сильва Капутикян.

Начало см. на стр. 1.

Могучие крылья революции подняли, вознесли к рассвету, к счастью не только смятенную душу поэта, но и его страну.

Воплощаемая в жизнь идея социального равенства и братства наций обновила, укрепила веру веками томившегося под игом чужеземцев народа, который всей своей жизненной философией, образом бытия, самой сутью своих творений — зодчества, эпоса, лирики, 1600-летней письменности,— всей душой и всегда тянулся к этим великим идеалам и только сейчас получил возможность осуществить исконное стремление к согласию, к миру.

После установления Советской власти в Армении вернувшийся на родину крупный прозаик Александр Ширванзаде в письме к известному армянскому общественному деятелю, живущему во Франции, Аршаку Чопаняну писал: «Все, что я здесь увидел и изучил за эти три года, укрепило мою убежденность в том, что единственный путь спасения армянского народа — это Советы, и глубоко ошибаются те, кто как-то возражает против этого... Немыслимо и невозможно представить себе иное разрешение национального вопроса, чем тот способ, с которым подошли к этому вопросу большевики».

Сегодня мы празднуем 60-летие «способа разрешения большевиками национального вопроса» — 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Вот уже шесть десятилетий, приняв на борт множество наций и национальностей, огромный корабль — Страна Советов — движется вперед по компасу Ленина. Движется сложными, непривычными, дотоле не исследованными широтами, встречая на пути рифы и мели, бури и войны, движется уверенно, побеждая.

Как и все другие народы, народ Армении поднялся на этот корабль со своим грузом: с опытом своих веков, полных борений, свершений, надежд. Жизнь и борьба его дальновидных сынов, еще в конце прошлого века присягнувших идеям революции: Исаака Лалаянца, Богдана Кнунянца, Степана Шаумяна, Александра Мясникяна, Камо (Тер-Петросяна), Гая (Бжишкяна),— принесли свои плоды. В большой семье советских народов, плечом к плечу с Россией, новую жизнь начал и древний армянский народ. Та самая армянская деревня, в былые времена согбенная от угрозы бесконечных нашествий, зарывшаяся в землю, глинобитная, напуганная, ныне распрямилась, встала на ноги и двухэтажными домами из веселого туфа, новорожденными садами и лесами — питомцами протянувшихся по всему краю кормильцев-каналов, уверенно смотрит на мир. Сияние несметных электрических огней, затмив отблеск прежних пожарищ, очертило границы света и тьмы — Армении и ее южных соседей. По количеству электроэнергии на душу населения мы сейчас превзошли такие государства, как Франция и Италия. Из Армении, где до революции были всего две-три полукустарные фабрики, ныне экспортируются промышленные изделия почти 180 наименований, и среди них сложнейшие электрические приборы, точнейшее электронное оборудование. Причем более чем в 70 зарубежных стран: в Англию, Италию, Австрию, Японию...

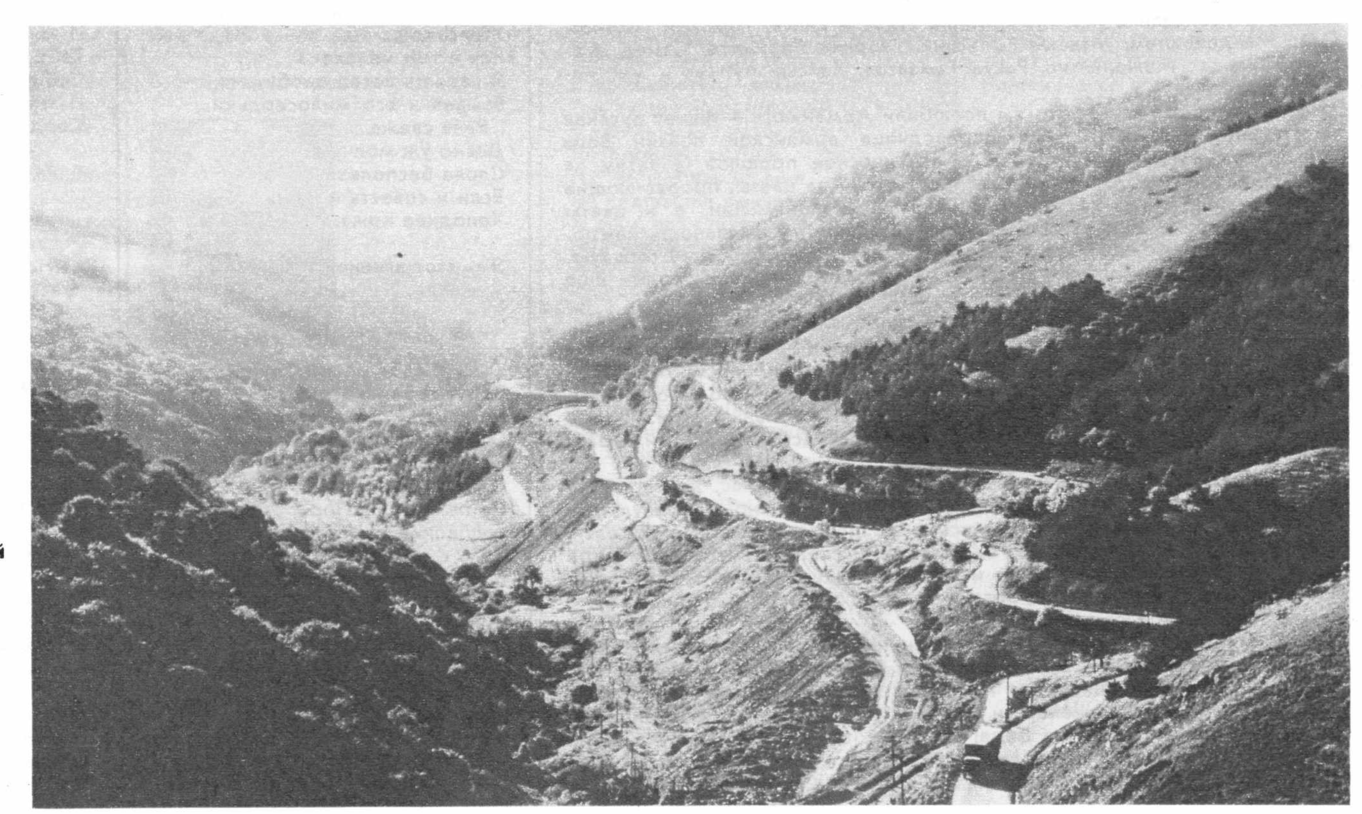
Десятилетие за десятилетием оживала, крепла, обновлялась под сенью Страны Советов равная среди равных, Советская Армения. Это оно, новое общественное устройство, создало условия для того, чтобы накопившаяся веками энергия непреклонного народного духа дала ток. Именно этот непреклонный дух побудил Мартироса Сарьяна, очевидца смертей и огня, зловеще-алый цвет пожарищ перелить в знаменитый сарьяновский багрянец и пурпур и сложить из них гимн жизни и солнцу. Он же, этот животворный дух, превратил простого паренька из Авлабара в могущественного чудодея Арама Хачатуряна, повелевшего опустить сабли перед магией его танца с саблями. И, наконец, этот же крылатый дух превратил хилых, изможденных сирот в исполинов-строителей, которые подняли на своих плечах Родину из руин и пепла.

Увидев свою возрожденную Родину, армяне, скитающиеся по свету, почувствовали себя увереннее, тверже стала их поступь даже на тех, чужих берегах. Устами поэта Ваана Текеяна они приветствовали второе рождение своей страны.

Свободна там земля — и не подвластна страхам,
С чела струится пот: впитавшись в каждый ком,
Он проникает вглубь, чтобы смешаться с прахом
Отцов — и на такой земле поставить дом.
Открыто на него взирают все отныне,
Руины близ него улыбкою зажглись,
Увидев пред собой в той каменной пустыне
Строенья новых лет, стремящиеся ввысь.

(Перевод Е. Николаевской.)

Трудно строилась моя Родина. Стоит проехать хоть немного по дорогам Армении — и всюду вдоль обочины увидишь терриконы камней. Тем, кто попадет сюда впервые, покажется, что так и было от века. Но

Севанский перевал.

нет, это «новообразование природы», очень характерное для здешних мест, создано человеком. Человек и бульдозер мертвой хваткой вцепились в камень, который действительно веками покрывал землю. Камень сопротивлялся, не хотел уступить захваченную им территорию, но в конце концов сдался. И вот ныне древние камни, укрощенные, поверженные, лежат обессиленно у дороги. А земля, раскрепощенная, облегченно вздохнувшая, приняла в себя долгожданную влагу каналов и водоемов, стала многодетной матерью в саду, где тянутся вверх, подрастают саженцы абрикосов, персиков, виноградные лозы...

Легко было сказать в газетной заметке: «Завершилось строительство туннеля Арпа—Севан длиною в 48 километров».

А сделать это легко ли? 48 километров! Рабочие в прорезиненных комбинезонах сражаются с камнями, до невероятности твердыми, синеватыми, как металл, неподдающимися. Вода все прибывает и прибывает, доходит проходчикам до пояса. Вода горячая, воздух душный. Но люди по щепотке выцарапывают, дробят камень, по сантиметру продвигаются вперед, и так все сорок восемь километров!

Я была в штольне в тот памятный день, когда предстояло встретиться пятому и шестому участкам,— каждый примерно по два километра. В забое уже был взорван последний шпур, и, после того, как упали на землю взметенные толом камни и пыль, в глухой скале показался долгожданный просвет... И радость, взорвавшись в забое, исторглась ввысь, на поверхность земли, на строительную площадку Егенис, бросила людей друг к другу, позвала их на праздник первой победы. Когда мы, сидя в вагонетках, вонзились в глубь скалы и доехали до места стыковки, прошел уже час после взрыва. Пыль осела, раскромсанная на куски скала была повержена. Арифметический подсчет длится одну секунду: два плюс два равняется четырем; однако, чтобы получить эти четыре километра (вернее — 3882 метра), тысячи людей годами вели бой под землей, отвоевывая пядь за пядью каждый метр. И так 48 километров!

Прошло уже два года с тех пор, как горная, строптивая река Арпа простилась со своим детством и повернула, чтобы войти в новый дом — в туннель, чтобы повзрослеть, посерьезнеть, заняться хозяйством — поить Севан, поить Армению.

Туннель Арпа—Севан! Самый длинный туннель в мире. Это своеобразная пирамида Хеопса, но она построена народом, который оповестил мир и грядущие века о своей воле — жить, жить счастливо и дружно.

Строительство Арпа—Севан было не просто подтверждением упорства древнего народа, оно было и еще одним свидетельством того, как в трудностях приходят ему на помощь друзья-труженики — русские, украинцы, молдаване, грузины. Осуществляются, становятся реальностью, входят в повседневность самые высокие слова: дружба народов, чувство семьи единой.

В 1916 году, в тяжелейшие для нашего народа времена, Максим Горький и Валерий Брюсов поддержали его дух: открыли миру нашу литературу, издав с такой полнотой знаменитую антологию армянской поэзии и прозы. Тогда это было совершенно необычное и действительно великое явление дружбы. За советские годы опубликовано уже столько книг об Армении и армянских писателях, издано столько альбомов, монографий по искусству, научных трудов на русском и многих других языках, столько выставок открыто и у нас в стране и за рубежом, сколько не было на протяжении всей многовековой нашей истории. И такое число людей побывало в Армении, чтобы причаститься к ее святыням, древним и новым, какого не запомнят все минувшие века, если, конечно, не считать бесчисленных орд, топтавших эти святыни.

Известнейшие советские поэты и писатели не раз приезжали в Армению и написали о ней прекрасные стихи и книги: Николай Тихонов, Осип Мандельштам, Максим Рыльский, Георгий Леонидзе, Самед Вургун, Эдуардас Межелайтис, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев и многие-многие другие.

«Меня спросили: «За что вы полюбили Армению?» — пишет русская писательница, замечательная переводчица армянской поэзии Вера Звягинцева.— Полюбила сперва за трагическое прошлое, а затем за мужественное преодоление этого прошлого — за цветы, прорастающие сквозь камни, цветы не только в буквальном понимании, а и цветы науки, искусства, за силу жизнелюбия, за яркую музыкальность каждого армянина. А больше всего я люблю именно эту землю, эту горькую, трудную, древнюю землю, от складок которой холодеет сердце еще в самолете».

На протяжении веков человечество складывалось из пестрой мозаики больших и малых наций и рас. На протяжении веков в этих нациях и расах утверждались отношения покорителя и покоренного, угнетателя и угнетенного, в лучшем случае — спасителя и спасенного. Это все вызывало в душах людей, с одной стороны, национальный эгоизм, надменность, порочное чувство расового превосходства, с другой — рабство, страх, затаенную злобу угнетенного.

И вот в нашей многонациональной стране — для нас, может, и не заметно, ибо все это вроде бы так обыденно, привычно,— в результате советского образа жизни создались и создаются иные взаимосвязи, отношения, которые оставляют благотворный след на внутреннем мире людей, накладывают свои цвета и оттенки в душах, незаметно отливая новый духовный сплав, где органически сочетаются национальное и интернациональное.

Не остается в стороне от этих изменений и советский армянин. Он чувствует себя хозяином всей бескрайней Советской страны, равноправной частицей 270-миллионного народа и знает наверняка, что отныне и навсегда над его женой и детьми не нависнет смертоносный меч, что раскинувшаяся на берегу Аракса, отлитая из скал Армения никогда не будет под пятой врага, потому что между тем берегом и этим проходит путь через Москву...

Перевод Т. Смолянской

СТИХИ

Геворг ЭМИН

●

Я — этот камень...
Два дня всего прожил на свете,
Но столько узнал и ударов
и горя —
Как за два столетья,—
Что каменею от боли,
И вот — полукамнем я стал —
Человек...
А если бы мне,
Как скале, был отпущен бы век?
Я каменней камня бы сделался
В этой юдоли.

Я — этот камень...
Я — дерево это...

О, разве не так же
Плоды отдаю я
И полднем погожим
Дарю свою тень я прохожим?
И разве в меня
Не кидали камнями?
Ствола не пилили?
Ветвей не ломали?
Но знаю одно:
Что бы делать ни стали
Со мною —
Я, сросшийся всеми корнями
С землею жестокой,
Плоды свои людям отдам,
Как отдал я в прошлые годы—
Весны своей всходы.

Я — это дерево...
Я — этот ягненок...

Гарник-ахпер *,
Ваш брат бессловесный...
Когда занесли над ним нож —
По мне полосой полоснули
Железной...
Как в том человеке
Я совесть хотел пробудить,
Взывая к его милосердью!..
...Рана свежа...
Давно уж молчу я:
Слова бесполезны,
Если и совесть и честь
Холоднее ножа.

Я — этот ягненок.

●

Коль судьба не улыбнулась
Вдруг тебе на этот раз,
Не грусти: своей заботой
Одарит тебя потом...
Если строчка отвернулась
От тебя на этот раз,
Не печалься!.. Поработай
Головою и пером...
Коль с тобою разлучилась
Вдруг любовь на этот раз,
Не грусти о том нимало:
Что ж, случается порой...
Но как быть, скажи на милость,
Если жизнь не удалась?
Не начнешь ее сначала:
Не положено второй...

---

* Гарник-ахпер—братец-ягненок.

Рачия ОВАНЕСЯН

●

Надгробный камень, черная плита,
Где проведется лишь одна черта:
Она разделит, а точней — сведет
Рождение и смерть —
восход, заход...
Ах, друг мой, эта черточка —
черта!
В ней жизнь твоя, твой мир
и маета,
В ней — вся душа твоя:
взлететь иль пасть?..
Любовь и слава, и мечта,
и страсть...

Кто знает, сколько суждено
прожить,
Блуждать по свету белому,
кружить?
Но все же, чтобы долго жить
ты смог
В недолгой этой жизни, дай зарок
Любовью черточку заполнить ту,
Ту самую, меж датами, черту...
И быстротечность жизни одолей
Неизмеримостью любви своей.

●

И силой, и волей, и честью
Тебе я обязан одной.
Улыбкою — счастья
предвестьем —
Тебе я обязан одной.
Хоть лето мое — за горами,
Все яростней ветер сквозной,
Но осени щедрой дарами
Тебе я обязан одной.
И таинством мудрой печали,
И слитностью с миром живым —
Обязан и пылким молчаньем
И юным бунтарством своим.
Тебе я обязан всем ходом
Событий и дел — всякий миг,
И этим письмом — переводом
Сердечных метаний моих.

Маро МАРКАРЯН

●

Встретила я опьяневших от счастья,
В празднике их приняла участье.
Их ликованье меня захватило —
Времени на себя не хватило.
Я повстречала застывших в горе,
Слезы скупые дрожали во взоре...
Горькую скорбь их я разделила —
Времени на себя не хватило.
Искры в сердцах отыскать
смогла я,
Мигом огонь любви разожгла я,
Пламя чужое меня охватило —
Времени на себя не хватило.
Так, позабыв про свою дорогу,

АРМЯНСКИХ ПОЭТОВ

Всем помогала я понемногу.
Я для других не жалела силы —
Лишь для себя ее не хватило.

●

Если бы знал ты,
как ты мне нужен,
Как я в тоске на ветру стою,
Как огневое дыхание стужи
Жжет беззащитную душу мою!
Если бы знал,
сколько слов заветных,
Сколько вопросов я сберегла,
Сколько заметных и незаметных
Трудностей я пережить смогла!
Если бы знал... Но к чему догадки!
В сердце чужое кто проникал?..
Может, бежал бы ты без оглядки,
Если бы знал...

Ованес **ШИРАЗ**

●

Один не могу я садиться за стол.
Один не могу быть ни в горе,
ни в счастье.
Один не могу я садиться
за стол —
Все приходите, дверь моя настежь!
Щедрый мой стол,
что тяжел и широк,
Скудным вдруг станет,
если без друга я.
Если без друга я... Хлеба кусок
В горле застрянет,
если без друга я.
Все приходите! И птицы пусть!
Дверь, как душа,
распахнута настежь!
Если без друга я —
с кем поделюсь
Сердце мое переполнившим
счастьем?

●

Весна во мне, и я пою,
и все поет в Армении.
Ищу любимую свою меж гор
и вод в Армении.
Как много девушек вокруг —
кувшинки, розы, лилии,
Но горьких слез росу я лью,
когда цветет Армения.
— Люби же, но люби без слез,—
мне говорили многие,—
Так много лилий, астр и роз,—
мне говорили многие,—
Пускай цветами луг зарос,—
мне говорили многие,—
Но лишь один цветок любовь
тебе несет в Армении.
Один цветок еще не май,
но в нем любви цветение,
В нем сотни весен, так и знай,
в нем все твое спасение!
Напрасно бродишь средь цветов
в любовном ослеплении,
Лишь с одного ты собирай тот
сладкий мед в Армении.
Весна во мне, и все поет,
и я пою в Армении.
Под девичий веселый смех
я слезы лью в Армении.
Вы не смотрите сотней глаз,
о девушки Армении,
Как снова плачу я по вас,
о девушки Армении.

Арамаис **СААКЯН**

ЛЮДИ

О звездный жар!..
Но при твоем рожденье
Не звезды — люди
радовались щедро.
И помощи, поддержки,
снисхожденья
Ты у людей просил, а не у ветра.
О праздничность деревьев!..
Но плясали
У вас на свадьбе люди —
пели, пили...
Полет орла красив под небесами,
Но — люди тебя в небо
возносили.
А смерть подступит к твоему
порогу,—
Случится это, так или иначе,—
На их плечах отправишься
в дорогу,
Не горы — люди о тебе заплачут.
И если вспомнят о тебе не скоро,
Спустя года,— похвалят ли,
осудят,—
То вспомнят не деревья и не горы,
Не ветер и не звезды —
Только люди...

●

Я не терпел, чтоб мать моя
хоть раз
От тяжести, от бремени
сгибалась...
Но как мне, как не допустить
сейчас,
Чтобы она от времени сгибалась?!
Стою пред ней, беспомощен
и слаб,
Стою пред ней —
недостижимо близко...
Как снять с нее мне тяжкий груз?
Хотя б
Всего частицу ноши материнской?

Сатател **АРУТЮНЯН**

●

А дорога все тянется, тянется
До горы Арагац — до горы...
Отчего отстаешь ты, упрямица,
Отстаешь — устаешь до поры?
Еще столько пути не измерено,
Еще столько шагов до утра,
На дороге луною растеряно
Столько чистого серебра!..
Еще столько прекрасных,
восторженных
Слов невысказанных на душе,
Еще столько на сердце
несложенных
Песен, рвущихся к жизни уже!..
Отчего ж отстаешь ты, красавица,
Отстаешь — устаешь до поры?
Ведь дорога все тянется, тянется
Далеко — до вершины горы...

Ваагн **ДАВТЯН**

●

Ах, родник,
Что на счастье подарен...
Он сейчас,
Как ребенок босой,
Словно ногу
О камни ударил
И смеется сквозь слезы
Росой...

Ах, родник...
Как дитя — лучезарен.

●

Страна Армения,
Огонь горячий мой,
Земля моя, утес
И камень опаленный,
И глины тяжкий стон,
От жажды истомленной,
И красной меди жар,
И варварский мой зной...
Ах, это не любовь,
Не клятвы, не признанье,
А жажда без воды
И медленная кровь
Мешаются в одно,
Сгорая в мирозданье...
Ах, это все — огонь,
Не клятвы, не любовь...
Страна Армения,
Мой мох и мой пырей,
В расщелинах сырых
Лиловый мой цикорий,
В расщелинах — туман,
Плывущий из предгорий,
В ущельях — грусть моя,
Которой нет острей...
Ах, не любовь во мне,
Не клятвы, не признанье...
А дым, что стелется
Над жертвенным столом,
И искры от него,
Что мчатся в мирозданье:
Тревоги ветер их
Срывает день за днем.
Страна Армения,
Невиданный мой свет!
Метелям отданный,
Ты — снег мой вековечный,
Ты — буря снежная,
Ты — путь мой быстротечный,
Ты — белый стон,
Ты — рев,
Летящий буре вслед.
Ах, не любовь во мне,
Не клятвы, не признанье,—
Нет, это бури свист,
И рев, и гул, и вой...
В безумии с вершин
Она летит в тумане
И бьется по пути
О камни головой...

Перевела Елена Николаевская.

Артем **АРУТЮНЯН**

СОСНОВО

Север. Летние луга.
Пью холодный воздух лета
так, как птица в час рассвета
воду пьет из родника.
Свет возник, и свет исчез,
и не знаю я заранее,
в ярком свете иль в тумане
предо мной предстанет лес.
Поле за моим окном,
лес встает стеною дале,
светит синий взор лучом,
свет из леса, свет печали.

Как горошинки в стручке
на ветру звенят сухие,
так шумят мои младые
дни вблизи и вдалеке.
Здесь Россия, друг и дом,
и еще на белом свете
ветер есть, который в сети
ловит луг с кустом, с гнездом...
Будущее не узнать,
реки ль принесут нам вести?
С другом мы живем здесь вместе,
с нами поле, словно мать.

Перевел Олег Шестинский.

Карлене **ЧАЧАНИ**

●

Мне хочется порой в высь неба,
к звездам взмыть!
Но не кончается мечта моя
на этом.
Мне хочется порой звездою
яркой быть,
чтоб на сердце твоем сиять
вселенским светом.

●

Под сенью клена я жду
горлицу свою.
Ее все нет и нет. Пою,
чтоб не озлиться.
Голубка наверху воркует — я пою
и, видно, потому свою не слышу
птицу...

●

Гляжу на молодой девичий
хоровод,
на пляску женихов, на солнце,
что так ясно
высвечивает даль, и в синий
небосвод
воскликнуть я хочу:
«Мгновенье, ты прекрасно!»

Перевел с курдского
Борис Пчелинцев.

«ГРАНИТНА ТВЕРДЬ ОСНОВ МОИХ...»

Александр САВАЯН

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

На географической карте Советская Армения напоминает виноградный лист — узкий, изящный. За шестьдесят лет новой истории она не изменила свои внешние контуры, но содержание жизни обрело сказочное превращение. Сегодняшняя экономическая карта республики пестрит разнообразными обозначениями — новые магистрали, рукотворные моря, каскады электростанций... Родная земля будто написана кистью великого жизнелюба и творца.

Удивительные преобразования древнего края нашли отражение в документальных произведениях советских писателей, побывавших здесь в разные годы. Тропа любви привела в «страну Наири» Луначарского, Горького, Тихонова, Эренбурга, Павленко и многих других. Куда приводят ныне те их прошлые дороги — об этом наш рассказ.

ОДНА БИОГРАФИЯ НА ВСЕХ

«...И уже сделано открытие, которое, несомненно, даст армянам значительные средства для развития промышленности и культуры страны: около Арарата найдены богатейшие залежи вулканического туфа».

М. Горький «В долине Дилижана», 1928 год.

Город Артик — как розовая ветвь за окном. Необычайная судьба выпала этому городу. В розовую кипень туфа, добытого из подземных кладовых, Артик одел всю Армению, все ее города и села. Людям, добывающим это «розовое чудо», поставили у въезда в город памятник. Четырехметровый великан, обхватив молот, как бы замер на мгновение, оторвавшись от работы. Памятник камнерезу, памятник Мастеру сделан из материала для вечности — туфа.

Было немало споров о том, с кого изваял скульптор своего героя. Называли конкретные имена людей, которые позировали художнику. Но кто-то сказал: «Это мы». И все стало ясно. Каждый, кто чувствовал живое тепло камня, знал, каким мрачным и тяжелым, каким солнечным и легким может он быть, увидел в камнерезе, поднятом на пьедестал, нелегкое счастье своего «мы», одну биографию на всех.

Из своих шестидесяти семи лет пятьдесят два Гегам Хачатрян отдал «Артиктуфу». Четырнадцатилетним подростком попросился он в карьер учеником к машинисту. Ручной подъемный кран загружал вагонетку, и лошадь тащила ее из карьера к штабелям. Простейший механизм, несложное управление, но для крестьянского паренька он показался чудом техники. Самостоятельно работать на нем Гегам Хачатрян начал месяца через два. «Помог Днепрострой»,— говорит он, вспоминая те годы.

Великая стройка тридцатых годов, когда закладывалась основа советской энергетики, стала школой не только для тех, кто сооружал гигант на Днепре. Вся страна была связана с ним. Стремился жить в ритме главной стройки тех лет и маленький карьер в деревушке Артик.

Для выполнения заказов Днепрогэса здесь расширили фронт работ. Среди тех, кому доверили изготовление блоков для обшивки главного корпуса, был и Гегам Хачатрян. Осторожно загружали двухметровые туфовые глыбы, обшитые досками, на платформы. «Принимай, Днепрогэс, подарок Армении!»

Ни он, ни его товарищи не знали, что еще встретятся с этими блоками из армянского туфа, который с такой любовью добыли и обтесали в Артике мастера. И с Днепрогэсом, куда мечтали попасть. Все это будет потом. А пока лозунг «Время — вперед!» реял над карьером, и молодые рабочие, бросив вызов машинам, которых не хватало, добывали вместо 17 камней по норме 41 за смену. Строилась республика, строилась страна. Строилась основательно, потому что туф — материал вечный.

...В 1941 году, когда началась война, он ушел на фронт, оставив дома молодую жену и родителей. Лихолетье завихрило артикского туфореза. Штурмовал безымянные высоты, участвовал в освобождении советских городов. И однажды застыл в нечаянном свидании с рабочей юностью: в сорок третьем боец Хачатрян увидел Днепрогэс, разрушенный снарядами и бомбами... В сером бетоне, точно кровавая рана, алел артикский туф. Тот самый.

Весной сорок пятого он вернулся домой. Эшелоны шли по пепелищам, но перестук топоров, рокот моторов танков, с которых сняли башни и использовали теперь как тракторы, заглушали тоску и боль.

...Он стоял перед отчим домом, опустив плечи, и молчал. Некому было дать нехитрые гостинцы, которые вез в солдатском вещмешке. Не дождались сына с войны старики, скончалась жена. Он отодрал доски, которыми были заколочены окна, подправил с помощью соседей развалившуюся ограду и... ушел в ночную смену. На свое рабочее место.

Они работали рядом — бывший фронтовик Гегам Хачатрян и молодой грузчик Сенекерим Бичахчян. Собственно, слово «молодой» так, для отдела кадров. Было парню пятнадцать, и ему надлежало работать полдня. А он за полную смену перебрасывал 30—35 тонн камня. И все это руками. Сенекерим был единственным мужчиной в доме. И не только в своем. Отец его давно умер, а брат не вернулся с фронта.

— Не унывай, парень!

— Не унываю, дядя Гегам.

Когда в праздники фронтовики, надев ордена, выходили на улицу, он шел рядом с ними и радовался. Радовался, что вновь зазвенели детские голоса в доме Гегама Хачатряна, что создали в карьере комсомольско-молодежную бригаду, куда приняли и его, что доверили ему резать камень, блоки которого пойдут на облицовку Днепрогэса, на другие стройки страны.

«Он невысок ростом, невидный собой, этот чудо-камнерез, который один выдает столько камня, сколько под силу целому комбинату» — так писала о Сенекериме Бичахчяне газета в пятидесятых годах.

Камнерезы — народ не сентиментальный, но даже признанные асы своего дела приходили смотреть, как работает этот молодой парень, которого уважительно называют «варпетом». Он был действительно мастером. Именно с этого скромного, невысокого роста человека началось здесь движение, которое в дальнейшем получило название «наставничество». Школу Сенекерима Бичахчяна прошли десятки молодых камнерезов. И не только мастерство свое, умение передал он ученикам, но и активную жизненную позицию, государственный подход к делу. Будучи депутатом Верховного Совета Армянской ССР нескольких созывов, он многое сделал для Артика, района. Депутатскую эстафету подхватили от него выдающиеся мастера «Артиктуфа» Арцрун Акопян, Ваня Юзбашян — представители самого молодого поколения каменных дел мастеров.

Это лишь несколько страниц из биографии камнереза, поднятого на пьедестал. Все мастера камня непохожи друг на друга, как и люди, о которых шел рассказ. И биография их продолжается.

ЦВЕТЫ НА КАРТЕ

«...А через пятнадцать лет мы действительно не узнаем Армении: так она расцветет. В этом я уверен».

Н. Тихонов «Дни открытий», 1929 год.

Он впервые увидел Армению более полувека назад. «Нас было пять человек. Мы шли пешком из Эривани. Был 1924 год. Времена войны и нашествий были еще близки. Беженцы и развалины попадались на дороге».

У Николая Тихонова в Армении были тысячи дорог, и каждая из них приводила русского поэта туда, где на развалинах старого буйно всходили дружные побеги новой жизни.

«Вы поспели как раз вовремя,— говорили ему повсюду.— Откройте дверь в наш новый дом. Входите, дорогие!.. Мы очень рады...»

Поэт исходил всю Армению пешком. Он приезжал сюда в разные годы, тропа любви вновь и вновь приводила его к знакомым местам, но он не узнавал их. Вместо восточного города с дувалами — глиняными оградами — перед ним поднимались леса новостроек, вме-

Строительство железнодорожного моста на трассе Иджеван — Раздан * Солнечные персики горных долин * Народный ансамбль танца «Васпуракан» Араратского района * Ереванское отделение ВНИИ кабельной промышленности. Большая челноустановка * Художественный совет фирмы «Масис». Обсуждаются образцы новой обуви.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Аэровокзальный комплекс Еревана «Звартноц» * Плавильщик Алавердского горно-металлургического комбината Эдвард Торосян.

СССР
85200

сто старой деревни, дома которой были прижаты земляной крышей,— колхозный поселок. И кругом в грохоте будней строилась, созидала Армения. «Мы повидали столько, что наши записные книжки не могли вместить всех бесед о жизни и судьбе населяющих горы людей и путевых впечатлений»,— писал поэт. На карте-пятиверстке, изданной в те годы, Николай Тихонов не находил старых названий, с гордостью отмечал, что даже прежний Гарничай теперь назвали рекой Арат — Свобода.

Такую карту-пятиверстку образца 1922 года нам показали в Варденисе. «С такой картой путешествовал Николай Семенович в двадцатые годы,— сказали нам в местной школе.— Кстати, он бывал у нас, как и в Камо, и вообще он очень хорошо изучил побережье Севана!»

«...Города достойны своего имени, как люди своей судьбы. Много веков наше село называли Басаргечар, что означало «Дави и переступи». Так уж печально сложилась его судьба. Мой папа был среди тех, кто дал селу новое имя. Варденис — «Город роз».

Это написала в своем сочинении о родной земле ученица местной школы Каринэ Геворкян. Девочка назвала его «И заговорили цветы на карте». А родилось оно так: незадолго до летних каникул состоялся необычный урок. Учитель истории принес в класс старую карту, изданную в первые годы Советской власти. «Сравните с новой»,— сказал он. И ученики сравнили. Словно зеркало отражали судьбу народа названия армянских сел. На старой карте есть Чибухлу — «Чадящее», Севкар — «Черный камень», Карашен — «Окруженный камнями», «Сухой фонтан»... Безысходностью веяло со старой карты. А новая... На ней не было грустных имен. Словно нарядный цветник, расцвел радугой названий географический лист. Новая жизнь сама подсказала людям имена.

Там, где строители возвели мощную Гюмушскую ГЭС, вырос поселок Лусакерт — «Рожденный светом». На каменистых когда-то склонах Арагаца, куда пришла по оросительной сети живительная влага, раскинулся населенный пункт Цахкаовит — «Долина цветов».

В некогда самых засушливых зонах букетами собрались названия сел: Айгеван — «Окруженный садами», Воскеваз — «Золотая лоза», Меградзор — «Медовое ущелье», Аревшат — «Солнцеобильный». Ущелье мрака стало ущельем света — Лусадзором, и мимо него по прокладываемой в горах магистрали Иджеван — Раздан скоро радостно промчатся поезда. А на берегу Севана, невдалеке от села Цовагюх, о котором говорилось в очерке Н. Тихонова, два года назад свершилось то, о чем писал поэт в одном из последних своих очерков — «Чистые родники Армении»: «Воды гремящей Арпы хлынут в голубые объятия высокогорного Севана и напоят его новой энергией, новой жизнью».

Гордо несут свое имя Октемберян — «Рожденный Октябрем» центр Араратской долины, Каджаран — «Город храбрецов», где на высоте свыше двух тысяч метров добывают из недр земли цветные металлы. Светлыми именами людей, зачеркнувших грустные названия на карте Армении, назвали трудящиеся республики лучшие свои города и села — Ленинакан, Кировакан, Калинино, Шаумян.

Свое сочинение ученица закончила так: «Я стану учительницей. И когда-нибудь, через много-много лет, принесу в школу еще одну карту, новую, на которой не просохла типографская краска. И на ней мои ученики увидят еще больше городов и сел с красивыми именами».

Изостудия Дворца пионеров Шаумянского района города Еревана.

КАК ЧИСТАЯ И ЗВОНКАЯ СТРУЯ...

Равно я добрым жаром сердце грею.
Уж такова загадка бытия:
Не будь Россия родиной моею,
Армению не полюбила б я!

Вера Звягинцева «Россия и Армения».

В октябре, когда осень щедро разбрасывает сарьяновские краски по горному краю, в Армении начинается праздник переводческого искусства. Сюда съезжаются поэты-переводчики, люди, которые своим бескорыстным служением слову делают общим достоянием духовные ценности, строят культурные мосты дружбы. И всегда, будь это в современных конференц-залах, заводском или сельском клубе, на строительной площадке гиганта индустрии или у горного родника, среди добрых рыцарей литературы, чье имя в Армении чтят, называют Веру Клавдиевну Звягинцеву.

У Гете есть изречение: «Кто хочет знать поэта, должен отправиться в его землю». Но чтобы понять такого поэта, как Вера Звягинцева, надо отправиться в две земли — Россию и Армению.

Вот уже десять лет на праздниках переводчиков Веры Клавдиевны не бывает. Но ее «Россия и Армения» звучит — и на армянском и на русском. И чаще всего у родников-памятников.

Их тысячи в Армении. Они на крутых горных дорогах и сельских околицах, в центрах шумных городов и тихих ущелий. Гранитные мемориалы, и небольшие простейшие крестьянской кладки фонтанчики — цайтахпюры, и родниковые комплексы — они стоят не по декрету, а по закону душевной благодарности, чтобы напомнить живым о тех, кто отдал людям щедрость своей души.

Ты слышишь отзвуки речей
Сквозь плеск и струек перекаты?
То голоса твоих друзей,
Что воду пили здесь когда-то...

Какой из родников-памятников вдохновил Геворка Эмина на песню об этом удивительном феномене армянской архитектуры? Может, на пушкинском перевале, где известный кироваканский мастер-каменотес Меграб Мирзаханян сотворил из гранитных глыб родник-памятник двум великим сынам России — Пушкину и Грибоедову? Может быть, в самом Кировакане, где этот же мастер создал одно из чудес своего творчества — родник-памятник в честь павших в войну своих друзей-каменщиков?

Высоко в горах Зангезура, на окраине села Тех, в День Победы забил горный ключ. В молчании стояли вокруг этого родника-памятника люди, которых привел сюда седой человек с орденами и медалями на груди. В одном из последних боев Великой Отечественной войны потерял друга Мушег Марутян. Через скалы провел он горный ключ в родное село. И забила из камня вода, потекла в ущелье и где-то за горами влилась в родники-памятники с лаконичными надписями: «Молодогвардейцам», «Солдатам Одзуна», «Эчмиадзинским парням, погибшим в войну...». Есть родники-памятники и в Ленинакане, Аштараке, Геджеване, Дилижане, Ошакане...

Наклонись к чистой и звонкой струе, утоли жажду, задумайся, вспомни...

В дни праздника переводческого искусства у выложенного из белого мрамора родника-памятника певцу дружбы народов Саят-Нова возлагаются цветы. Не иссякая, журчит струя воды, словно без устали повторяет выбитые на камне слова, благодаря Валерию Брюсову известные ныне всем:

Не всем мой ключ гремучий пить:
особый вкус ручьев моих!
Не всем мои писанья чтить:
особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить!
Гранитна твердь основ моих!..

Родники-памятники. Много тепла и радости от них людям. Сотворенные из древних камней Армении, они скрепляют нравственную связь времен, чистейшими, как слезы, струями впадают в реку по имени ПАМЯТЬ, которая вечна, как вода, как гранитная твердь.

Джараратский молочный комплекс Разданского района * Севан.

КАДРЫ ИЗ ЖИЗНИ ИОНА ПОПЕСКУ-ГОПО

Этого серьезного и смешного Человечка, которого вы видите на рисунках, хорошо знают многие любители кино на разных меридианах, так же как и его создателя, замечательного румынского режиссера, мастера рисованного и игрового фильма Иона Попеску-Гопо.

Непосредственным поводом к нашей встрече с ним послужил выход на экраны Румынии нового фильма «Мария, Мирабелла», который режиссер поставил вместе со своими советскими коллегами. Он только что вернулся с совещания руководителей союзов кинематографистов социалистических стран в Улан-Баторе, где представлял Союз кинематографистов СРР.

Ион Попеску-Гопо (на первом плане справа) в монтажной.

Первый вопрос, с которого началась наша беседа, Иону Попеску-Гопо часто задают в новогодних анкетах:

— Как поживает ваш Человечек?

— Человечек, как всегда, что-то придумывает, изобретает, ведь он страшно любопытный. А сейчас ему любопытно знать, можно ли сделать из нескольких короткометражных мультфильмов один полнометражный. Первой его сказкой была «Краткая история», в которой он попытался рассказать мировую историю. Сейчас я работаю за монтажным столом. Это отбор и соединение наиболее интересных кадров из мультфильмов, созданных мной за последние двадцать пять лет. Фильм будет называться «Гомо Сапиенс» и будет содержать ту же мировую историю. Итак, Человечек активно работает, живет и доставляет мне неприятности...

— Какие, например?

— С годами он стал личностью в том смысле, что я не могу нарисовать то, с чем он не согласен. Следовательно, он диктует мне определенные решения, определенные жесты и движения. Я могу заставить его делать и говорить только то, что он хочет. Итак, вместо того, чтобы мне быть его автором, он начал становиться моим автором...

— И все же вначале было Слово, то есть Ион Попеску-Гопо... Как появился на свет Человечек?

— Возможно, прежде всего по моей лености... Я хотел создать персонаж, у которого бы не было много линий, застежек, рукавов или там голубых глаз, ведь обилие деталей в мультфильме означает огромный объем работы. И вот, созданный по причине этой лености без костюма, Человечек оказался не привязанным к какому-то определенному времени. Из эпохи Адама он может заявиться в наши дни или забежать в будущее как представитель человеческого племени. Так он становится своего рода басенным персонажем — как Медведь, Лев, Заяц или Лиса. Следовательно, это и мой Человечек и наш общий. Не знаю, родился ли он случайно или как олицетворение идеи. Но должен сказать, что я привык играть с карандашом и бумагой. И часто из этой игры получались вещи, над которыми я потом философствовал.

— В своем первом фильме с Человечком «Краткая история» вы за пять минут экранного времени рассказали историю Земли. Не могли бы вы теперь за пять минут рассказать «краткую историю» вашей жизни?

— То есть проделать операцию, обратную той, что я проделываю со своим новым фильмом: из жизни довольно полнометражной (через год мне будет 60 лет) сделать короткометражную!.. Самые прекрасные моменты моей жизни по времени находятся ближе всего к сегодняшнему дню, и я часто сожалею, что не живы мои родители, что они больше не могут видеть кадры моих фильмов. Потому что они были первыми моими советчиками, первыми моими критиками и всегда помогали мне...

Когда я был еще маленьким, мама была против того, чтобы я стал художником, потому что мой отец Константин Попеску был живописцем и зарабатывал довольно плохо. Мама говорила, что для будущего главы семьи это несерьезная профессия. Через некоторое время она изменила свое мнение, обнаружив, что можно жить хорошо и занимаясь рисованием. Она даже начала советовать соседям учить своих детей на художника... Освоив рисунок (я окончил Бухарестскую Академию изящных искусств), я сделал около десяти довольно слабых мультфильмов. Пытаясь подражать Уолту Диснею, я оказался в критическом положении: мне не нравились результаты моей работы. И тогда я полностью изменил манеру рисунка и самый принцип создания мультфильмов. В этом мне помог Человечек, открытый мной в 1956 году. У него была продолговатая голова, всегда кипевшая новыми идеями, детское, никогда не улыбающееся лицо. И этот Человечек восстал против Диснея — против красивых рисунков, привлекательных декораций, чарующей музыки. Так возник фильм «Краткая история» — своего рода «анти-Дисней». И хотя все же своими корнями уходил к Диснею, он оказался оригинальным. Сделать такой фильм мне помог целый ряд обстоятельств: я работал в газете, иллюстрировал детские книжки, варился в котле актуальных проблем.

— Как вы думаете, что обеспечило колоссальный успех вашим фильмам с Человечком — «Краткая история», «Семь искусств», «Гомо Сапиенс», которые назвали «золотым триптихом»? Ведь они были расценены как новое направление в рисованном фильме.

— Первой ступенькой к успеху было отчаяние. Я был в отчаянии оттого, что не могу оторваться от классической системы — ее в свое время предложил Дисней: рисунки на целлулоиде заполняются красками и накладываются на декорации. Я хорошо изучил этот процесс — в том числе во время стажировки в Москве, на киностудии «Союзмультфильм». И был в отчаянии оттого, что не могу применить эту систему из-за большого количества технических сложностей. Это в какой-то мере побудило меня искать новое решение. И тогда у меня родился девиз — «Буду делать фильмы минимальными средствами при максимуме идей!». В 1956 году сделать мультфильм на такую серьезную тему, как мировая история, было авантюрой. И эта авантюра удалась. Мультипликаторы в разных странах, заразившись моей идеей, стали посвящать свои фильмы большим, актуальным проблемам, в них больше не было ни зайцев, убегающих от лисиц, ни мышат, спасающихся от кошек. И то, что мой серьезный и смешной Человечек нашел такой отклик в мировом кино, для меня большая радость.

— Другие кадры из вашей жизни?

— После того, как «Краткая история» была удостоена «Золотой пальмовой ветви» на фестивале в Каннах, мне было страшно делать новые фильмы: а вдруг я не получу больше премий? Тогда мама сказала мне: если я хочу доказать ей, что премия не была случайностью, я должен получить новую, такую же. Как добрый молодец из сказки, я, потерев руки, начал исполнять это желание. Я очень дрожал за свой следующий фильм — «Семь искусств», где с помощью Человечка попытался с юмором объяснить происхождение семи видов искусства. И вот снова большая премия на фестивале в Туре (Франция). Тогда мои коллеги начали меня подзуживать: сделал два раза, сделай и в третий... Через два года мой «Гомо Сапиенс», тот же Человечек, вновь получает золотые премии в Карловых Варах и Сан-Франциско. Потом я сделал фильм по заказу ЮНЕСКО — о современных средствах коммуникации, он назывался «Ало! Хало!». Мама меня больше не критиковала, коллеги не ругали — я понял, что могу делать хорошие фильмы, и успокоился...

Прекрасными были моменты, когда меня оценили простые, незнакомые мне люди, которые не руководствовались чьими-то мнениями. Моя большая любовь — дети. При своем почти двухметровом росте я могу, например,

часами играть с ними в песке, сидя на коленях... Что я еще могу сказать в краткой истории моей жизни? Что я счастливый человек. Часто я думаю о том, что вот мой отец был одним из зачинателей мультфильма в нашей стране, но мне посчастливилось жить в ту революционную эпоху, когда в Румынии были созданы условия, поистине благоприятные для художников, для развития искусства.

— Еще одна сторона вашего творчества, тоже не менее плодотворная,— игровой художественный фильм. Почему вы иногда забываете своего Человечка и делаете такие фильмы?

— Когда я чувствовал, что не знаю, что делать дальше, я обращался к фильму с актерами. Он был мне необходим, ну, как убежище. В 1961 году я поставил фильм «Украли бомбу», он тоже получил премии — в Англии и Италии. Фильм был смелый и оригинальный: в нем на протяжении полутора часов не произносится ни одного диалога. На кинофестивале в Москве я встретил юношу, который сказал мне: «Я большой поклонник вашего фильма «Украли бомбу». Я сдавал экзамен во ВГИК со сценарием в таком же духе и провалился». Иногда мне грустно думать, что в такого рода своих фильмах я нигде не нашел последователей.

— В новом фильме «Мария, Мирабелла», созданном вами в сотрудничестве со студиями «Союзмультфильм» и «Молдова-филм», вы как сценарист и режиссер обратились к сказке румынского писателя Иона Крянгэ. И некоторые прежние ваши игровые ленты — «Белый арап», «Сказка о любви» — навеяны его творчеством. Скажите, пожалуйста, за что вы любите Крянгэ?

— По-моему, это самый научно-фантастический писатель, какого я знаю. В Румынии все дети читают Крянгэ, проходят его в школе, а потом забывают. Но если бы они перечитали его в зрелом возрасте, то были бы поражены множеством мудрых и подчас скрытых вещей. В фантастике этого народного сказителя прошлого века всегда можно открыть современные научно-технические аспекты. Например, в фильме «Белый арап» — на кинофестивале в Москве он получил премию за режиссуру, и я ее очень ценю,— герой встречается с разными видами природной энергии и учится их использовать. В «Сказке о любви» волшебный поросенок, который растет не по дням, а по часам (что не противоречит теории Эйнштейна), превращается у меня в сына звездного пришельца. И когда его «свиная кожа» (я в ней увидел костюм и скафандр космонавта) сожжена, он не может больше дышать и вынужден покинуть Землю.

Читая простую сказку о двух девочках, которая легла в основу картины «Мария, Мирабелла», я был поражен, обнаружив в ней присутствие трех основных стихий природы: воды, огня и воздуха. Вода представлена лягушонком, который доказывает, что с водой не все чисто, огонь — светлячком, который чистит свои ботинки — и они вспыхивают от трения, и воздух — бабочкой, которая боится летать, потому что воздух кажется ей слишком тонким... Итак, в поэзии сказок Крянгэ кроются большие научные истины. Как игровые, так и рисованные фильмы в наши дни имеют особое тяготение к научным проблемам, которые дают пищу для юмора и эстетическо-развлекательной информации.

— Как возник замысел «Марии, Мирабеллы»?

— Прежде всего идею такого сотрудничества высказала Наталья Бодюл, режиссер студии «Молдова-филм», когда она приезжала в Бухарест по обмену опытом. Мы решили с ней делать фильм вместе. Тогда выбрали автора — Иона Крянгэ, его сказку «Девочка добрая и девочка злая». Но мы решили: пусть это будет просто сказка о двух девочках-сестрах. У одной характер пассивный, у другой — активный, холерический. Мы отказались от того, чтобы осуждать ребенка в злом ребенке, потому что тогда вставала бы проблема его наказания, его исправления. Идея, которая пришла мне во время работы над сценарием: не наказывать детей, а показать разницу их характеров и даже продемонстрировать, что иногда добрый характер, мягкая натура заходит в тупик и не знает, как поступать дальше, и отказывается от взятой инициативы, в то время как другой характер, более энергичный, выигрывает, и это надо использовать. Итак, мысль заключается в том, что не следует осуждать чересчур деятельный, активный характер.

— Жанр картины не совсем обычен: это соединение игрового кино с мультипликацией. Вы хотели совместить вашу любовь и к тому и к другому жанрам?

— С самого начала мы решили делать комбинированный фильм. Эта идея зрела во мне давно. Я даже делал некоторые попытки и раньше, но неудачные: не хватало опыта, да и техники соответствующей не было. Нашим заветным стремлением было создать фильм, которого еще никто не делал в Европе. В некотором роде это был эксперимент. И я не отважился бы на него, не имей я рядом своего брата Александру Попеску, главного оператора фильма, изучавшего технику совмещения актеров с рисунками и в Москве и в Америке, не работай я вместе с художниками «Союзмультфильма» и «Молдова-филма» во главе со Львом Мильчиным. Одна из проблем была следующая: кадры с актерами снимались в Бухаресте, на студии «Буфтя». Актеры должны были играть, воображая, что они общаются с рисованными персонажами, которых еще не было...

— И, наверное, для двух маленьких исполнительниц главных ролей это была нелегкая задача?

— Здесь не обошлось без курьезов... Марию и Мирабеллу играют две шестилетние девочки — Джильда Манолеску и Медея Маринеску,— мы выбрали их из четырехсот претенденток. Я, например, говорил им: «Смотрите, здесь, перед вами, лягушонок». Они хмуро смотрели на меня и отвечали: «Там ничего нет!» То есть мы как бы играли в игру. А у детей эта способность очень развита. И мы это использовали. Потом в Москве мы рисовали на проекционной основе фигуры актеров и подгоняли к ним рисунки мультипликации. Операция довольно сложная и кропотливая. Взгляды актеров должны быть точно направлены на рисованные персонажи, иначе техническая сторона сразу выползает наружу и сводит на нет все усилия. У нас все получилось. Очень помогла нам в этом чудесная музыка Евгения Доги на слова Григория Виеру. Эта музыка — еще до начала съемок с актерами, еще до работы над рисунками — создала прекрасную творческую атмосферу. Потом, когда две девочки-актрисы увидели готовый фильм, где уже были и лягушонок, и бабочка, и светлячок и в действительности происходило то, что я им говорил, меня интересовала их реакция. Они ничего не сказали. Они подумали, что их обманули, и убежали из зала...

Меня спрашивают, почему я делал рисованную часть в Москве. Во-первых, я поклонник советского мультфильма. На «Союзмультфильме» у меня много друзей, я знаю там каждый закоулок. Во-вторых, советская техника анимации и по стилю и по рисунку очень подходит к совмещению с игрой актеров. Думаю, что это было очень полезное сотрудничество для обеих сторон. Мы радовались, что закончили фильм, нам было грустно с ним расставаться, ведь мы совместно трудились над ним два года.

— Вас интересовала реакция зрителей, и прежде всего маленьких, которым он адресован?

— Так получилось, что «Мария, Мирабелла» стала нашим новогодним подарком румынским детям: она вышла здесь на экраны в конце декабря. На премьеру приезжали режиссер-постановщик фильма Наталья Бодюл, Евгений Дога и Лев Мильчин. С ними мы побывали в Бухаресте и других городах. Было радостно видеть, что наша работа была принята хорошо и даже с энтузиазмом. За неделю было рекордное число зрителей. Аналогичную картину я видел на премьерах в Москве и Тбилиси. Как стало известно, фильм будет дублироваться и в других социалистических странах. Его также закупила Италия.

— Ваши дальнейшие планы?

— Прежде всего это будет продолжение моего сотрудничества с советскими коллегами и тоже в жанре комбинированного фильма. Теперь у нас уже есть опыт. Это будет тоже Крянгэ и тоже сказка — «Иван Турбинка».

Кроме того, хочу сделать фильм о гигантской кукле, которая живет в обычном мире. Это тоже мое честолюбивое стремление. Такого тоже не делали раньше.

Но сначала я закончу свой полнометражный мультфильм о Человечке. С Человечком я не расстанусь никогда. Если он исчезнет, все скажут: смотрите, Гопо похож на Человечка. А если наоборот, то скажут: смотрите, Человечек похож на Гопо...

— Какое ваше главное увлечение после кино?

— Мое главное занятие — сожалеть о том, чего я не мог сделать. Например, в детстве хотел стать музыкантом. Где-то в 16 лет написал 38 песен, играл в оркестре. Сейчас я иногда использую свои песни, например, в фильме «Сказка о любви». Еще я люблю собирать всякие старые аппараты, инструменты, старые книги. Записываю разные интересные и курьезные факты, вроде того, что на Северном полюсе тень никогда не растет и не уменьшается, а солнце никогда не касается горизонта. Гопо так же любопытен, как Человечек... Еще я люблю галстуки — мне всегда дарят только галстуки, я их никогда не покупаю. Кроме того, мне нравится носить забавные и смешные шапочки и кепки. Как увижу что-то необычное, всегда куплю...

— Что бы вы хотели пожелать читателям «Огонька»?

— Лучше всего я это сделаю в рисунке. А на словах — чтоб не жалели, что потратили время, читая это интервью... Недавно я получил письмо с севера России от девочки по имени Вероника. Адрес на конверте был такой: «И. Попеску-Гопо, Бухарест». Начиналось письмо так: «Дорогой мой Ион!» Вероника писала, что видела по телевизору кадры из фильма «Мария, Мирабелла», что ей он очень понравился, но она сожалеет, что не записала музыку. Будучи недавно проездом в Москве, я послал ей пластинку с этой музыкой. Читателям «Огонька» пластинку не посылаю: Евгений Дога рядом. Но очень хотелось бы знать впечатления зрителей.

Интервью взял Вячеслав САМОШКИН, соб. корр. АПН

Бухарест.

Эти рисунки И. Попеску-Гопо сделал специально для нашего журнала.

Создатель фильма.

«Привет читателям «Огонька»!

УСЛЫШАТ ЛИ ИХ

Владимир НИКОЛАЕВ

Каждый раз, возвращаясь из США, слышу один и тот же вопрос: «Ну, что там нового?»

Главное вот в чем: буквально за несколько месяцев в Соединенных Штатах произошел невиданный ранее качественный сдвиг в общественном сознании, можно сказать, в жизни всей нации, американцы в большинстве своем вдруг осознали, что над планетой, в том числе и над Соединенными Штатами, нависла угроза ядерной войны. Это подтверждают не только мои личные впечатления, но также анализ прессы и телевизионных программ США.

Резкий качественный скачок в общественном сознании, случившийся в США буквально за несколько месяцев, закономерен. Он не мог не произойти в разгар правления именно нынешней администрации, поставившей гонку вооружения в центр своей политики. Разгул милитаризма, истерическая кампания по запугиванию американцев «советской угрозой», провокационные разглагольствования о том, что есть вещи поважнее мира, об «ограниченной ядерной войне», о возможности победы в ядерной войне — все это, конечно, способствовало нынешнему подъему антивоенного движения в США. Способствовало этому и поистине всемирное возмущение милитаристской политикой Белого дома. Достаточно вспомнить недавние манифестации в Западной Европе, в каждой из которых участвовало по нескольку сот тысяч человек. Ныне эта волна протеста докатилась и до США.

Американцы всегда наблюдали за международными катаклизмами из-за океана. Так было и в ходе двух мировых войн. Сегодня положение изменилось: никакими тысячами миль водных просторов не отгородиться от опасности ядерной войны. Американская и мировая пресса отмечает, что за какие-нибудь полгода антивоенное движение в Соединенных Штатах приняло общенациональный характер и охватило широчайшие круги общественности. Оппозиция ядерному оружию в США, пишет «Уолл-стрит джорнэл», переросла рамки пацифистских организаций и «достигла глубин общества». Справедливость этого вывода лучше всего, пожалуй, подтверждает одно из самых выдающихся событий в жизни Америки последних лет — невиданная в ее истории манифестация в защиту мира, состоявшаяся в Нью-Йорке 12 июня.

В это время я был в Нью-Йорке, и мне посчастливилось увидеть, как готовилась и прошла эта демонстрация антивоенных сил. Она произвела огромное впечатление на американцев и получила широкий отклик во всем мире. О ней уже пишут исследования и книги.

Для проведения манифестации был создан «Комитет 12 июня». В него вошли представители почти 300 организаций политических, религиозных, общественных, социальных, культурных и других, причем они представляли самые разные движения и мнения, но их всех объединило стремление выступить против угрозы ядерной войны. Платформа «Комитета 12 июня», привлекшая к себе столько внимания и сторонников, четко выражена в заявлении этого комитета: «Мы требуем избавить планету от арсеналов смерти, и наше требование обращено в первую очередь к правительству Соединенных Штатов, которые накопили ядерного оружия больше, чем все остальные страны, вместе взятые. США — вот кто виновен в гонке вооружений. Заставить Вашингтон отказаться от его нынешнего курса, чреватого катастрофой,— такова цель антивоенного движения, охватившего практически все слои американского общества, в этом цель сегодняшней манифестации».

По мере того как приближался день демонстрации, становилось ясно, что в ней собираются принять участие сотни тысяч американцев, не только жителей Нью-Йорка, но и посланцев со всех концов Соединенных Штатов. Сотни, тысячи сторонников мира из других стран также выразили желание быть в рядах Марша мира, намеченного на 12 июня.

Нью-Йорк недаром называют Вавилоном на Гудзоне. Много сложных проблем управления этим гигантским перенаселенным центром сплелось здесь в неразрешимый клубок противоречий, не меньше и других проблем (вопиющее социальное неравенство, бедственное положение национальных меньшинств, ужасающий разгул преступности и т. п.). В Нью-Йорке, разумеется, непросто провести такую массовую манифестацию, какая состоялась 12 июня. Недаром газета «Нью-Йорк таймс» не без удивления писала на другой день об успехе демонстрации «в этом циничном городе».

Накануне манифестации в нескольких нью-йоркских газетах были опубликованы схемы предстоящего марша, названы пункты сбора его участников: учителей, адвокатов, рабочих, инвалидов и престарелых, студентов, профсоюзных работников, представителей религиозных организаций, женских объединений и т. п. Уже один этот перечень говорит о многом. С утра 12 июня нельзя было не обратить внимания на торжественную собранность и организованность людей, стекавшихся к назначенным местам.

Как известно, центральная часть Нью-Йорка разбита на прямые, пересекающие друг друга авеню и стриты, по-нашему — проспекты и улицы. Во время марша собравшиеся на узких улицах постепенно, в порядке установленной очередности, вливались в 5-ю и 7-ю авеню, направляясь в Центральный парк. Официальным началом манифестации был митинг у здания ООН, где в те дни проходила вторая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению.

В десять часов утра через центр города двинулись колонны. В час дня на самой большой поляне парка (размером в несколько футбольных полей) начался митинг, продолжавшийся до вечера.

Нельзя не сказать о том, как выглядели колонны Марша мира. Открывали манифестацию дети, их было тридцать тысяч. В рядах демонстрантов шли оркестры. Колонны были изобретательно оформлены. Вот идут «скелеты», оставшиеся в результате ядерной катастрофы, вот ведут огромное страшное чудовище, символ войны... Красочно, символично, с выдумкой!

В рядах манифестантов многие тысячи американцев из всех частей страны, из более чем 500 городов. Они так и идут своими колоннами. То и дело видишь в рядах посланцев разных стран. Кого только тут нет! Даже с Тибета 25 человек! Особым вниманием пользуется колонна японских сторонников мира, среди них — очевидцы трагедии Хиросимы и Нагасаки. Среди прибывших в Нью-Йорк посланцев Японии маршируют более 140 популярных артистов. Еще за несколько дней до манифестации они без устали выступали на улицах и площадях города, привлекая всеобщее внимание своим тонким, необычным искусством и удивительными красочными нарядами. Бросается в глаза и одеяние японских монахов-буддистов. Их много в этой колонне. Они пришли в Нью-Йорк пешком из Вашингтона. Вместе с ними проделал этот путь Джон Шиел, 63-летний американский католик. Он недавно вышел из тюрьмы, где провел пять месяцев за участие в демонстрации сторонников мира у Белого дома в 1981 году. Морской пехотинец, в годы второй мировой войны сражавшийся с японцами, он прошел непростой путь от казармы до нынешнего Марша мира. Здесь, в колоннах и в необозримой толпе в Центральном парке, услышишь немало.

«Не верьте тому, что говорят политики, посмотрите, что они делают,— заявляет с трибуны митинга председатель организации «Врачи за социальную ответственность» доктор Хелен Колдикотт.— Осуществляются все новые и новые военные программы — бомбардировщики «В-1», крылатые ракеты, система «Трайдент», ракеты «МХ» — оружие, предназначенное для нанесения первого ядерного удара. Вот что делает Вашингтон».

Здесь самое время сказать и о том, что у Марша мира нашлись, разумеется, и враги; по сравнению с сотнями тысяч его участников их было, наверное, немного, но у них, за ними была и есть большая власть, державная сила официальной Америки. Направлена эта сила и против Хелен Колдикотт, известной активистки американского движения сторонников мира. Женщина средних лет, с большими добрыми и умными глазами, с обаятельной застенчивой улыбкой, по профессии детский врач, она смело и решительно выступает против гонки вооружений в США, против ядерной угрозы, нависшей над человечеством. И вот в канун Марша мира газета «Нью-Йорк пост» посвящает ей такие строки:

«Хелен лезет всюду, в газеты и на телевидение. Как и ее более знаменитый коллега доктор Спок, она является детским врачом, но будь у меня дети, я не повел бы их к ней. Я боюсь доктора, у которого главная задача — пугать людей. Доктор Колдикотт уж слишком хорошо знает, как влияет ядерный взрыв на человека, материальные ценности и хромосомы. Она пугает своих слушателей тем, что может произойти с ними, если они будут находиться в ста футах от центра ядерного взрыва, в одной миле от него или в девяти милях. Я сомневаюсь, что вы или я нуждаемся в докторе, который сообщает нам об этом. Большинство из нас сами хорошо знают, что если большая бомба упадет на нас, все будет кончено. Но она рассказывает нам хорошенькую сказочку: это, мол, от нас самих зависит остановить ядерную катастрофу».

Стоит ли комментировать столь злобный выпад? Едва ли он попал в цель, потому что на другой день после этого выступления газеты сотни тысяч участников митинга в Центральном парке горячо приветствовали Х. Колдикотт.

В развернувшемся сейчас движении против ядерной войны активно участвуют известные всей Америке люди — политики, писатели, актеры... На вопрос о том, что привело его в ряды антивоенного движения, популярный кинорежиссер Андре Грегори сказал: «Однажды вечером я смотрел по телевизору выступление Рейгана. Он говорил о возможности ведения «ограниченной» ядерной войны. Я подумал: это же безумец. А потом мне пришла в голову мысль: а не безумец ли я, если сижу сложа руки в то время, как под предлогом советской угрозы разрабатываются самые безумные планы».

Конгрессмен Эд Марки обратился к собравшимся в Центральном парке с такими словами: «Рейган утверждает, что он с нами, что он разделяет цели нашего движения, а тем временем отдает приказ Пентагону разрабатывать планы «победоносной» ядерной войны. Рейган утверждает, что он за мир. Верите вы ему?» В ответ прозвучало единодушное и могучее «Нет!».

«Америка — это мы, а не Рейган, и мы не хотим войны»,— раздаются над толпой слова известного американского киноактера Джона Шеа. Затем собравшиеся

В БЕЛОМ ДОМЕ?

оглушительно приветствуют Линду Ронстадт, одну из самых популярных в Америке певиц, она поет им песни мира и борьбы. Линда Ронстадт вместе со многими другими деятелями культуры помогла организовать эту манифестацию, устроив концерты, сбор от которых пошел в фонд «Комитета 12 июня».

В колонне американцев — вьетнамских ветеранов несли лозунг: «Нас больше не одурачить!» Их активное участие в Марше мира подчеркнуло преемственность в общей борьбе, какую сторонники мира вели в США в прошлом и какую ведут сегодня. «Мы на себе испытали ужас войны,— сказал бывший американский лейтенант Томас Бринсон,— и мы знаем, что ни тогда, ни в будущем ее никак нельзя оправдать». Он заявил, что идет в этих рядах ради своего двухлетнего сына и во имя спасения всего человечества.

«Мы выгнали Линдона Джонсона из Белого дома, мы добились прекращения вьетнамской войны, и мы снова добьемся своего,— сказала жительница Нью-Йорка Сильвия Брандт.— Это движение несравненно шире и мощнее. Тогда были группы населения, которые до самого конца поддерживали войну, но и они не хотят ядерной катастрофы. В этом движении участвуют и они». Газета «Нью-Йорк таймс» отмечает: «В рядах Марша мира шли и ветераны антивоенного движения 60—70-х годов, уже привыкшие к уличным столкновениям с полицией. Но большинство были новичками в таких манифестациях, обычные простые люди, далекие от радикальных идей и никогда не отваживавшиеся на публичный протест. Их вывела на улицы и объединила опасность ядерной войны, угроза всему человечеству». Один из них, страховой агент Уэйн Робертс, говорит: «Мы должны застраховать человечество от возможной ядерной катастрофы. Но мы должны торопиться, потому что время для такой страховки уже истекает».

Коретта Кинг, вдова Мартина Лютера Кинга, сказала на митинге 12 июня: «Мы собрались здесь для того, чтобы нас услышали в Белом доме и Капитолии». Услышат ли? Во всяком случае, как отметил киноактер Орсон Уэллс, среди демонстрантов не было представителей той крайне правой группировки республиканской партии, которая «прорвалась» к власти в Вашингтоне. Кстати, представитель Белого дома заявил, что ему неизвестно, видел ли Рейган эту манифестацию по телевизору и что у Белого дома нет никаких комментариев по поводу Марша мира, состоявшегося 12 июня. Вот так!

Явно по заказу власть имущих газета «Нью-Йорк пост» опубликовала накануне манифестации статью под таким заголовком: «Мы знаем, что все беспорядки вызываются одним — организаторами этих беспорядков, так что потом не обвиняйте нас». Под этим словом «нас» подразумевались власти. В статье вспоминались расовые волнения в США, и ее автор пытался убедить читателей в том, что в массовых выступлениях негров против расизма и в жертвах во время этих выступлений виноваты сами негры. Намек был очевиден: в ходе Марша мира тоже возможны беспорядки и жертвы, берегитесь, американцы! Как известно, ничего подобного не случилось. Манифестация прошла исключительно организованно. Этот факт на другой день был особо отмечен прессой. Ожидания врагов Марша мира не оправдались. Более миллиона его участников смогли пройти в полном порядке через центр такого непростого города, каким является Нью-Йорк, затем они так же организованно провели многочасовой митинг в Центральном парке. Руководитель администрации парка сказал на другой день: «В комнате моего сына больше мусора, чем в Центральном парке после митинга. Его участники обошлись с парком так нежно, как с новорожденным младенцем». Отвечавший в тот день за работу пяти тысяч нью-йоркских полицейских Патрик Мэрфи заявил: «Демонстранты вели себя прекрасно, все было отлично организовано». Эти детали, по-моему, тоже говорят о высокой сознательности и сплоченности тех, кто шел в рядах Марша мира. Иначе, наверное, и быть не могло. Ведь над ними реяли выражавшие их чаяния и всем понятные лозунги и плакаты, вот некоторые из них:

«Мы выбираем жизнь», «Лучше быть активным, чем радиоактивным!», «Хлеба, а не бомб!», «Долой атомную бомбу!», «Заморозить ядерное оружие, чтобы не сгореть!», «Стройте дома, а не бомбоубежища!», «Спасите человечество!»

Главный итог манифестации 12 июня подвел директор Института исследований по вопросам обороны и разоружения Рэндалл Форсберг, который сказал: «Если Вашингтону нужны доказательства того, что американский народ против гонки вооружений, вот оно, это доказательство,— наш митинг. Мы представители самого массового движения за мир в истории Соединенных Штатов. Политики еще в это не верят. Им придется поверить. Они думают, это — преходящее явление. Неправда. Разъехавшись по домам, мы не успокоимся. Мы будем добиваться того, чтобы наше движение стало еще шире, еще более массовым. Мы не успокоимся, пока не будет прекращена гонка вооружений. Американский народ сыт ею по горло».

Да, возможно, что официальные власти в Америке, политики, как их называет Рэндалл Форсберг, еще не раз без внимания отнесутся к акциям сторонников мира и даже обвинят их в преувеличении и предвзятости. При этом буржуазные пропагандисты обычно пытаются утверждать, что мнение участников антивоенного движения в США разделяют далеко не все. Что ж! Обратимся к фактам. Агентство Ассошиэйтед Пресс сообщает о таком выводе, полученном в результате опроса общественного мнения: «Трое из каждых четырех американцев считают, что использование ядерного оружия привело бы к полномасштабной мировой войне. 83 процента высказались за замораживание производства ядерного оружия».

В этих цифрах — секрет успеха Марша мира. В этих цифрах — тревога американцев перед лицом ядерной угрозы. О причине этой тревоги газета «Вашингтон пост» пишет следующее:

«Виной тому — Рональд Рейган. По мнению множества американцев и европейцев, при Рейгане опасность того, что мы окажемся втянутыми в ядерную войну, гораздо больше, чем при любом из его предшественников. Это мнение вызвано как напористостью, которую администрация проявляет в области внешней политики, так и непродуманностью заявлений президента и его ближайших советников, ведущих речь о «тактической» ядерной войне, рассуждающих о нанесении «предупредительных» ядерных ударов, обсуждающих качество нейтронной бомбы... Слишком многие боятся, что Рональд Рейган нажмет на ядерный спусковой крючок».

Марш мира в Нью-Йорке. Фото автора

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. М. КИРШОНА

Марина ДМИТРИЕВА

ДРАМАТУРГ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Перечитываешь сегодня пьесы «Рельсы гудят», «Хлеб», «Город ветров», «Чудесный сплав»... И убеждаешься, что прирожденным драматургом был Киршон. В его произведениях по-прежнему со всей силой ощущаешь пристальный взгляд автора на жизнь, сопереживаешь его желание проникнуть в глубины пластов этой жизни, понять, осмыслить ее... Бескомпромиссные нравственные позиции Владимира Киршона рождали драматические коллизии его пьес, в которых все сшибки характеров всегда художественно разработаны, психологически мотивированы. Его творчество — его страсть.

Пьесы Киршона были поставлены во множестве театров и у нас в стране и за рубежом; несомненно, они сыграли огромную роль и в развитии советской драматургии и в перестройке театрального искусства.

В эти дни, когда отмечается 80-летие со дня рождения писателя, я встретилась с вдовой драматурга, журналисткой, ветераном партии Ритой Корн, чтобы говорить с ней о жизни и творчестве Владимира Михайловича Киршона.

— Никогда не забуду тот день, когда я впервые его увидела,— говорит Рита Эммануиловна.— Было это в Кисловодске, ранней весной 1922 года; среди большой группы молодежи, пришедшей в курортный зал слушать Анатолия Васильевича Луначарского — это были студенты Первого Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова,— выделялся веселый, подвижной парень; с первого взгляда было видно: он здесь вожак... Следующая встреча состоялась примерно через год, уже в Ростове. Придя на комсомольское собрание в Ростовский университет, я вновь увидела того же юношу.

— Кто он? — спросила я своих соседей.

— Владимир Киршон,— сказали мне о нем уважительно. Потом я не раз останавливалась на улицах Ростова возле афиш, которые оповещали о выступлениях, лекциях, докладах Киршона... Вместе со своими друзьями я ходила на диспуты с его участием. Он поражал всех беспощадностью своих суждений в тогдашней сложной и острой обстановке; он яростно боролся против всего, что было чуждо, враждебно молодой Советской республике. Выступал против безразличия и равнодушия, против пораженчества и оппортунизма. Он вкладывал в эту борьбу и весь свой талант и знания: к тому времени Киршон уже успел закончить Коммунистический университет и приехал в Ростов-на-Дону, чтобы преподавать политэкономию в совпартшколе, одновременно он работал в Донском комитете партии...

— Когда же впервые проявилась склонность Киршона к литературе, к драматургии?

— Несомненно, еще во время учебы в университете. Известную роль сыграло общение с А. В. Луначарским, который впоследствии хоть иногда и спорил с ним, но с уважением отзывался о его таланте: ценил его как драматурга и публициста... Уже в студенческие годы Киршон начал писать свои первые пьесы-агитки, которые разыгрывались студентами-свердловцами во время праздничных революционных вечеров: «Ночь под рождество, или удивительные происшествия в комсомольском клубе», «Наша Карманьола», «Как они кончат»... А сколько было написано Киршоном зажигательных стихов, песен, частушек. Его строчки «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» знали все! Знаменитую «Карманьолу» молодежь распевала повсюду.

В своих воспоминаниях о Киршоне известный украинский поэт Леонид Недоля пишет: «Все новое, все, что рождалось, пробивалось к жизни, кипело, бурлило, завоевывало права гражданства, утверждалось,— все было связано со свердловцами. И из этого молодого, бурлящего трехтысячного коллектива, бесспорно, выделялась группа друзей во главе с Володей Киршоном, отличавшимся своей творческой активностью, энтузиазмом и неугасаемым оптимизмом».

Мировоззрение, взгляды Киршона формировались в его семье. Он рос в атмосфере передовых убеждений, его семья была впрямую причастна к социал-демократическому движению. Мать Киршона, Ольга Петровна — бывшая бестужевка,— активно, так же как и отец, Михаил Львович, участвовала в революционном движении.

Воспоминания Ольги Петровны о детских годах Киршона сохранились. «Володя,— писала она,— уже в гимназии был очень инициативен. Революцию воспринял очень бурно, не было никаких сил удержать его дома. Под пулеметным обстрелом он носился по городу с утра до вечера»... Комсомолец с 1918 года. Киршон ушел на фронт гражданской войны и воевал на бронепоезде на линии Владикавказ — Минеральные Воды, в составе 11-й армии... Трудно поверить, но тогда ему было всего шестнадцать лет! И он уже тогда был взрослым. И убеждения его были зрелыми... А когда в 1923 году возникла Ростовская организация пролетарских писателей, Киршон стал ее председателем. Организация работала дружно, интенсивно. В городе постоянно шли интереснейшие литературные вечера, бурные дискуссии и диспуты, встречи... В ту пору Владимир Киршон печатал свою публицистику — статьи на самые различные темы — и одновременно работал над пьесой в стихах «Сердце Парижа».

— Я вспоминаю январь 1924 года, траурные дни смерти Владимира Ильича Ленина,— говорит Рита Эммануиловна.— Вспоминаю, как проникновенно выступал Киршон в совпартшколе, как говорил о вожде... Оттуда мы все пошли на траурный митинг в Темерник,— в железнодорожные мастерские, а потом через весь город пешком провожали Володю на вокзал: он уезжал на похороны Ильича в составе ростовской делегации.

Когда Киршон после похорон вернулся из Москвы, мы все собрались в его маленькой комнатке, чтобы выслушать там рассказ о траурных днях в Москве. И как же точен был этот рассказ! Мне казалось, что вместе с Киршоном я сама была в Москве, когда позже смотрела кинохронику... Надо сказать, что в Ростове напечатан и один из первых,— если не первый в Советском Союзе — литературный сборник: «Памяти Ленина»...

Пьеса Киршона «Рельсы гудят» вышла в начале 1928 года. Премьера — в марте того же года, в Театре МГСПС,— имела огромный успех. Постановку осуществил один из ведущих деятелей советского театра, Е. О. Любимов-Ланской, который ранее на сцене этого же театра, где был художественным руководителем, осуществил постановку первой пьесы Киршона «Константин Терехин»... «Правда» писала: «Впервые на сцене так полно и так удачно показано живое дело хозяйственного строительства и весь его пафос. «Рельсы гудят», несомненно, будут боевой пьесой ближайшего периода».

Она имела такой успех — пройдя и «прогудев» действительно по всей стране — потому, что драматург сумел передать в пьесе ощущение героической эпохи, ее ритм, ее психологию. Он показал в ней героя, Человека в единстве с его делом; раскрыл характер простых советских людей, которые поднимали молодую Советскую республику из разрухи и нищеты, создавали социалистическую индустрию... Это и рабочий-ленинец Вася Новик, секретарь заводской ячейки; и председатель завкома Захар; и мастер Андриан Андрианович; комсомольцы, рабочие, инженеры...

— Свои пьесы Киршон писал напряженно,— вспоминает Рита Корн.— Он подолгу вынашивал сюжет. Пока пьеса не была полностью продумана, не садился за письменный стол. Вот и «Рельсы гудят» создавались так же. Киршон каждый день, как на работу, ездил на Коломенский паровозостроительный завод: встречался с рабочими, инженерами,— будущими героями пьесы... Тогда еще не было даже понятия «производственная» тема. Но «Рельсы гудят» были именно **такой** пьесой. И зал бурно, радостно реагировал, когда на сцене возникала жизнь цеха, слышался стук молотков, а герои говорили о самых острых проблемах своего времени. Все было пронизано жизнью, все кипело борьбой. Конечно, она отшумела, эта борьба, в тех формах, какие принимала в двадцатые годы. Но душа ее жива! И нынешнему поколению интересно было бы ее увидеть и услышать,— узнать, как и чем жили тогда люди... Совсем недавно пьеса была поставлена в Германской Демократической Республике; спектакль этот идет в городе Дрездене...

Личное знакомство Киршона с кавказскими большевиками, его близкая дружба с ними и привели его к пьесе «Город ветров». Дважды, в 1929 году, а потом в 1935-м, ставил Любимов-Ланской в Театре МГСПС эту пьесу, одно из самых талантливых произведений В. Киршона. В основу пьесы положена жизнь и борьба 26 бакинских комиссаров. С большой художественной силой драматург воссоздал обстановку, в которой проходила работа Бакинской коммуны. В одной из своих статей он писал тогда: «Бакинские комиссары — Степан, Алеша, Ванечка — это исторические имена наших партийных деятелей, но вместе с тем память об этих замечательных людях, близких товарищах и руководителях живет в сердцах тысяч...». Они и воскресли как замечательные люди в пьесе, к которой большой интерес проявил Вл. И. Немирович-Данченко, просивший ее для МХАТа. Однако Киршон не мог изменить театру и коллективу, которые первыми так радушно приняли молодого драматурга, поэтому Вл. И. Немирович-Данченко обратился к композитору Льву Книпперу с просьбой написать оперу на тему пьесы. Он же и осуществил постановку оперы «Северный ветер» на сцене Музыкального театра. Постановка Немировича-Данченко была новаторской и явилась большим событием. Критик П. А. Марков писал, что спектакль «приблизил актеров театра к большому и существенному знакомству с жизнью. Он ввел их в круг проблем и интересов революции».

В дальнейшем пьеса была переведена на языки народов СССР и иностранные языки; с успехом шла в Японии...

В конце 1930 года В. Киршон создал драму о коллективизации, о политической борьбе в деревне... Для многих это явилось неожиданностью, но так уж было всегда,— драматург находился в гуще той жизни, всех тех главных событий, какими жила страна. Он специально ездил в Воронежскую область перед тем, как начал работать над новой пьесой, которая пошла на сценах театров под названием «Хлеб». Работал он над ней трудно, с огромным напряжением сил, физических и духовных, очень волновался, даже

попал в больницу... Сохранилось письмо Киршона к отцу, где писатель признавался: «Очень боюсь неудачи, никогда еще сердце мое не билось так неуверенно. Деревня для меня всетаки постороннее дело. Драматургически эта вещь лучше предыдущих, но вот насколько это философски глубоко и насколько хорошо выписаны образы, не знаю».

Волновался драматург напрасно: одним из самых важных достоинств пьесы «Хлеб» как раз и явился глубинный показ драматургом времени, живых его людей, типических характеров... Подлинным героем эпохи стал образ секретаря окружкома Михайлова: это человек живой, подкупающий простотой и искренностью, четкостью поступков. А как своеобразен, необычен образ Раевского! Мелкобуржуазный интеллигент, он выписан драматургом детально, в подробностях.

Пьесу «Хлеб» поставил на сцене Московского Художественного театра И. Судаков; премьера состоялась в январе 1931 года. Это был яркий и острый революционный спектакль, где играли молодые талантливые актеры: А. Тарасова, А. Зуева, Н. Хмелев, М. Кедров, Б. Добронравов...

«Чудесный сплав» — комедия Киршона пошла одновременно во многих театрах. Ее ставили во МХАТе, ТРАМе, Театре сатиры, Ленинградском театре драмы, в Театре комедии... Огромный успех на сценах страны имела эта пьеса, привлекавшая подлинной комедийностью, оптимизмом... Вл. И. Немирович-Данченко, при непосредственном участии которого режиссер Б. Мордвинов ставил пьесу во МХАТе, писал о ней: «Она была ценна для театров благодаря не только своим литературным и драматургическим достоинствам и идеологической четкости в раскрытии темы — эта пьеса представляет собой также превосходный материал для развития актерской техники».

«Чудесный сплав» — опять живые люди, зорко увиденные как единое целое, неразрывное. Люди, представляющие ячейку социалистического государства, люди Советской страны, в их созданной ими самими общности...

Киршон именно такую цель и ставил перед собой. Он писал: «Работая над комедией «Чудесный сплав», я попытался показать новую, советскую молодежь, новые, ей одной присущие представления и навыки...»

Думается, он сумел это сделать еще и потому, что почти каждый персонаж пьесы наделен чертами самого драматурга,— его энергией, его творческим характером...

Реплика Петьки, ставшая лейтмотивом пьесы: «Я хочу быть твоим барабанщиком, моя молодая страна!.. Может, я и погибну, но до самой смертной точки пойду я с веселой песней!» — это любимые слова самого Киршона...

Очень нравилась эта пьеса Алексею Максимовичу Горькому. На премьеру «Чудесного сплава» он приехал в филиал МХАТа со всей своей семьей; заразительно смеялся на спектакле, потом хвалил и все приговаривал: «До чего славная комедия!»

А. М. Горький относился к Киршону с нескрываемой симпатией. И недаром поручил ему содоклад по драматургии на Первом Всесоюзном съезде советских писателей...

Имя Владимира Киршона прочно вошло в историю советской драматургии. Его горячие, взволнованные пьесы отобразили не только жизнь народа, но еще и его собственную жизнь. Жизнь настоящего человека. Художника и коммуниста.

МНОГОЛИКАЯ ВОДА

Большинство людей не представляют истинной ценности самой обыкновенной воды. Мы воспринимаем ее как обычное запрограммированное благо природы. А ведь есть все основания считать воду веществом номер один в жизни человека. Она уникальна во многих отношениях, ну хотя бы тем, что не имеет, не может иметь заменителя. Скажем, металл заменяют пластмассы. А чем заменить воду? Нечем. Она уникальна! На этот счет человечество накопило много всевозможных суждений, но наиболее точно, пожалуй, высказался известный французский писатель, знаток природы Антуан де Сент-Экзюпери: «Вода, у тебя нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, тебя невозможно описать — тобой наслаждаются, не ведая, что ты такое. Нельзя сказать, что ты необходима для жизни, ты сама жизнь, ты самое большое богатство в мире».

«Ты сама жизнь...» Но пока свойства воды изучены так слабо, что этому можно только удивляться. Все больше ученых стремится проникнуть в тайны воды, и уже начинается немалая хозяйственная отдача этой работы.

Редакция журнала пригласила на очередное заседание клуба «На «Огонек» одного из таких ученых — профессора, доктора технических наук, заместителя директора ГосНИИгорнохимического сырья Вилли Ивановича КЛАССЕНА.

— Аномальные свойства воды,— начал свой рассказ Вилли Иванович,— были замечены давно. Как ни странно, именно в этих аномалиях и заключена ее жизнетворность. Например, вода имеет совершенно необычную теплоемкость. Для того, чтобы на один градус нагреть ее, надо затратить тепла в десять раз больше, чем для того, чтобы так же нагреть железо. Вода очень медленно нагревается и очень долго сохраняет тепло.

Аномалия растворяющей способности: вода обладает повышенным свойством растворить все, с чем она соприкасается, и делает она это быстро и жадно; если бы не это ее свойство, то не существовало бы обмена веществ, без которого, собственно, не было бы жизни.

Еще одна аномалия, о которой следует напомнить. При замерзании вода становится не тяжелее, как все остальные жидкости, а легче. Она превращается в лед, а лед плавает. Представим, если бы вода не обладала этим свойством: все бассейны, моря, океаны промерзли бы до дна.

В. И. Классен не стал рассказывать о всех шестнадцати водных аномалиях, ибо предмет сегодняшнего разговора сводился прежде всего к теме, которая уже многие годы его волнует,— «магнитная вода», или, выражаясь научным языком, «омагничивание водных систем». Именно под таким названием в издательстве «Химия» вышло недавно второе издание книги ученого. Предваряя разговор на эту тему, гость «Огонька» поведал о том, что абсолютно чистой воды в природе нет. Даже если испарить литр дождевой воды, то получается 30 мг твердого осадка. Конечно, чистую воду можно получить всяческими ухищрениями, но все равно она останется такой недолго. Значит, вода — это жидкость, в которой непременно присутствуют примеси, инородные вещества. Именно с такой «грязной» водой мы имеем дело на практике, в повседневной жизни, в промышленно-хозяйственных условиях. Собственно, этому обязано возникновение конфликта между некоторыми опытами с реальной водой и теорией, рассматривающей идеально чистую воду. Ученые и инженеры были поражены и заинтригованы необычными результатами своих опытов. Выражаясь словами А. Грина, «на берегу моря неизведанного заметили мы странные следы». Что же это за «следы»?

— Известны ли вам особые биологические свойства свежеталой воды? Думаю, что далеко не всем. Между тем замечено, что птицы охотнее пьют талую воду, что долгожителей больше там, где больше талой воды, что на кромках льда лучше растут растения по весне. А чудесные медицинские качества талой воды? Они тоже поражают. По данным ученых Томского медицинского института, свежеталая вода помогает снижать количество холестерина в крови у больных. Профессор Ластков в Донецке вылечил от серьезных легочных заболеваний тысячи рабочих. Чем? Ингаляциями свежеталой воды.

В чем же дело? До недавних пор это свойство объясняли меньшим содержанием в талой воде дейтерия (тяжелой воды). Однако есть и другие данные. Вот они-то меня больше всего и волнуют. Физик Ю. Сикорский с сотрудниками нашел, что диэлектрическая проницаемость свежеталой воды меньше, чем у обычной, и достигает привычного показателя только через... 800 секунд. Англичане Грей и Крюксианк установили такое же замедленное изменение магнитной восприимчивости талой воды. Значит, она «помнит», что была когда-то заморожена, что была льдом? Может, в ней просто мало растворенных газов?

Приведем другой пример из нашей житейской практики. Мало кто знает о том, какую существенную роль играет для живых систем контакт с дегазированной водой, из которой кипячением удалено 30—40 процентов газов. Чудесными свойствами обладает такая вода, если ее употреблять сразу же после охлаждения, пока она не «надышалась» газами. Удаление из воды газов, как это удалось доказать братьям В. Д. и И. Д. Зелепухиным из Алма-Аты, повышает ее биологическую активность.

А теперь поговорим об «омагниченной воде». Разговоры и дискуссии о такой воде ведутся уже более пятнадцати лет. Споры идут жаркие, принципиальные—и, к сожалению, не всегда их заданность бывает доброжелательной. Сложилась странная ситуация. С одной стороны, омагниченная вода стоит очень дешево, это почти что даровая вода, а о важных практических результатах в народном хозяйстве, достигнутых с помощью омагниченной воды, много сообщалось в специальных изданиях и в массовой печати, в том числе и в газете «Правда». С другой стороны, противников возможности ее использования еще предостаточно.

Искусственное сдерживание практического использования омагниченной воды становится особенно непонятным, если учесть, что с ее помощью можно заметно облегчить решение важных вопросов Продовольственной программы. Приведем лишь два примера.

Мы помогли дирекции Орехово-Зуевской птицефабрики, по ее инициативе, осуществить в течение шести месяцев поение части поголовья птицы (многих тысяч) омагниченной водой. Яйценоскость увеличилась на восемь—десять процентов. То же самое сделали на Томилинской птицефабрике, на ряде птицефабрик Воронежского треста «Птицепром» — результат такой же. Попутно было замечено, что куры, пившие омагниченную воду, становились крупнее и мало болели, утки заметно прибавляли в весе. Годовая экономия составляет здесь сотни тысяч рублей. Затраты — сотни рублей. У нас в стране несколько сотен таких птицефабрик. Простой арифметический подсчет говорит о колоссальных прибылях использования омагниченной воды в птицеводстве.

Но только ли в птицеводстве? Ряд институтов, например, Волжский научно-исследовательский

РАЗГОВОР С СОВЕСТЬЮ

«Было ли это? Можно ли назвать сон воспоминанием о факте, действительно происшедшем со мной?.. Это просто моя исстрадавшаяся душа подсовывала последнюю соломинку. Она подсовывала нереальное, а моему внуку Игорю требовалось реальное спасение. От чего?»

Неотступный вопрос о причинах нравственной гибели сына и физической — любимого внука мучит скромную университетскую библиотекаршу на пенсии Софью Сергеевну, героиню новой повести Альберта Лиханова «Высшая мера».

О чем повесть? О предательстве духовного в пользу материальных благ, совершаемом родителями и беспощадно калечащем душу их мальчика? Об утрате взаимопонимания между двумя поколениями одной семьи? А быть может, о поисках нравственной опоры, способной помочь выжить в вязкой паутине одиночества?..

Повесть А. Лиханова допускает разные толкования и не предлагает читателю готовых ответов. Она не похожа на большинство прежних произведений писателя, обращенных прежде всего к подросткам, юношеству. «Высшая мера» адресована взрослым, хотя и здесь повествование, в конечном счете, «замыкается» на совсем еще юном человеке, так рано уходящем из жизни. Смерть его в результате аварии — аварии ли? — на мотоцикле, подаренном матерью в качестве компенсации за распад семьи, вновь и вновь заставляет Софью Сергеевну вспоминать невеселую семейную хронику, вплоть до последней роковой черты.

Мягкий лиризм и пластичность описаний, присущие прозе А. Лиханова, со зрелой уверенностью проявляются в новой повести, раскрепощая нелегкую форму монологического повествования. Рассказ ведется от лица главной героини, однако об этом невольно забываешь, переходя следом за автором из одной жизненной ситуации в другую. Именно здесь, в кругу семьи, происходит формирование личности, закладываются основы ее мировосприятия. Здесь — передний край борьбы за человека в человеке. Здесь поверяется бытом наша мораль и этика. В этом мы лишний раз убеждаемся, наблюдая характеры Саши и Игоря, следя за лихорадочно-торопливым существованием невестки Софьи Сергеевны, очаровательной хищницы, которую видишь и которой, увы, находишь немало аналогий в окружающей нас жизни.

Персонажи повести не разведены открыто по враждебным лагерям, но от этого их внутренний конфликт не менее остр и трагичен. Каждый отстаивает свою правду, а правда-то, мы знаем, только одна. И тут уже автор придерживается вполне определенной позиции, заявленной ясно и недвусмысленно.

Сколько «неопровержимых» доводов приводит Ирина, силясь оправдать в глазах свекрови свой воинствующий меркантилизм. Как хитро делает своим послушным орудием увальня Сашу, прикрываясь прочувствованными рассуждениями о его же пользе. С какой изощренностью обхаживает она «опасную» на первых порах Софью Сергеевну, готовясь к штурму столицы... Но каждая ее очередная победа в неустанной погоне за житейским преуспеянием оборачивается жестоким поражением (пусть не сейчас — потом), обнажая ничтожность помыслов и желаний.

Расплата приходит — неизбежная расплата за потерю себя, за растление душ других, за прагматизм по отношению к близким, к собственному ребенку. И тогда сын, рожденный когда-то лишь ради дополнительной площади, «мстит» своей смертью, а использованный и отброшенный, как выжатый лимон, муж, оказавшись способным учеником, пристраивается, подобно ей, за новым, более престижным «ведомым»...

Что же остается и с чем остаются эти двое после пережитой трагедии? С зыбким ощущением такой ценой добытого благополучия? Или с разъедающим броню довольства, гложущим чувством вины, которое в конце концов приведет их к переоценке ценностей? Ответы на эти вопросы выносятся автором за рамки повествования, однако его убедительная логика заставляет предположить последнее.

Как живая, тревожащая совесть Ирины и Саши остается покинутая ими Софья Сергеевна, чей образ — одна из главных удач повести. Неброская, по-настоящему интеллигентная женщина, она стоит на страже того, чем пытаются пренебречь в жизни Ирина и Саша, и мы с особым сочувствием следим за ее трудной судьбой. Это она сумела вырастить больную дочь и сына погибшей сестры, назвав их своими детьми. Это она всегда стремилась быть нужной людям. И не ее вина, что под влиянием сокрушительной воли жены Саша пошел иной, потребительской дорогой, не унаследовал высоких нравственных заветов приемной матери. И все-таки в трагедии внука Софья Сергеевна вправе винить и себя.

«Мой Игорек!.. Я боюсь, он повторит: «Не уезжай!» — боюсь, потому что не могу выполнить эту просьбу, но он молчит... Я... вглядываюсь в ясное лицо мальчишки и понимаю: никакой он не мальчишка, а мыслящий, страдающий человек.

Моя совесть».

Физическая закалка и развитие еще не гарантия от душевных травм подростка. Лихой спортсмен, мотоциклист, Игорь, бравирующий напускным цинизмом, оказался беззащитен перед проблемами, которые так эгоистично обрушили на его плечи взрослые. Вот почему к нам, взрослым, взывает своей повестью писатель. Взывает и предостерегает. Страстно, взволнованно и оттого — действенно.

Это художественное предостережение запомнится, побудит о многом задуматься и в критическую минуту кольнет сердце горьким выводом: «Когда человек не нужен близким, он умирает».

...Мы расстаемся с осиротевшей героиней повести на очень грустной и, казалось бы, безысходной ноте. Но хочется верить, что Софья Сергеевна найдет в себе силы и дальше творить добро, приносить пользу людям. В этом ее суть, неподвластная никаким житейским невзгодам и усталости. Отчаяться, сдаться, покорно дожидаясь смерти,— такой удел не для нее. Ведь пока жив человек, жива и надежда!

Ю. ОСИПОВ

Альберт Лиханов. Высшая мера. «Знамя», № 4. 1982.

институт гидротехники и мелиорации, испытал на своих опытных полях зерновых полив омагниченной водой. Урожай возрастал примерно на 20 процентов, полив помидоров даже морской, но омагниченной водой давал прирост урожая на 25—30 процентов. А в Болгарии достигнут еще больший эффект.

В промышленности омагниченная вода давно и успешно применяется для уменьшения отложения накипи в котлах. По данным Сибирского научно-исследовательского института нефтяной промышленности, магнитики, установленные их азербайджанскими коллегами в трубах некоторых месторождений, в 3—4 раза продлили межремонтный период службы этих труб.

Даже качество бетона резко увеличивается, когда вода, на которой его замешивают, подвергается магнитной обработке. Бетон в таком случае твердеет в шесть раз быстрее, расход цемента сокращается на 8—10 процентов. Семь лет назад в Одессе в качестве эксперимента забетонировали сто метров мола, причем одну его часть — бетоном, приготовленным на омагниченной воде, другую — обычным. И что же? Через семь лет один участок мола представлял собой груду щебня, другой участок (где применялась омагниченная вода) не подвергся разрушению. Поразительно? Да, поразительно!

А ведь мы знаем, что у нас не хватает цемента, знаем, каким плохим по весне бывает бетонное покрытие дороги.

С помощью магнитной обработки природной воды, на которой замешивается бетон, применяемый на Иртышском полиметаллическом комбинате, на каждом кубометре бетона экономится 50 килограммов цемента. А предприятие «Саратовгэсстрой» только за восемь лет сэкономило таким путем 41 645 тонн цемента. Магнитная обработка водных растворов внедрена на Ивановской ткацко-отделочной фабрике имени О. Варенцовой и позволяет экономить 20—30 процентов дефицитного красителя, повышает качество крашения.

Если я буду перечислять все области применения омагниченной воды, наш разговор затянется на много часов. Добавлю о примерах удачного применения омагниченной воды для очистки воздуха от пыли, для очистки сточных вод, применение чудо-воды в производстве керамических изделий, в кирпичном производстве, в нефтедобыче.

Ну, и особый разговор, очень важный — применение омагниченной воды в медицине.

Начну с того, что омагниченная вода очень полезна при пользовании лечебными ваннами. Сочинский профессор Утехин провел около восьми тысяч процедур, я сам был в числе его пациентов. Результат очень интересен. Если обычная морская вода снижает артериальное давление на 1—3мм, то ванна из омагниченной воды — на 15—20 мм. Урологи Крыма еще много лет назад провели в клинических условиях обширное исследование, связанное с использованием омагниченной воды в урологии. Результаты многообещающи, но исследования пока не доведены до стадии практического использования.

Известный дерматолог, профессор С. И. Довжанский из Саратова установил, что различные кожные заболевания можно лечить примочками из омагниченной воды. Даже зубной камень некоторые стоматологи рекомендуют удалять полосканием рта омагниченной водой (данные Московского научно-исследовательского стоматологического института).

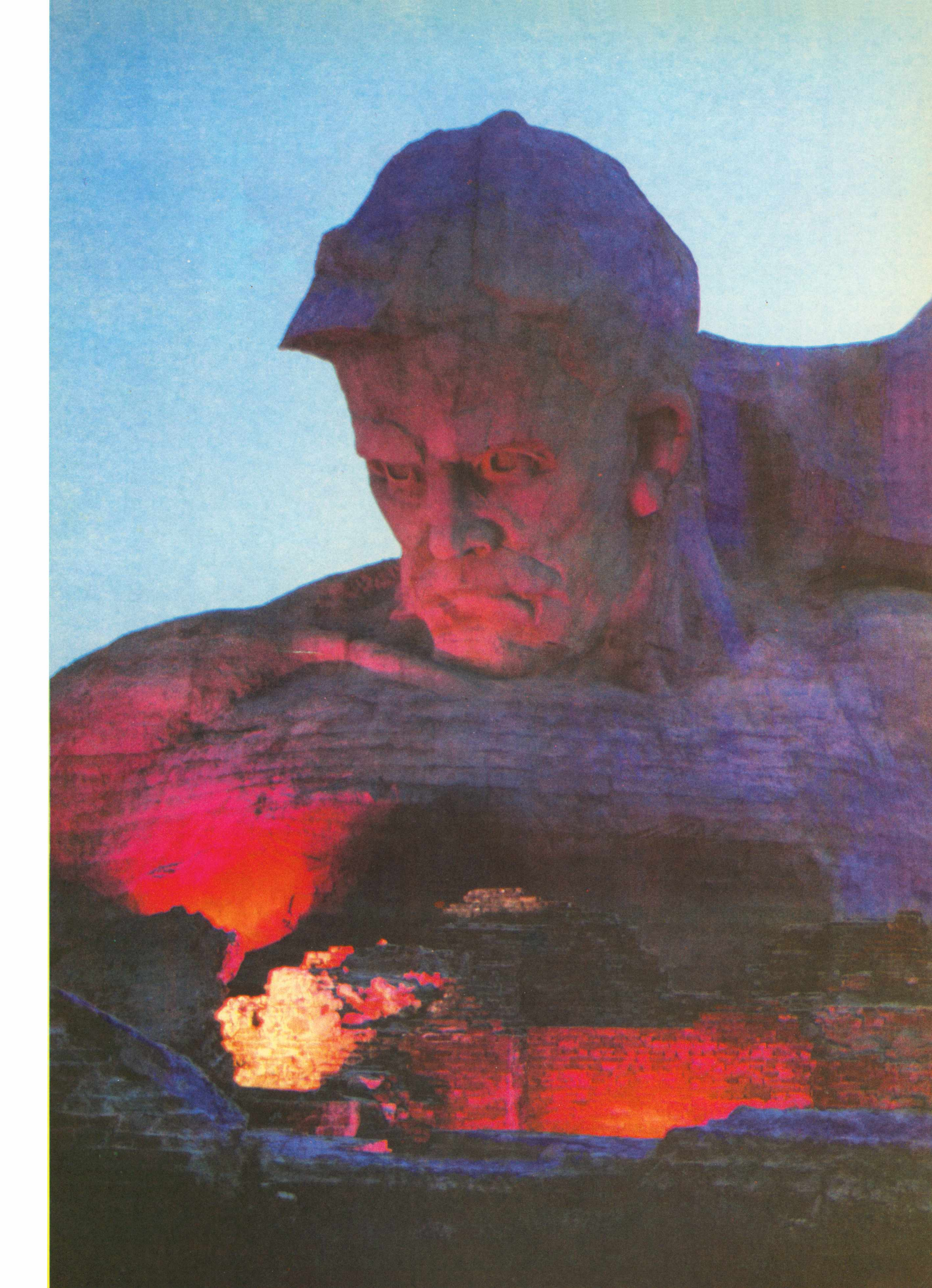
Итак, налицо огромные возможности «магнитной воды», которые мы, к сожалению, используем пока ничтожно мало. А между тем в открытиях, связанных с этой проблемой, нет ничего надуманного, сказочного. Чудесные свойства «магнитной воды» надежно подтверждены практикой, которая (это бывает часто) значительно опередила теоретические разработки.

К сказанному можно добавить, что во многих отечественных институтах измерением ряда физических и химических характеристик установлено, что реальная (природная) вода «помнит» соприкосновение с магнитным полем. Многие эти характеристики зависят от своеобразия структуры воды и изменяются после выхода из магнитного поля не в течение «указанных» теорией миллиардных долей секунды, а постепенно, в течение часов и даже суток. Правда, действенной теории процессов изменения свойств воды при магнитной обработке пока нет, и практика развивается пока чисто эмпирическим путем.

Как говорится, новое — это хорошо забытое старое. Отчасти это верно. Но только в житейском, бытовом понимании. Когда же ученые берутся за это «забытое старое» с помощью арсенала современных знаний, открываются неизведанные доселе грани многих физических и химических явлений. Происходят открытия, которые служат человеку, будущему. Но, берясь за закрытое за семью замками, неизведанное, настоящий ученый должен обладать научным бесстрашием. Вот почему проблемами «магнитной воды» пока занимаются лишь самые упорные. А жаль! — говорим мы теперь, когда практика уже сказала свое веское слово. Велика, конечно, сила инерции мышления, своеобразно консервативна. Хорошо об этом сказал в свое время президент Лондонского Королевского общества Гопкинс: «Нас приводит в смущение мысль, что такой близкий наш друг, как вода, имеет до настоящего времени столь скрытые от нас тайны. Это нарушает наше научное самодовольство».

Действительно, вода — наш близкий друг. Так пусть же она станет нам еще ближе!

***Записал Феликс* МЕДВЕДЕВ.**

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

Николай КУЗЬМИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

3

Накануне, прознав каким-то образом о предстоящей поездке секретаря по району, Ивакину позвонил заведующий райфинотделом. Уже несколько лет на «Красном пахаре» висел долг в 200 тысяч рублей за строительство межколхозной ГЭС. Платить Сафонов отказался.

Вспоминая, что пообещал заведующему разобраться, Геннадий Иванович сейчас задумался. Грехов Сафонова набралось внушительное количество: спекуляция помидорами, срыв обсуждения обкомовского постановления об уборке, этот вот обременительный для района долг... «А может быть, действительно похудожничает человек да и дернет назад в город?»

Плохо еще зная местные условия, Геннадий Иванович рассчитывал доехать до «Красного пахаря» часа за три. Одолеть за это время удалось едва ли половину пути. Дорогу когда-то асфальтировали, но асфальт клали прямо на грунт, без несущего слоя. Сейчас он был выбит. «Абы день прожить!» — думал Ивакин о дорожниках. По состоянию дороги было видно, что прежнее начальство ездило в «Красный пахарь» раз в год по необходимости.

...Когда въехали в село, Геннадий Иванович напрягся и смотрел, смотрел, не переставая удрученно покачивать головой. Дорожную сонливость с него словно рукой смахнуло.

— Ну, хорошо,— не выдержал он наконец,— солому с крыш растянули на корм скоту, это я понимаю. Но стропила-то куда?

Бариков, заведующий райсельхозотделом, удивился наивности вопроса.

— На дрова.

Плечи секретаря райкома сами собой поднялись до ушей. Рубить стропила на дрова — это уж, простите, последняя степень безнадежности. Такое убожество он видел впервые. Какой же силой держался этот колхоз? Что его поддерживало? И он снова подумал о том, в какую важную пору выпало ему начать свою работу. Такие вот хозяйства, как этот несчастный «Красный пахарь», давным-давно вопили о помощи.

Ивакина заинтересовал целый порядок изб странного вида: бревна старые, серые, в трещинах, а конопатка свежая. Избы стояли пустые, необгороженные, без занавесок на окнах.

Бариков с сомнением пожал плечами:

— Чего-нибудь опять мудрит. Сейчас спросим!

Откуда-то доносился резкий треск выдираемых гвоздей и грохот падающих досок. Ивакин посмотрел туда, сюда. Бариков поспешно объяснил, что хозяйственного двора отсюда не видно.

Правление колхоза, поместительный добротный дом, не потерявший своей основательности и в нищете, стоял как на пустыре: подъезжай с любой стороны. Судя по следам, к нему так и подъезжали и подходили. У Геннадия Ивановича возникла первая горечь раздражения: «Уж и забора, что ли, не на что поставить? Хозяева!» Однако, вылезая из машины и готовясь к знакомству с председателем, постарался взять себя в руки. Не начинать же с крика!

Справиться со своим настроением ему все-таки не удалось, и разговор с Сафоновым начался с того злосчастного отсутствующего забора... А тут еще подлил масла в огонь Бариков, уловивший настроение начальства: с первых же слов начался разбор главных грехов молодого председателя. Разговаривали стоя, никто не садился. Сафонов, поминутно тыкая пальцем в переносицу, пытался оправдаться, объяснить. Он напоминал сейчас растерянного, потерявшегося студента перед строгими, придирчивыми экзаменаторами. Постепенно высокий накал раздражения передался и ему.

— Да никто вас не выгонял! — заявил он Барикову насчет несостоявшегося обсуждения.— Зачем выдумывать? Зачем шить мне такое дело? Опоздали. Не те времена.

У Барикова от возмущения остановились глаза.

— Но вы же сорвали важное мероприятие!

Сафонов вздохнул, как глубоко усталый человек.

— Да, сорвал,— согласился он.— Но только никакое оно не важное. Незачем по этой причине митинг собирать. Вы же потребовали собрать всех, даже из школы!

— Ну и...— Бариков не сразу нашелся, что ответить.— А почему вы считаете, что школа, советская наша школа, должна стоять в стороне от выполнения важных задач?

Сафонов выслушал его и неожиданно улыбнулся. Он оценил находчивость Барикова.

— Школа у нас в стороне, Павел Иванович. Но устраивать такой курултай... Чего нам разъяснять-то? Зачем? У нас все грамотные, читать умеют. А постановление написано ясным и понятным языком. Зачем же нас по темечку стучать? Не маленькие, слава богу.

Разговаривать с ним в ровном тоне Барикову мешала застарелая неприязнь. Он изо всех сил старался быть вежливым. А Сафонов держался великолепно. «Интересно,— подумал, слушая их, Ивакин,— о чем он писал диссертацию?» Знакомство с районным смутьяном его разочаровало. Эти очки, это поминутное тыканье в переносицу... Худенький, с тонкой шеей и оттопыренными ушами, Сафонов меньше всего походил на колхозного руководителя. Практикант какой-то... А разговоров, разговоров-то было!

— Да что вам эти выходные поперек горла стали? — крикнул, не выдержав, Сафонов и уставился Барикову прямо в глаза.— Помыться людям надо? Белье сменить надо?

— На базар смотаться! — ядовито вклеил Бариков.

Сафонов взмахнул руками:

— Дался же вам этот базар, как...

— Ладно,— оборвал его Бариков.— С этим я еще внесу ясность... Значит, у вас люди в бане моются, а хлеб в это время осыпается? А обсуждать постановление не захотели! Вот оно и...

— Зато после выходного дня у нас люди в десять раз лучше работают. Понимают, что за ними долг. Подгонять никого не надо. Да и некому,— вдруг добавил Сафонов, погасив усмешку.— С плетками не осталось ни одного.

Бариков покраснел.

— Вы бы лучше рассказали, как возите своих спекулянтов на машинах на базар!

Изумляясь, Сафонов широко раскрыл глаза.

— А я из этого не делаю никакого секрета! Все знают. Только не спекулянтов, а колхозников. И возить их на машине, к вашему сведению, выгодней, чем если бы они сами добирались до базара! Как это — кому выгоднее? Мне, конечно, нам, колхозу.

Бариков ехидно закрутил головой. Шустрый председатель сам давался ему в руки.

— Ловко! Значит, ваши колхозники пропадают на базаре, а в это время городские товарищи работают у вас в колхозе? Очень это у вас ловко получается! — Он жестом пригласил Ивакина полюбоваться на такое нахальство.

Сафонов пальцем покачал перед носом Барикова:

— Во-первых, никаких людей из города я не брал ни разу, и вы это прекрасно знаете. В первый год мне действительно прислали, но я тогда же завернул их обратно. И считаю такую практику безобразием... да! У нас половина населения живет на селе, а мы берем людей из города. Чушь собачья!

— Ну уж...— счел нужным вмешаться Геннадий Иванович.— А как же иначе?

— Ничего не «ну уж»! — Сафонов полностью повернулся к нему.— Народу в колхозах хватает. Надо только заинтересовать. Или, как говорит Мшаров: зацепить за интерес. Да вот вам... мы же обходимся без городских!

— Ну, не знаю, не знаю...— вынужден был уступить Ивакин.

— А что, мои съездили на базар...— Сафонов легко пожал плечами.

— Съездили!— язвительно нажал Бариков.— Не вылезают они у вас с базара. Лавочка, а не колхоз!

Обращался он к Сафонову, но говорил для Ивакина.

Городской агроном внимательно следил, как он бесится.

— Ну, во-первых, вы говорите чушь. Ездить на базар так часто у нас не с чем. А во-вторых, у нас все принимает государство. Выгодней сдавать ему.

— Так... А почему долги не платите?

— Позвольте, какие долги?

— За ГЭС.

— Да что мы — рыжие?— возмутился Сафонов.— Эту ГЭС жулики задумали. Насыпали плотину, а ее в первую же весну и смыло.

О смытой плотине Ивакин ничего не знал. Он украдкой покосился на Барикова: что ответит? Тот молчал. Значит, прав Сафонов?

Взяв первый попавшийся стул, Ивакин устало сел.

— Может, чаю? — спохватился Сафонов и крикнул в дверь:— Зоя!

— Ну, а с помидорами-то что? — уже вполне мирно спросил Ивакин.

Настроение Сафонова установилось, он полностью владел собой.

— Что, и об этом уже знаете?

— А вы думали! — в тон ему ответил Ивакин. У него все больше появлялось ощущение, что они с Сафоновым из одной аудитории, сидели вместе на студенческой скамье.

— Тогда слушайте,— самым серьезным тоном произнес Сафонов, он собрался с мыслями.— Все верно, что рассказывают вам. Все! Кроме одного. Да, хочется мне наладить производство дешевого мяса. И даже опыт Мшарова меня, представьте, не остановил. И совершенно верно, что свиньи меня подвели, нечем мне стало их, чертей, кормить. Но не пропадать же! Кинулся я за отходами. Пожалели меня, дали... купил я. Все так. Но! Вы бы глянули на эти отходы! Ну, то есть были там и подавленные, но в основном прекрасные помидоры. Так неужели такое добро свиньям на корм? Да мне за это руки надо отрубить! Какой же хозяин станет так делать? Я их, конечно, быстренько пересортировал и — больше половины на базар. А вы бы как поступили? Стравили бы их свиньям?

Установилось неловкое молчание. Бариков, главный обвинитель и собиратель доказательств, сидел с отсутствующим видом, и страшноватые его папки спокойно лежали на коленях.

— Что ж,— молвил Ивакин,— если только все так на самом деле...

— Геннадий Иванович,— перебил его Сафонов,— я никогда не вру. Ненавижу врать!

И снова Бариков не пошевелился, не повел и бровью. У Ивакина чуть сузились глаза. «По-нятно... Не ко двору пришелся человек».

Повеселев, Сафонов обратил внимание на стынущие чашки с чаем. Снова крикнул Зою. Пришлось греть чайник и менять заварку.

К чаю Зоя подала домашние сухарики. Ивакин и Сафонов к ним не притронулись. Бариков грыз сухари с жадным хрустом, креп-

---

Окончание. См. «Огонек» № 33.

ко дробя их ядреными зубами. Расправившись с сухарями, он немного осовел и уже не принимал участия в разговоре. А Сафонов рассказывал, что это за пустые избы стоят у них в деревне. Колхоз стал скупать в округе дома на слом, перевозит их к себе. Рано или поздно, а народ все равно повернет из города в деревню. В этом Сафонов был уверен. На первых порах новоселам хоть такая крыша над головой. А жиру наберут — такие ли дома построят!

«А что? — одобрил мысленно Ивакин.— Дельно».

В раскрытое окно доносился скрежет выдираемых проржавевших болтов. Сафонов прикрыл распахнутую створку.

— Что там у вас? — вполне мирно поинтересовался Ивакин.

— А, не спрашивайте! — с досадой проговорил Сафонов. —Да, впрочем, подойдите, гляньте.

В окно Геннадий Иванович увидел троих парней, ломавших старенькую полуторку. На машине уже не было резины, кабина потеряла дверцы, из бортов уцелел лишь один. Сафонов объяснил, что новенькие «КамАЗы» пришли без прицепов и со щелястыми кузовами. Теперь шофера своими силами «доводят их до ума»: наращивают борта, заделывают днища кузовов. Материал приходится брать со списанных машин. Сдирается все железо и все дерево. Правда, если дерево еще годится, то железо чаще всего — труха-трухой.

«Ну вот,— снова одобрил Ивакин изобретательность молодого председателя.— Тоже правильно».

— Я бы хотел через вас попросить... — Сафонов застенчиво порозовел.— Неужели на заводе не понимают, что нам хлеб возить? Хоть бы уплотнительной ленты присылали!

Ответил ему Ивакин тяжелым продолжительным вздохом.

Бариков как бы украдкой несколько раз задирал рукав и взглядывал на часы. За окнами смеркалось. Ивакин, сжав чашку обеими руками, о чем-то задумался и не замечал красноречивой жестикуляции Барикова с часами.

Сафонов вдруг предложил:

— Я считаю, ехать вам на ночь глядя нечего и думать. Ночуйте. Правда, мшаровских условий не обещаю, но накормить накормим и спать уложим.

К неудовольствию Барикова, секретарь райкома согласился. Ивакин уже позевывал и тер глаза. Договорились так: Зоя отведет Барикова к главному бухгалтеру, а Геннадия Ивановича Сафонов пригласил к себе.

4

Жил председатель в небольшой избе, купленной у какой-то старушки, уехавшей в город к дочери нянчиться с внуками.

Геннадий Иванович удивился темным окнам.

— А что, дома пусто?

— Жена в город укатила. Мать, то есть теща моя, приболела. Зову ее сюда — не едет, боится. Всю жизнь в городе прожила. А сын придет поздно. Мы тут решили школьников постарше и поздоровее послать помощниками комбайнеров. Вот сын с ними после уроков и пластается. Дефицит... во всем проклятый дефицит!

— Почему же от горожан отказываетесь?

— Толку-то с них! Да и нечестно так. Мы же на завод не ездим помогать.

— Вашего народу в городе достаточно,— возражал Ивакин.

— Можно и этим обходиться. А то привыкли: студентики уедут, солдатиков пригонят! Так нельзя. Пусть каждый своим делом занимается.

В темных сенях он протянул гостю руку и повел за собой.

— Да,— спохватился Сафонов, собирая на стол,— вы, может... вина хотите выпить?

— Боже избавь! — совершенно искренне запротестовал Ивакин.

Сафонов обрадовался.

— Вот и хорошо. Сам-то я... ну никак! И ни капли дома не держу. Но если надо, то я сбегаю,— снова предложил он, вглядываясь в гостя.

— Я есть хочу! — рассмеялся Ивакин. Он не признался бы в этом никому, но давешнее ощущение, что ему легко с Сафоновым, как со своим сокурсником, крепло все больше.

— Эх, лук-чеснок! — расстроился хозяин.— А у меня, признаться... Но мы сейчас чего-нибудь сварганим.

Он нырнул в подполье и достал кастрюлю картошки.

— Где-то еще кусок курицы остался. Бульон. Ничего?

— Давайте, давайте!

Сафонов протянул ему нож и попросил очистить луковицу. За стол они уселись, как два квартирующих вместе холостяка.

— А вы знаете,— принялся рассказывать Сафонов,— у нас очень любят принимать начальство. Обед, так уж обед! А как уедут — списывают на это черт-те сколько. Я как-то рылся в документах. На один обед только мяса списали пятьдесят пять килограммов. Молока сто пятьдесят литров! Представляете? Особенно молоко меня поразило. «Вы что же, говорю, за обедом молоко глушили?»

Поужинали скудно, по-студенчески, зато чаепитие растянулось далеко за полночь.

— Я вас сегодня малость разговорами дойму... не возражаете? — предупредил Сафонов.— Планов, планов у меня... голова трещит!

— Пока хлеб не уберем, никаких планов.

— Это понятно. Я потому и обсуждение сорвал, как меня обвиняет этот ваш...— Сафонов большим пальцем показал куда-то за спину.— Терять на болтовню целый день! Я весной слабину дал — развесил уши. Теперь его видеть не могу! Ездит, ездит, как надзиратель. На завод же не присылают указчиков! Стоял бы, представьте, такой вот над директором или над токарем — и учил. А нас учат. Нас все учат!

Геннадий Иванович шутливо приподнялся с места.

— Прикажете собраться и уехать?

Сафонов захлопал глазами, потом сообразил и захохотал:

— Не обижайтесь, сорвалось с языка! Вас я не отпущу. Но того бы выгнал. Честно говорю. И так год трудный, а тут еще он. Против нас господь бог и Бариков. С обоими воюем.

— Вы, случайно, не анархист? — снова с оттенком шутки осведомился Ивакин.

— Это вы насчет руководства? Боже сохрани. Только, по-моему, руководитель должен заниматься настоящим делом. Хлеб, мясо, молоко дают колхозники. Дело руководителя — принимать правильное решение.

Сафонов дождался, пока забрякала крышка чайника, и стал колдовать с заваркой.

— Чай меня научили пить на целине,— приговаривал он.— Вот где мастера заваривать!

И потянулась ночь. За окнами, где-то далеко-далеко, долго и хорошо играла гармонь и наконец умолкла, затем в последний раз прошлись с песней по улице девчата, и село затихло. Они все пили чай и говорили. Глаза Сафонова блестели. Видно было: намолчался человек.

— Да сколько можно нам, Геннадий Иванович, талдычить про культуру земледелия! Уши болят слушать. Когда мы, наконец, начнем думать о культуре самого земледельца? А? Ведь человек же все решает, только он. Так давайте же браться за него, тянуть его вверх. Вы думаете, почему у других урожаи в пять раз больше наших? Да потому, что мужик там — о! — постучал себя по голове.— А мы, старинка-матушка, все гонимся за площадями. Напашем, напашем — и разводим сорняки. А нет задуматься: сколько же ума вложено в гектар? Вот она где, культура-то! Хватит нам пóтом землю поливать, соленая она уже, пора ума туда вгонять.

Неожиданно лампочка под потолком мигнула и погасла. В наступившей тишине зашипел репродуктор, раздался женский голос:

— Товарищи, идет очистка зерна, и работает пилорама. Просим оставить по одной точке в доме.

— Сейчас загорится,— сказал Сафонов.—Народ у нас дисциплинированный. А пока и в темноте можно немного посидеть. Правильно?

Они продолжали разговаривать.

Сафонов убрал из-под рук чашку и положил локти на стол.

— Я знаю, вы в «Прогрессе» были. Слухи-то... знаете?.. По проводам бегут! Да, Федор Иваныч у нас голова. Я сам у него многому научился. Между прочим, он хоть и не верит в науку, но сам старается все делать по науке. Вы знаете, чем он своих стариков убедил? Представьте, народной мудростью. Умно сделал. А вы не догадываетесь — зачем? А вот слушайте.

Ярко вспыхнул свет, Сафонов зажмурился, прикрыл глаза ладонью.

— Бригада стариков помогла ему скосить все сено за июль. Но почему именно июль? А потому что в июльском сене, к вашему сведению, больше половины кормовой единицы на килограмм.— Он взял чайную ложечку и принялся выводить на скатерти воображаемые цифры.— Один килограмм сена заменяет два килограмма концентратов! Чуете? Убери колхоз сено в июле, он получит две с половиной тысячи центнеров белка. А убери в августе— наполовину меньше.

Сделав подсчет, он с торжествующим видом бросил ложечку. Глаза его светились. Ивакин вспомнил, что сам Мшаров, к сожалению, отзывается о своем соседе далеко не так лестно. «Интересно, сам он или кто другой ему придумал прозвище «Американец»?»

— Есть, правда, у Федора Иваныча одно «но»,— сказал Сафонов.— Теплица, огурцы... все хорошо. Но не это же главное! Мы с вами еще об этом поговорим.

На дворе хлопнула калитка, Сафонов, прислушиваясь, наставил ухо. Заявился его сын, застенчивый парнишка, весь в пыли, в мазуте, взял мыло с полотенцем и пошел к колодцу отмываться. Волосы у него были длинные, почти до плеч.

— Ох, остригу я тебя как-нибудь во сне! — пригрозил ему отец.— Почему так поздно?

— Да задержались,— солидным баском отозвался сын.

— Но учти, завтра я тебя рано подниму!

Парнишка быстро поел и завалился спать.

Сафонов сцедил из чайника в чашки остатки густой душистой заварки и, задирая руки, стянул через голову рубаху.

— Раздевайтесь и вы, Геннадий Иванович,— предложил он.— Жарко.

Ивакин снял пиджак, хозяин принял его, повесил на стул.

— Вот завел я оркестр,— продолжал Вадим Петрович, пошире растворив окошко.— Ну, роскошь, конечно, по нашим-то доходам. Даже у Мшарова нет! А я вот сделал и не каюсь. И знаете, почему? А вот слушайте. До меня здесь было человек тридцать председателей. И каждый начинал с одного и того же: с обещаний. Дескать, давайте работать и будем с хлебом. Поверят ему люди, работают. Но подойдет осень — и хлеб у них под метелку выгребут. А попробуй заикнись! «Ты с кем, с государством считаться?» Еще и кулацкой мордой обзовут. Сами знаете, как все было. Ну, а на следующий год председателя уже никто и слушать не хочет. Его и снимают. Не справился! Я, кстати, тоже ничего лучшего не нашел, как наобещать. Приехал, заперся на неделю, просматривал бухгалтерские книги. Народ посмеиваться стал. «Ну,— говорят,— грамотный попался. В поле и не выманишь. Теперь докладами закормит!» Я и начал с доклада. Семь центнеров на круг берем. Срам! Сеем — лишь бы землю занять. А фермы? Ну, жирное молоко, это да. Но ведь мало же! В общем, сидели долго. Я им и принялся расписывать, как будем жить. Поверили! Народ у нас, знаете ли, верой живет. Но уж зато осенью я ни на какие эти: «С кем считаешься?» — не клюнул. Пусть голова с плеч, а обещание выполню! И — выполнил, роздал людям хлеб. Мне, конечно, выговор. Но зато люди, люди-то у меня... поверили! А вы знаете... ах, черт возьми, жалко, что нет для этого мерки!.. Как они у меня разогнулись, расправились. Как глядеть стали! И это было для меня самое важное, самое дорогое. Человек должен верить: если он работает, значит, будет сыт. Это — главное. И тут меня хоть режь. Я ведь сюда приехал не повинность отбывать. Сам вызвался. Мог бы и в городе прекрасно жить. А приехал. И я теперь хочу, чтобы меня и похоронили здесь. И меня, и сына моего, и внуков, правнуков. Но только не в этой нищете, которую вы сегодня видели. О, нет, на это я не согласен.

Он слегка стеснялся своего откровения, своей раскрытости. Поднялся, снова сел, нервно отхлебнул из чашки. В горнице, за большой деревенской печкой, посапывал спящий сын.

— В общем, Геннадий Иванович, хочу я укрепить у людей веру в колхозы. Вот говорят: отжили колхозы, пора их заменять совхозами. А я не согласен! Колхоз я считаю самой великолепной формой хозяйства. Смотрите: и люди миром работают и в то же время вроде бы и частники. Весь мой Совет Министров у меня всегда под рукой. Решили на правлении — и все, закон принят. Все можно решить быстро, не отрываясь от задач дня...— Он вдруг запнулся, положил палец на губы.— Я что, по-книжному говорю? Да?

— Ничего подобного! — запротестовал Ивакин.— Продолжайте... вот еще!

— Главное тут, по-моему, то, что мы чувствуем. Правда? Сейчас наступила поворотная пора — внимание к человеку, возделывающему землю. И народ, знаете, замялся. Если и бежит в город, то уже с оглядкой. Душевная оседлость появляется. Он уже хозяин на земле, а не поденщик.

Худой, в маечке, Сафонов походил на подростка. Майка была велика и на боках отвисала мешками.

— Я убежден, что возможности наши безграничны. И я докажу это... То есть, конечно, мы докажем,— поправился он в смущении.

Ивакин спросил:

— Кое-что, я слышал, вы уже начали?

Видимо, Сафонов сразу вспомнил все анекдоты, ходившие о нем в районе. Он застеснялся.

— Это пока так... затравка. Попробовать, так сказать, на вкус. Главное — впереди. Я тут недавно депутатов Совета собирал, стариков созвали. Сколько, говорю, в нищете можно жить? Эх, как они взвились на дыбы! У каждого накипело. В самом деле, неужели Мшаров может, а мы совсем уж никуда? Вот так же на всю ночь хватило разговора. Я их, представьте, кое во что носом ткнул. Смотрите: яровая пшеница на здешних полях выродилась вконец, а мы ее продолжаем сеять. Глупость же! Достал я сорок килограммов «саратовки». Уж как я добывал ее — рассказывать не буду. В области о пороги лоб расшиб. Но достал. Сейчас у нас особая делянка — на семена. Еще год, два — и со своей суперэлитой будем. Кое-кому можем и продать.

— А ячмень? — спросил Ивакин.

— Ячмень у нас «коханский» был. Мы его заменили.

— Ну, это вы зря,— возразил Ивакин.— «Коханский» — хороший сорт.

— «Черниговский» лучше. Самое главное для нас — не полегает. Да и урожаи выше. Мы и овес свой тоже заменили, стали сеять «льговский». Тридцать семь центнеров! Плохо разве? А недавно я вычитал про чудесное растение — окопник. Оказывается, непревзойденный медонос, да еще и пять укосов в лето. Ну, разве не блеск? Сейчас пишу во все концы, хочу семян достать. И вас я попрошу: где будете ездить, спрашивайте. Вот так вот выручите!— чиркнул себя рукой по горлу.

Устав сидеть, они поднялись и подошли к раскрытому окошку. Свежий воздух приятно холодил лица. Напротив, через улицу, неясно вырисовывался в темноте гребень крыши дома. Светало уже, что ли?

— А что у вас все-таки с Мшаровым?— поинтересовался Геннадий Иванович.— Я слышал, вы их на соревнование вызвали?

Сафонов самолюбиво усмехнулся.

— Не любит нас Федор Иваныч, даже разговаривать не хочет. Еще бы — весь район на него молился, а тут вдруг... Ревность заедает. Привык княжить в одиночестве, никого рядом не выносит.

Они помолчали. Ивакин неожиданно признался:

— Мне не понравилось, что Федор Иванович занижает урожайность. Я выяснил: он и комбайнерам снизил нормы. Что это — сознание безнаказанности?

— Нет, тут вы зря,— заступился Вадим Петрович.— Я эту его хитрость знаю. Мшаров цепляет человека за интерес. Пусть лучше перевыполнит, чем недовыполнит! Идея, так сказать, навырост.

— Уборку вы начали?— спросил Ивакин.— Как урожай?

Хозяин сразу помрачнел.

— Да так, местами... Где хорошо, а где и...

— Что, весна подвела?

— Н-немного...— с усилием признался Сафонов.

— А вот Мшарова не подвела!

Собираясь с мыслями, Сафонов нервно кусал губы.

— Да вы уж договаривайте,— вдруг сказал он.— Чего стесняться-то? Да, Мшаров весной рискнул, а я не стал. Испугался попросту! Честно говорю. Судил, рядил и порешил: пусть лучше начальство отвечает. Спросите вашего Барикова, соврать не даст. Ему-то что: не унтер-офицерская вдова, сам себя сечь не будет. А с нас голову могут снять.

— А!— вспомнил Ивакин.— Так это вы его тогда вдовой назвали?

— Конечно. А что? Жаловался? Бр-р... вот не люблю деятеля!

— Это заметно,— усмехнулся Ивакин.

Наморщив лоб, Сафонов задумался.

— Геннадий Иванович,— тихо позвал он,— вот как вы думаете, какая главная беда в сельском хозяйстве?

— Здравствуйте! Да много их. Природа же, как говорит Мшаров. Ну, засуха, например. Град... тоже не подарочек. Или дождь не вовремя. А сейчас еще вот пыльные бури появились.

На каждое названное секретарем стихийное бедствие Сафонов отрицательно помотывал головой: нет, нет, нет. Ивакин умолк, не зная, что еще сказать. Тогда Сафонов поднял палец и внятно, четко произнес:

— Дурак. Вот наша главная беда. Не знаю, как в остальных областях, но в сельском хозяйстве дурак — беда государственная. Никакой враг не сделал нам столько зла, как дурак.

— Уж пошарахались изрядно! — согласился Ивакин.

Взволнованный какой-то мыслью, Сафонов принялся ходить по тесной кухоньке.

— Сельское хозяйство не любит истерики, не терпит. Ленина, Ленина надо читать! Как учит партия? Если допущена ошибка в личном плане, тогда еще можно брать в учет: с умыслом она сделана или без умысла. Но в общественном плане никакая разница в учет не принимается. Вред, и все! И это правильно, это принципиально. Если тебе доверили дело — изволь оправдать это доверие. Самый тяжкий грех руководителя — непредусмотрительность.

Он перестал ходить и сцепил пальцы, как бы пытаясь что-то вспомнить.

— Спать не хотите? — неожиданно спросил он.

— Стоит ли ложиться? Светает.

— Заговорил я вас. Часика два надо все-таки соснуть. День впереди. Не последний же раз!

Он постелил гостю в горнице, на полу, сам лег на семейный топчан. Спящий возле печки сын что-то проговорил во сне. Сафонов приподнялся, затем встал и поправил на нем одеяло. По дороге мимо окон проехала, гремя бортами, ранняя машина. Сафонов помолчал и негромко произнес в темноту:

— За запчастями опять. Вторую неделю ездим.

Он слышал, что гость не спит.

Геннадий Иванович перевернулся на спину и подбил под головой подушку.

— О городе не скучаете? — спросил он.

— Да как сказать... — с небольшой паузой отозвался в темноте Сафонов. — Привычка, конечно, остается. Но знаете, куда больше всего тянет? Порыться в книжном магазине. Ей-богу! В городе я этого как-то не замечал, а тут...

Они не видели один другого, но каждый повернулся в сторону собеседника.

— Городской сами? — обронил Геннадий Иванович.

— В общем-то да. Но отец и мать из деревни. Все мы из деревни! А вы?

Ивакин лежал на боку, одна рука под головой, другая — поверх одеяла.

— Деревенский. Учился только в городе. И, знаете, люблю деревню! Пока жил в городе, все время ее вспоминал. У нас за деревней бугор и роща. Мальчишкой мне казалось, что за ними конец света, ничего больше нет. Чердак еще хорошо помню. Чего там только не было! Кладовку еще почему-то помню, кадушки всякие, грабли, лопаты, хомуты... Смешно!

Говорить, не видя собеседника, было удивительно легко, как бы в мечтательном уединении.

— Нет, нет, — живо возразил Сафонов и, слышно было, приподнялся на локте. — Почему вы говорите, что смешно? Я понимаю вас. Да и любого... Я вот говорил с людьми, которые сейчас возвращаются в деревню. Знаете, что им больней всего? Что в их родных избах живут чужие! И я подумал — правильно! Там же отец, мать родились. Дедушкин колодец, бабушкин огород... Голоса их до сих пор... «Линия», порода соблюдалась. И вдруг прекратилась. Гнездо, где ты родился, вырос, — в чужих руках. В окнах — чужие головенки... Нет, Геннадий Иванович, здесь пропасть большого смысла. Я, например, как раз отсюда слово «родина» вывожу. Родник, родился... Вы со мной согласны?

Он не улежал и уже сидел, свесив с топчана ноги.

— Как же человеку без родины! Если даже его лишить насильно — и то горько. А тут сам себя лишил! И не только себя, а и детей. Обокрал, можно сказать. Как же им расти-то? Что потом вспомнят? Нет, это вы очень хорошо сказали, Геннадий Иванович, что какую-то кладовку помните. А я вот в городе вырос и... ну, черт ее знает!.. Ну, вот нет у меня такого! Не было! И, знаете, мне этого не хватает. Честно говорю! Бывало, отец с матерью станут вспоминать, мать, конечно, всплакнет, а мы, ребятишки, смотрим на них и слушаем, слушаем... — Он потер голые коленки и признался: — Я, например, в таких случаях завидую. Честное слово!

— Ну, особенно-то завидовать... — с усмешкой заметил Ивакин, укладываясь поудобней. — Помню, в школе нам прочитали, что в Китае все поголовно рис едят. «Вот, думаю, жизнь!» А у нас тогда пшено рюмочкой отмеряли. Голодное было время... А раз увидел, как председатель нашего колхоза блины ел с маслом. «Ну, — думаю, — вырасту, обязательно на председателя учиться стану!»

Жадный и неподдельный интерес Сафонова, собственная взволнованность, а может, еще и темнота, придававшая этому позднему предутреннему разговору особенную задушевность, по-особому настроили Ивакина, он подпер голову рукой и, тихо улыбаясь невидимой собеседнику улыбкой, стал вспоминать о своей деревенской, пленительной, таинственной и далекой стране детства. Сафонов слушал, не перебивая, только изредка вздыхал. Разве городскому мальчугану ведомы предания о дальнем глухом овраге, где обитает всяческая нечисть, только и ждущая, когда заблудятся ребятишки с лукошками для ягод и грибов? А страшные сказки дремучего облога, из которого выходят по ночам лихие до купцов и добрые к простому человеку молодцы-разбойники? А разве знает городской ребенок, что значит, набегавшись по морозу и промерзнув до костей, залезть в блаженное тепло на печку, зарыться в старую овчину на горячих кирпичах? Вот отец сильно топает валенками на крылечке, сбивая снег, и входит в избу, напустив клубы морозного пара. Он ставит на лавку два ведра колодезной воды. Сладко напиться из ковша студеной влаги, укусив напоследок тонкую льдинку. Мать в это время развешивает стылое белье, внесенное с улицы. Белье гремит, как жестяное, и пахнет так душисто и свежо, словно только что разрезанный арбуз... Отогреваясь всем иззябшим телом, последнее, что ты слышишь — как мать дунет в лампу и, шепча какую-то свою домашнюю молитву, подтягивает цепь на старых ходиках.

— Тянутся, тянутся люди в деревню! — подхватил Сафонов, когда гость отговорил и замолчал, и пронеслась необходимая минута обоюдного напряженного молчания. От возбуждения Вадим Петрович снова сел. — Я, например, считаю, что это естественно. Здесь же их корень! Но надо дать им здесь нормальные условия. Почему, спрашивается, им не жить по-человечески: с горячей водой и отоплением? А быт, Геннадий Иванович, поможет нам решить многое, очень многое. Смотрите, сейчас нам нужна специализация и концентрация производства. А где специалисты, спрошу я вас. В деревне сейчас не хватает не просто рабочих рук. Ценность отдельного работника в колхозе значительно повысилась. Деревне нужны квалифицированные руки. А они в городе. Так давайте часть их заворачивать сюда. Пусть они увидят, что здесь не хуже. Квартиры, скажем, не те, что в городе, но зато еще и лес, река... природа!

За окном светало. Сафонов стал уже виден, худенький, нервный от бессонной ночи, в огромной майке и трусах, с голыми коленками.

— И все-таки поэзия старого села, — сказал он, — ушла в прошлое. Плетни, завалинки. Трещат в печке дрова... Поставить современное механизированное хозяйство в такой патриархальной деревеньке невозможно. Да и сам-то колхозник! Он льет слезы по ушедшему, лишь очутившись в городе. А сам хочет городских условий: ванна, горячая вода, канализация.

— Не думали, — спросил Ивакин, — какие специальности потребуются в первую очередь?

— Сначала всякие, — тут же отозвался Вадим Петрович. — Дыр же кругом полно! Дожили, Геннадий Иванович: работать некому! Любому будем рады. А потом... потом, конечно, требования будем поднимать. Я считаю, мы со своим Нечерноземьем начинаем ту же индустриализацию, только по второму кругу. Индустриальную деревню надо строить.

Спящий возле печки сын заворочался, повернулся к ним спиной и согнулся чуть не пополам, выставив длинный ряд худеньких позвонков. Сафонов проворно встал с топчана и сел к Ивакину на пол, чтобы говорить потише.

— Вадим Петрович, — шепотом сказал Ивакин, — вам никогда не приходило в голову: зачем нам без особенной нужды распылять такие бешеные средства? Что я имею в виду? Вот был я в «Прогрессе». Федор Иванович, конечно, размахнулся и денег не пожалел: два миллиона вбухал в школу. Ну, дворец! Зависть берет. Но детей-то у него в колхозе не хватает. Классы-то пустые! Значит, что же, напрасно?

— Ну знаете! — не соглашаясь, протянул Сафонов. — Школа же строится не на год и не на два. Видимо, о будущем думал.

— Правильно. Но, выходит, тогда и вам надо такую же строить.

— А мы и построим! Вот погодите.

В досаде Ивакин щелкнул пальцами.

— А стоит ли? У него она пустая, у вас будет пустая. Вы не находите, что в этом есть что-то кулацкое? Только бы для себя!

— М-м... — споткнулся Сафонов. — Что-то в самом деле есть... Какой же выход? Не строить?

— Боже избавь! Объединять надо силы. Вот как вы с комплексом. Но только замахивайтесь еще выше. Регион! Весь район в одну упряжку. Представляете? Правда, это еще не завтра, но думать уже надо.

Соображая, Сафонов склонил голову набок, поджал губы.

— Не знаю, не знаю... Соблазнительно, конечно. А вы что — и государственные учреждения думаете привлечь?

— Об-бязательно!

— Ага... Но что же тогда получается? «Коня и трепетную лань». С одной стороны, колхозы, так сказать, кооперативная собственность. С другой — то же, скажем, отделение «Сельхозтехники», контора «Межколхозстроя», завод этот консервный... Государственная собственность! Или, думаете, спустят директиву?

Сафоновские сомнения занимали и самого Ивакина. Замысел его был необычный, многое в сложившихся порядках будет мешать. Но он надеялся на время: действительность сама потребует перемен и все расставит на свои места.

Он сильно потянулся и раззевался так, что затряс головой.

— Директива нам, Вадим Петрович, спущена давно: думать. Кормить нам надо государство, и как можно лучше.

— Да, это-то я понимаю!

— Ну, а остальное мелочи. Справимся.

— Гм... Завлекательно! — проговорил Сафонов, почесывая голову. — В самом деле? Разве одна школа? А поликлиника? А больница? Аптека, скажем, универмаг...

Ивакин слегка остудил его, рассказав о недавнем разговоре с директором кирпичного завода. Нет рабочих, нет и кирпича. А из чего строить? Из одних докладов?

— С кирпичом беда, — согласился Сафонов. — Счетом отпускают. Материал стратегического назначения! Но я уже советовался со своими. А что, если мы дадим на завод своих людей? На время, конечно. Зато кирпич нам вне всякой очереди... а?

— Мысль есть, — одобрил Ивакин. — Так сказать, сами себя выручим.

— Но только условие, — еще раз предупредил Сафонов, — кирпич нам. А то мы отработаем, а кирпич заберет какой-нибудь боярин... Скажете, не бывает?

— Ладно, ладно вам, — усмехнулся Ивакин. Он засунул руку под подушку и нашарил там часы. Привстав к светившему окошку, долго вглядывался в циферблат.

— Ого, время-то! Может, полчасика все-таки прихватить? А то в самом деле будет трудно.

Поднявшись с пола, Сафонов ушел к себе на топчан. Медленно лег под одеяло, но очков не снял. На лбу его обозначились легкие морщинки. Несколько раз он посмотрел в сторону Ивакина, улезшего с головою под подушку. Долгий ночной разговор не давал ему покоя. Разве теперь уснешь?

К 600-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРТИЛЛЕРИИ

АРТИЛЛЕРИСТЫ

Командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск маршал артиллерии Г. Е. ПЕРЕДЕЛЬСКИЙ отвечает на вопросы специального корреспондента «Огонька» Б. СОПЕЛЬНЯКА

— В эти дни широко отмечается шестисотлетие со дня зарождения отечественной артиллерии. Как была установлена, да еще так точно, эта дата?

— В летописях, описывающих оборону Москвы в августе 1382 года от полчищ хана Тохтамыша, упоминаются пушки, тюфяки и пускачи, которые были на Руси первыми огнестрельными орудиями. Москвичи, говорится в Ростовской летописи, сопротивляясь ордынцам, бросали в них камни, «...друзие же тюфяки пущаху на ня, иные из самострел стреляху и пороки шибаху, иные пушки великие пущаху...». Этот оборот древнерусской речи не поймите в том смысле, будто оборонявшиеся бросали в ордынцев пушки. В современном понимании это звучит так: «Из тюфяков стреляли в них, другие из самострелов... а иные стреляли из самых больших пушек». Таким образом, в 1382 году пушки и другие огнестрельные орудия уже были известны на Руси, а 23 августа их впервые применили в боевой обстановке. Этот день и принято считать днем рождения отечественной артиллерии.

— Сохранились ли образцы первых русских орудий?

— Конечно! Если вы побываете в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, основанном еще в 1756 году, то увидите самые первые тюфяки и смаговницы. Они представляют собой цельнокованый ствол, который для стрельбы вкладывался в деревянную колоду и скреплялся с ней специальным приварным крюком. Стрельба из них велась уже не зажигательным веществом, а ядрами, которые делали из камня, свинца и железа.

— Москвичи и гости столицы с удивлением и восхищением рассматривают находящееся на территории Кремля выдающееся творение пушечного мастера Андрея Чохова — «Царь-пушку» и внушительного вида боеприпасы — чугунные ядра. О назначении этого орудия и его применении говорят много и по-разному. Что же это такое: произведение искусства или боевое орудие?

— Отвечая на этот вопрос, следует заметить, что развивающееся в XVI веке пушечно-литейное дело способствовало появлению целой плеяды прекрасных мастеров, таких, как Игнатий, Степан Петров, Богдан и Пятóй. Но наиболее выдающимся представителем русской школы пушечных мастеров был Андрей Чохов. Среди многих созданных им образцов орудий особой известностью пользуется "Царь-пушка", отлитая в 1586 году. Она была самым большим и совершенным по техническому исполнению орудием того времени. Калибр — 890 миллиметров, вес — около 40 тонн. Такие данные «Царь-пушки» наталкивают на мысль, что если и предполагалось когда-либо применить орудие в бою, то только на месте, то есть для обороны Кремля. В богатый бурными событиями XVI век у Московского государства еще оставалось немало врагов, способных угрожать не только окраинам страны, но и самой столице. Вряд ли в то тревожное время москвичи могли тратить средства и убивать время на изготовление сверхтяжелой пушки с единственным намерением — выставить ее напоказ. Уверен, что нет! Эту пушку называли еще и «Дробовиком Российским». Это потому, что предназначалась она для стрельбы каменным дробом, то есть картечью. Чугунные ядра, которые лежат сейчас около пушки, были отлиты гораздо позже — в XIX веке и носят чисто декоративный характер.

«Царь-пушка» не сделала ни одного выстрела. Однако можно представить, какое опустошение в рядах врагов могло произвести это орудие.

По типу «Царь-пушки» были отлиты другие образцы орудий, меньшего калибра, которые в отличие от своей «прародительницы» постреляли немало и сыграли важную роль во многих битвах, способствуя не одной победе над врагом. Важно отметить, что орудия Чохова и других пушечных мастеров того времени приобрели ту рациональную форму и устройство, которые были присущи орудиям последующих столетий. Именно тогда были отлиты такие известные орудия, как полевая пищаль «Богдан», крепостная пищаль «Три аспида», осадная пищаль «Свиток» и знаменитый чоховский «Инрог». Несколько позже появились так называемые «единороги»—они пробыли на вооружении более ста лет. Создание этих пушек было большим шагом в развитии, как мы теперь говорим, технического прогресса. Дело в том, что зарядная камора «единорогов» имела коническую форму, что позволяло очень плотно загонять в нее ядро, гранату или картечь, а это, в свою очередь, позволяло с максимальным эффектом использовать пороховые газы. Дальность стрельбы увеличилась до двух километров! Орудия, применяемые в Северной и Семилетней войнах, в Полтавской битве, в походах Румянцева и Суворова и даже в Отечественной войне 1812 года,— все это «единороги».

И тут я не могу не сказать доброго слова о молодом русском генерале А. И. Кутайсове. На Бородино он командовал артиллерией первой армии. Погиб Кутайсов при отражении второй атаки французов на батарею Раевского. Всего двадцать восемь лет прожил Кутайсов, оставил после себя лишь два документа, но они вошли в историю русской армии. А. И. Кутайсов разработал совершенно новую тактику применения артиллерии и создал «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Кроме того, он в корне изменил, я не боюсь этого слова, дух артиллеристов — из пушкарей превратил их в бойцов. Раньше ведь как было: если кончались заряды, артиллеристы оставляли позицию. А Кутайсов накануне Бородинской битвы издал такой приказ: «Подтвердите от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы не уступить неприятелю ни шагу нашей позиции: артиллерия должна жертвовать собою. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если б за всем этим батарея и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне окупила потерю орудий».

— На Бородино стреляли гладкоствольные «единороги», и стреляли отлично. Потом вдруг наступил кризис гладкоствольной артиллерии. Чем это вызвано? Кому принадлежит идея создания нарезных орудий и когда они появились?

— Кризис гладкоствольной артиллерии наступил в середине XIX века. Особенно ярко он проявился в Крымской войне 1853—1856 годов. Дело в том, что тогда уже появились нарезные ружья. Они имели бóльшую дальность стрельбы, чем гладкоствольные орудия, и, естественно, поражали орудийную прислугу. На повестку дня был поставлен вопрос о перевооружении артиллерии нарезными системами. Идея создания таких орудий впервые зародилась в России еще в XVI веке, когда была изготовлена пищаль, запиравшаяся с казенной части ввинчивающимся винградом и имевшая нарезы в дульной части ствола. Теоретически польза нарезов была также обоснована в России выдающимся ученым И. Г. Лейтманом в 1728 году.

Первые нарезные бронзовые орудия, заряжавшиеся с дула, появились в России в 1858 году. Принятие их на вооружение представляло собой качественный скачок в развитии артиллерии. В два-три раза уменьшился вес орудий, увеличилась дальность стрельбы, а точность — более чем в пять раз.

Впервые русская нарезная артиллерия была применена в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Высокая ее эффективность была проявлена при форсировании Дуная, в боях за Плевну и в других сражениях, но самой славной страницей стали ее действия в героической обороне Шипкинского перевала, продолжавшейся с 7 июля по 28 декабря 1877 года. Одно такое орудие — 152-мм пушка — хранится в артиллерийском музее.

— Известно, что России принадлежит приоритет в развитии скорострельной артиллерии. Кем и когда было сконструировано первое скорострельное орудие, где оно получило боевое крещение?

— Важным этапом в развитии отечественной артиллерии является перевооружение ее скорострельными системами. Первая скорострельная пушка была сконструирована в 1872 году талантливым изобретателем В. С. Барановским. Скорострельность пуш-

ки достигла десяти выстрелов в минуту — в пять раз выше старых систем. На принципах, внедренных Барановским, разрабатывались скорострельные орудия во всех странах. Что касается орудия Барановского, то боевого крещения оно не получило — эти годы были относительно спокойны. А вот во время русско-японской войны скорострельные пушки уже были на вооружении русской армии. Сам Барановский, к несчастью, погиб при испытаниях одного из своих орудий.

Но его заслуги были отмечены во время празднования 500-летия русской артиллерии. Торжества тогда были большие и пышные. Об артиллеристах говорили, писали, везде и всюду они были нарасхват. До нас дошел очень любопытный документ — стихи прапорщика Перцова. Мне кажется, они очень хорошо выражают отношение России к войне и миру, гордость наших предков своей Родиной, подвигами армии и, в частности, артиллеристов. Пусть не полностью, но я приведу эти стихи.

Пятьсот годов прошло с тех дней,
Когда мы в первый раз узрели
Творенье первых пушкарей —
Артиллериста в колыбели.

Окрепнув в силе той, сказать
Мы можем западной гордыни,
Что ей уж нас не застращать
Своим оружием отныне.

У нас есть все: и динамит,
Мортиры, пушки, порох новый,
Твердынь незыблемых гранит
И флот внушительный, суровый.

Но не кичимся тем, о нет.
Мы над развитьем сил отчизны
Трудимся скромно пятьсот лет
Для упрочненья мирной жизни.

— Что можно сказать о развитии советской артиллерии в годы перед Великой Отечественной войной?

— Красная Армия была единственной в мире, в которой к началу Великой Отечественной войны артиллерия была полностью перевооружена новыми системами всех видов и калибров. Артиллерийский парк пополнился одиннадцатью образцами новейших полевых орудий, тремя образцами зенитных пушек и четырьмя образцами первоклассных минометов, которые по своим качествам превосходили подобные системы зарубежных армий. Велика заслуга в разработке современной артиллерии конструкторских бюро, возглавляемых В. Г. Грабиным, И. И. Ивановым, Ф. Ф. Петровым, Б. И. Шавыриным.

Выдающимся достижением советских ученых было создание в середине тридцатых годов реактивных снарядов 82- и 132-мм калибра, а позже и наземной пусковой установки.

К началу Великой Отечественной войны была разработана стройная организационная структура, передовые методы боевого применения артиллерии, шагнули вперед баллистика, теория стрельбы, управления огнем и другие отрасли артиллерийской науки.

— В военно-исторической и мемуарной литературе есть весьма противоречивые сведения о том, кем и когда советская артиллерия была названа «богом войны».

— Появление термина «бог войны» связано с боевыми действиями в Финляндии в 1939—1940 годах. Они протекали в исключительно трудных и суровых климатических и географических условиях. Стояли жестокие морозы, доходившие до 40—50 градусов, лежал глубокий снег. Сплошной лесной массив, многочисленные озера, реки и болота, бездорожье крайне усложняли боевые действия войск, их передвижение и снабжение. Особенно затруднялся маневр артиллерией. Я сам тогда был помощником начальника штаба артполка и хорошо все помню. Однако советские войска, в том числе и артиллерия, успешно решили задачу по прорыву «линии Маннергейма». Опыт боев показал, что решающая роль в прорыве долговременной укрепленной полосы принадлежит артиллерии, обладавшей в то время среди всех родов войск наибольшим могуществом огня; что только она способна разрушать долговременные сооружения укрепленного района, нарушать систему огня и открывать путь для наступления пехоты и танков. Боевые действия еще раз подтвердили важное значение артиллерии в современном бою и показали, что по могуществу огня артиллерия занимает ведущее место среди всех наземных родов войск.

Обобщая опыт боевых действий в Финляндии, И. В. Сталин назвал артиллерию «богом войны».

— Суровым испытанием и всесторонней проверкой советской артиллерии явилась Великая Отечественная война. Что можно сказать о количественном и качественном росте артиллерии, развитии методов боевого применения?

— Великая Отечественная война подтвердила наши теоретические положения о возросшей роли артиллерии во всех видах боя. Именно поэтому партия и правительство в первые месяцы войны приняли решительные меры по дальнейшему количественному и качественному росту артиллерии. В ходе войны были разработаны и приняты на вооружение 57-, 76-, 100-мм пушки, 152-мм гаубицы, 160-мм минометы, мощный реактивный снаряд М-31 и боевая машина, известная как «катюша». На вооружение самоходной артиллерии поступили 85-, 100-, 152-мм самоходные установки. Боевой комплект орудий пополнился бронебойными подкалиберными и кумулятивными снарядами.

Количественно артиллерия сухопутных войск за годы войны выросла в три с половиной раза. Только в последние годы войны наша военная промышленность выпускала ежегодно по 120 тысяч орудий и 100 тысяч минометов различных калибров, а всего за годы войны было произведено 825,2 тысячи орудий и минометов. Особенно большие успехи были достигнуты в производстве реактивной артиллерии. Если к 1 июля 1941 года на фронте действовала лишь одна батарея знаменитых «катюш», то к началу 1945 года их было уже 519 дивизионов.

Рост численности артиллерии позволил совершенствовать организационную структуру войсковой артиллерии, которая обеспечила повышение огневой мощи общевойсковых соединений. Наша стрелковая дивизия по противотанковой артиллерии превосходила немецкую дивизию почти в четыре, а японскую — в четыре с половиной раза.

В ходе войны были достигнуты крупные успехи в развитии методов боевого применения артиллерии, приобретен опыт планирования, организации и совершения маневра и массирования артиллерии в стратегическом, оперативном и тактическом масштабах. Так, в Белорусской операции участвовало 31 000, в Висло-Одерской — 33 500, в Берлинской — около 42 000 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии. Исключительно высокой была плотность артиллерии на участках прорыва — 300—350 орудий и минометов на один километр.

Огромную роль сыграло внедрение в практику артиллерийских наступлений. Первое такое наступление было проведено 10 января 1942 года в наступательной операции Западного фронта на реке Лама, а затем в ноябре того же года — под Сталинградом. Самая длительная артподготовка была проведена во время Свирско-Петрозаводской операции — 3 часа 32 минуты, самая короткая во время Берлинской операции — 20 минут.

По качеству материальной части, мастерству артиллеристов, силе их духа советская артиллерия не имела себе равных в мире. Источником могущества советской артиллерии, как и всей Советской Армии, являлась руководящая, организующая и направляющая роль Коммунистической партии.

Советский народ, партия и правительство высоко оценили мастерство и ратные подвиги советских артиллеристов. Им было вручено более одного миллиона 600 тысяч орденов и медалей, 1800 артиллеристов удостоены звания Героя Советского Союза, два из них — В. С. Петров и А. П. Шилин — удостоены этого звания дважды. В ознаменование заслуг артиллерии в годы Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1944 года установлен праздник — День артиллерии (с 1964 года — День ракетных войск и артиллерии), который отмечается 19 ноября.

— Кого следует считать первым Героем Советского Союза среди артиллеристов вообще и в Великой Отечественной войне в частности?

— Имя первого Героя Советского Союза среди артиллеристов связано с боями по разгрому японских самураев у озера Хасан в 1938 году. Это был командир взвода 45-мм пушек лейтенант Иван Романович Лазарев. Во время атаки высоты Заозерной наша пехота залегла под губительным пулеметным и артиллерийским огнем. Лейтенант Лазарев выкатил орудия на открытую огневую позицию и открыл огонь. Из одного орудия он лично вел огонь за наводчика. Отважный артиллерист был ранен, но продолжал стрелять. В результате смелых и решительных действий артиллеристов три орудия противника были уничтожены, а огонь пулеметов подавлен. Пехота решительным броском овладела позициями японцев на высоте. За мужество и отвагу лейтенанту Лазареву, первому среди советских артиллеристов, Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Несгибаемую волю, мужество и массовый героизм продемонстрировали советские артиллеристы в Великую Отечественную войну. Только за два дня войны артиллеристы 1-й противотанковой бригады на Юго-Западном направлении уничтожили 180 вражеских танков. На одном из участков Южного фронта наводчик Я. Кольчак подбил четыре вражеских танка, подпустив их на 150 метров. За этот подвиг он первым в годы Великой Отечественной войны был удостоен звания Героя Советского Союза. При форсировании Днепра на Букринском плацдарме командир дивизиона капитан В. Петров, встав у орудия, был тяжело ранен, но не покинул поле боя. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Лишившись обеих рук, он по личной просьбе был оставлен в действующей армии и при форсировании Одера, уже в должности командира артиллерийского полка, вновь отличился в бою и был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Общий вклад артиллерии в борьбу с врагом в период Великой Отечественной войны — это более семидесяти тысяч уничтоженных танков, сотни тысяч солдат и офицеров, большое количество артиллерии и другой боевой техники.

— В послевоенные годы появилось ракетно-ядерное оружие. Как это повлияло на развитие советской артиллерии?

— Оснащение Вооруженных Сил Советского Союза ракетно-ядерным оружием вызвало подлинную революцию в военном деле. Она началась в области средств вооруженной борьбы, изменение которых оказало решающее влияние на строительство Вооруженных Сил, их организационную структуру, морально-боевую подготовку войск и все отрасли военной науки.

Ракетно-ядерное оружие стратегического назначения обладает огромной мощью ядерного заряда, высокой неуязвимостью, неограниченностью радиуса действия и большой точностью удара. Ракеты оперативно-тактического и тактического назначения, находящиеся на вооружении Сухопутных войск, значительно увеличили их огневую мощь. Располагая различными ракетными комплексами и ракетами с большой дальностью полета, они способны надежно поражать объекты противника на всю глубину его обороны.

Несмотря на всесокрушающую мощь ядерного оружия, не утратили своего значения и другие виды Вооруженных Сил и рода войск. Наша военная доктрина исходит из того, что победа в современной войне может быть достигнута лишь совместными усилиями всех видов Вооруженных Сил и родов войск, поэтому ЦК КПСС и Советское правительство уделяют большое внимание их гармоничному развитию. Благодаря этому артиллерия Советской Армии получила дальнейшее развитие. На ее вооружении состоят системы, отличающиеся большой дальностью стрельбы, мощностью и точностью огня, надежностью действий и высокой маневрен-

ностью. Сухопутные войска имеют мощную, полностью моторизованную пушечную, гаубичную, истребительно-противотанковую, реактивную артиллерию и минометы. Развиваются и противотанковые средства, особенно противотанковые управляемые ракеты, отличающиеся большой дальностью, маневренностью и вероятностью поражения цели.

Советский народ с большой любовью относится к своей армии, он по праву гордится могуществом Советских Вооруженных Сил, обеспеченностью их первоклассной боевой техникой и вооружением. Но особенной гордостью советских людей являются воины армии и флота, которые владеют этим грозным оружием. Сегодня ракетные войска и артиллерия располагают высокоподготовленными кадрами, воспитанными в духе любви и преданности Родине, Коммунистической партии, убежденными интернационалистами. Среди офицеров ракетных войск и артиллерии 75 процентов имеют инженерную подготовку, 90 процентов классных специалистов, настоящих мастеров своего дела. Девяносто процентов солдат и сержантов имеют высшее и среднее образование. Столь высокая общая и специальная подготовка личного состава ракетных войск и артиллерии гарантирует успешное освоение сложной боевой техники и является залогом новых успехов в совершенствовании боевого мастерства личного состава и образцового несения воинской службы.

Опыт истекшего учебного года свидетельствует о высоком уровне специальной подготовки ракетчиков и артиллеристов. Большинство частей и подразделений успешно выполнило взятые социалистические обязательства. Подлинным экзаменом для ракетчиков и артиллеристов были учебно-боевые пуски ракет и боевые стрельбы, которые выполнены с отличной оценкой.

Советские ракетчики и артиллеристы, воспитанные КПСС в духе беззаветного патриотизма, любви к Родине, преданности коммунистическим идеалам, идут навстречу славному юбилею своего рода войск — 600-летию отечественной артиллерии — с высокими показателями в боевой и политической подготовке. Они в совершенстве владеют своим могучим оружием и надежно стоят на защите священных рубежей нашей Родины. Очень хорошо сказал об этом министр обороны СССР Д. Ф. Устинов: «Наши Вооруженные Силы действительно могучи. Это не раз испытали на себе те, кто осмеливался посягнуть на советскую землю. Для защиты мирного труда советского народа, народов братских социалистических государств мы, если потребуется, используем всю нашу мощь». Далее он подчеркнул, что нынешних отравителей международной политической атмосферы «советская военная мощь потому и страшит.., что в ней они видят непреодолимую преграду на пути осуществления своих агрессивных планов. Для них она действительно помеха. Но для мира на земле наша мощь — великое благо...»

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В. МОРОЗОВА

И ПРОДАТЬ, И КУПИТЬ

«В моде этого сезона природные материалы — бархат, вельвет, мягкие пестроткани и легкие ткани с «дышащей» поверхностью. К прямому силуэту и силуэту трапеция прибавился новый модный силуэт, зауженный книзу, намечается новая длина...» Подобные строчки мы часто читаем на страницах модных журналов, но это отнюдь не означает, что каждый, кто усваивает эту информацию, тут же кинется менять свой гардероб. Тем не менее в доме человека, даже очень далекого от подобных проблем, часто скапливаются вещи, которые не то, чтобы вышли из моды, а просто надоели или стали малы, узки. Вещи эти вполне добротные, пригодные для дальнейшей носки, но по тем или иным причинам ставшие в вашей семье «лишними». Этой теме был посвящен материал «Лишние вещи» в № 52 «Огонька» за прошлый год.

Читатели живо откликнулись на поставленные в материале проблемы, часть писем была опубликована в № 9 за 1982 год. В них читатели высказывались за более широкое развитие сети комиссионной торговли, за создание вещевых рынков, за возрождение скупок. Было в читательских письмах и много критических замечаний по работе отдельных комиссионных магазинов, отказывающих порой в приеме вещей, жалобы на разнобой в оценке одного и того же товара. Писали читатели и о грубости продавцов, незаинтересованности в приеме и продаже вещей, так что складывается положение, когда уже ни купить, ни продать вещь невозможно.

Комиссионная торговля очень прибыльна, почти не требует накладных расходов. Сдатчик и покупатель сами принесут вещь, сами и унесут ее из магазина. Но, к сожалению, не везде к комиссионной торговле правильное отношение. Многие еще считают ее торговлей второго сорта, а городские власти отводят часто под комиссионные магазины самые плохие, тесные помещения, стыдливо пряча их вдали от центра, хотя как раз там-то она была бы более бойкой, рентабельной.

Как нам сообщили в Управлении организации торговли Министерства торговли СССР, в целом по стране удалось расширить сеть комиссионных магазинов. За последние пять лет открыт 531 новый магазин площадью 88,4 тысячи квадратных метров. Товарооборот возрос на 347,9 миллиона рублей.

В каком направлении развивается комиссионная торговля? Главное — специализация. Действительно, целесообразно ли продавать в одном магазине кофточку и автомобиль? Кстати, спрос на машины продолжает расти.

Значительно расширен ассортимент принимаемых вещей. В магазины принимают практически все, исключая, конечно, такие товары, как кожа, шерсть, меха без фабричного клейма, любые однородные вещи сверх установленной нормы. Изделия, представляющие большую художественную ценность, предлагаются музеям, конечно, по согласованию с владельцем вещи. Благодаря этому сохранено множество интересных произведений искусства. Принимаются вещи с износом свыше 50 процентов. Правы читатели, что во многих городах таких магазинов еще мало. Что касается предложения о создании вещевых рынков, то тут есть свои «но». Вещевой рынок, как и скупка,— практически неконтролируемая торговля. В свое время, когда они существовали, там процветала неприкрытая спекуляция. Можно ли говорить о возрождении скупок, Министерство торговли умалчивает этот вопрос, вот вещевые рынки должны быть возрождены в городах, где плохо развита сеть комиссионной торговли на основе уставов исполкомов местных Советов, как это сделали в Куйбышеве.

В одном из писем, полученных редакцией, ленинградка Ю. Огурцова спрашивает: возможно ли открытие в сети комиссионной торговли магазинов «Люкс» с продажей товаров повышенного спроса, пусть даже по несколько повышенным ценам, чтобы хоть раз в году человек мог купить пусть дорогую, но хорошую, нестандартную вещь.

Вопрос этот непростой. Первый опыт в этом плане уже проведен ленинградцами, одесситами, москвичами с продажей импортной радиоаппаратуры, разработан прейскурант более высоких цен. Оказалось, что никто не остался обиженным — ни сдатчик, ни покупатель. В убытке оказались лишь торговцы так называемого «черного» рынка, который, несмотря на строжайшие запреты и суровые меры наказания, еще существует. Естественно, цены назначались с учетом высоких технических данных, улучшенного качества исполнения импортной аппаратуры. Но прежде чем распространять этот опыт на другие виды товаров, необходимо взвесить все «за» и «против». Комиссионная торговля—дело непростое. Тут надо соблюсти интересы двух сторон: сдатчика и покупателя. Один хочет продать подороже, другой купить подешевле. Произвольное ценообразование здесь недопустимо.

Но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем много раз услышать. Побываем же в одном из лучших комиссионных торгов страны в Одессе, чтобы понять, что такое «искусство торговать».

— Торговля у нас бойкая, особенно много покупают приезжие,— начала свой рассказ директор Одесского комиссионторга Анна Кузьминична Сергеева.— Особым спросом пользуются товары, сдаваемые нам моряками, китобоями, начиная от страусовых перьев и кончая экзотической майоликой с островов Фиджи.

После того, как в 1976 году закрыли «толчок», на следующее же утро родился наш комиссионторг. Наплыв товаров был небывалый. Ведь на наш вещевой рынок съезжались со всей страны. Так что товар пришлось нести к нам. Предстояло срочно открывать новые магазины, решать, как лучше строить торговлю. Мы пошли по линии специализации отдельных магазинов, что помогло нам упорядочить цены, создать определенные удобства покупателю. Проблем в нашей торговле было и остается много. Но главное — это то, что мы сумели убедить город в ее целесообразности, экономической выгоде. Сейчас у нас 38 магазинов: галантерейные, тканей, обувные, головных уборов и мехов, мужской одежды и женской, посудные, ковровые, смешанные, универсальные. Последние более удобны для отдаленных районов. Есть у нас магазины по приему вещей с износом свыше 50 процентов. Только за прошлый год мы принесли чистой прибыли государству 1104 тысячи рублей при товарообороте в 33 788 тысяч рублей.

...Отдаленный район Одессы, поселок Таирово. Новые жилые кварталы соседствуют с виноградниками совхоза имени К. Либкнехта. Но строительство еще ведется, сдаются дома, приезжают новоселы. И, конечно, в новой квартире всегда чего-то не хватает, а что-то может оказаться лишним. Так что большой, с торговой площадью 240 квадратных метров универсальный комиссионный магазин оказался здесь как нельзя кстати.

Есть в Одессе магазины, принимающие вещи с износом более 50 процентов. Опыт показал, что целесообразнее размещать их на рынках.

Один из них, самый крупный, площадью 386 квадратных метров,— на «Новом рынке». Здесь можно купить драповое пальто, мужской костюм, женское платье за 10—15 рублей, туфли, которых вполне хватит для носки на один сезон, за 2—3 и даже один рубль.

— Сейчас наш комиссионторг заключил договора с предприятиями на продажу через наши магазины нереализованного товара: вышедших из моды швейных изделий, обуви. Таким образом, за очень небольшие деньги покупатель сможет купить на «Новом рынке» и на Привозе совершенно новый товар, а предприятие хоть частично возместит свои убытки. Некупленный товар магазин имеет право вернуть предприятию обратно.

Интересной новинкой одесской комиссионной торговли является единый централизованный приемный пункт. Здесь 34 товароведа одновременно оценивают и принимают товары у населения для семнадцати специализированных магазинов, расположенных в разных концах города. Практикуются здесь выезды на дом к инвалидам, старым, одиноким людям для предварительной оценки вещей.

— А ведь далеко не все одобряли идею создания единого приемного пункта для магазинов, расположенных в разных концах города. Противников было очень много,— рассказал нам в беседе Дмитрий

Иосифович Матвиенко, начальник управления торговли Одесского облисполкома.— Время доказало нашу правоту. Третий год пустует на моем столе папка жалоб одесского комиссионторга на разнобой в оценке вещей. Повысилась квалификация товароведов. Сейчас готовимся к сдаче нового приемного пункта на 600 квадратных метров — с удобными залами ожидания, отдельными кабинами для приема вещей, кафетерием. Строится в городе новый универмаг. Старое помещение отдадим «Детскому миру». А в здании сегодняшнего «Детского мира» создадим большой комиссионный универмаг.

Но проблем еще много. Конечно, хорошо, что постепенно удается избавляться от околомагазинной публики, которая вечно толкалась вокруг сдатчиков вещей, перекупая у них дефицит. Но как, например, повысить заинтересованность продавца в покупателе? Часто слышишь ироническое, что, мол, за границей «улыбка входит в стоимость покупки». Думается, что это не так уж и плохо. В ГДР, например, заработок продавца зависит от количества проданного товара в единицах. Наши же продавцы получают зарплату и премиальные с выполнения общего плана товарооборота. Сам он продаст эту кофточку или его сменщик или вообще покупатель уйдет без покупки — ему практически все равно.

Или вот еще проблема «дефицита». В магазинах нет того, что пользуется особым спросом, а народ ходит по улицам именно в том, чего нет. Как же это получается?

— Вопрос острый, наболевший, трудноразрешимый, но сидеть сложа руки, наверное, нельзя,— высказывает свою точку зрения Анна Кузьминична Сергеева.— Одесса — город портовый, и не секрет, что многие привозные вещи не всегда продаются через наши комиссионки. Как с этим бороться? Одними ли мерами пресечения, запрета? А может быть, правда, расширить опыт с импортной аппаратурой и на другие остродефицитные привозные товары? Я считаю, в нашем городе можно попробовать сделать этот шаг. Отступить на старые позиции всегда можно.

Да, действительно проблемам нет конца. Хочется и купить красивую вещь и продать ее без особых хлопот, когда она надоест. А главное, чтобы в магазин мы входили не бесправными сиротами, а желанным гостем, Покупателем с большой буквы.

УСПЕХОВ ТЕБЕ, ИРИНА

Фото Ф. Ключика

День ясный, солнечный. В потоке тепла греются таллинские шпили, у причалов словно бы друг перед другом раскланиваются портальные краны. На самой кромке земли и моря идешь по лабиринтам лестниц и переходов — вверх-вниз, вверх-вниз — и вдруг попадаешь в ледяное царство. Огромным полем залег шелковистый лед под сводами нового Таллинского Дворца культуры. Кружатся на льду разноцветные фигурки, а у стенки в теплом красном комбинезоне сидит хрупкая молодая женщина, гордость нашего спорта — Ирина Роднина.

— Что привело вас в Таллин?

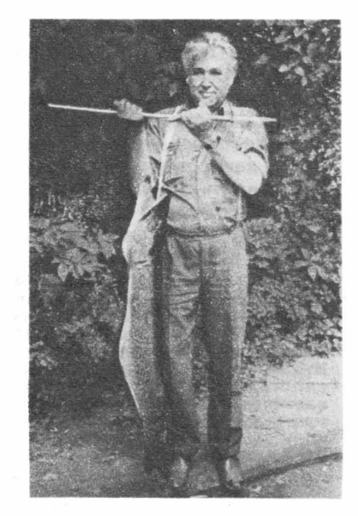
— У нас сейчас время летних сборов, вот мы и приехали сюда попробовать новый таллинский лед. Он, несомненно, обещает быть хорошим. На сборах вообще хорошо работается, а Таллин с его романтичной стариной и светлыми ночами очень красив — это дает, как говорят у нас в спорте, прекрасную подзарядку.

— Как же прошел ваш первый тренерский год?

— И трудно и интересно. Крутые повороты в жизни не бывают легкими. К ответственности за себя прибавилась теперь и ответственность за каждого из тринадцати ребят моей группы. Возраст у них разный — от двенадцати до двадцати одного года. Идет сейчас обоюдный процесс: я прохожу фазу становления тренера, они учатся трудолюбию. Еще рано говорить, из кого что получится. У них неоднородная подготовка, они из разных городов: из Москвы, Минска, Воронежа, Днепропетровска, Темиртау... Мы с Сергеем Шахраем отобрали их, теперь надо работать и работать. Бывают в этом нашем обоюдном процессе счастливые минуты: бьемся-бьемся, и вдруг наступает прозрение, что-то найдено — в этом большая радость.

Н. ХРАБРОВА

ВОТ ЭТО ЩУКА!

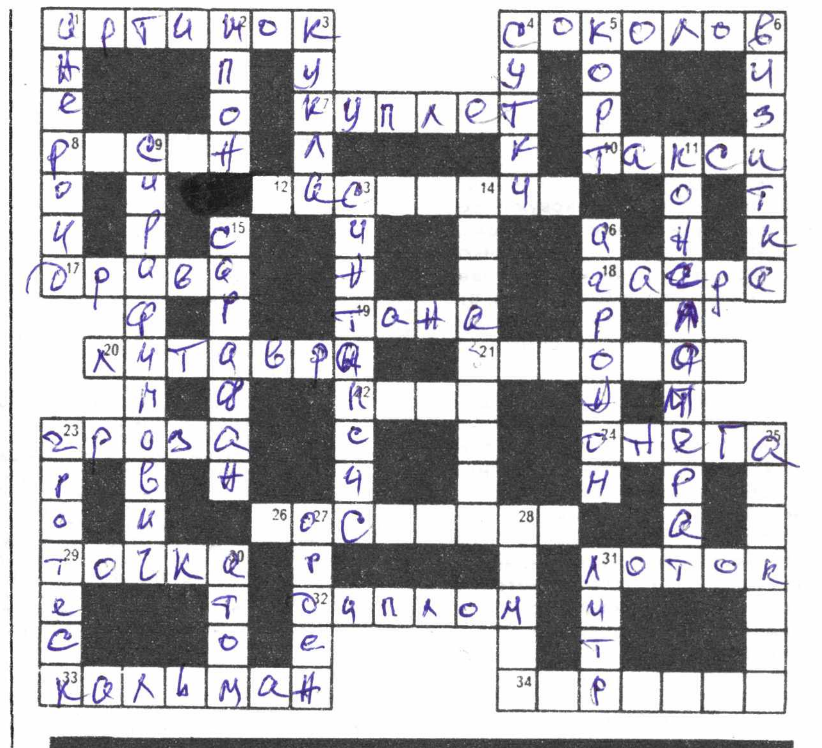

На снимке вы видите москвича С. Халилова со своим редким уловом.

— В тот день,— рассказывает Саяр Халилович,— погода для рыбалки была отличная. Приехал на Рузу, расставил снасти, а рыба не клюет. Даже начал тихонько приговаривать: «Ловись, рыбка большая и маленькая». Долго ждал, но ни одной поклевки. Собрался было, как говорят, удочки сматывать, и вдруг один из моих «кружков» перевернулся. Нелегко было тащить эту щуку. Приехал домой, взвесил, оказалось — десять с половиной килограммов, а длина — метр девятнадцать сантиметров.

Больше десяти лет рыбачит С. Халилов на Рузе, но такую щуку поймал впервые.

Георгий СТРЕЛЬНИКОВ
Фото автора

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Овощное растение. 4. Герой рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека». 7. Строфа в песне. 8. Французский драматург XVII века. 10. Городской транспорт. 12. Народный художник республики, передвижник. 17. Приток Дуная. 18. Курорт в Абхазии. 19. Озеро в Эфиопии. 20. Ударный музыкальный инструмент. 21. Маршал Советского Союза. 22. Денежная единица Древней Руси. 23. Атмосферное явление. 24. Река в Архангельской области. 26. Животное семейства куньих. 29. Знак препинания. 31. Открытый прилавок для торговли на улице. 32. Свидетельство об окончании учебного заведения. 33. Венгерский композитор, автор венских оперетт. 34. Оптическая система бинокля.

По вертикали: 1. Разновидность барометра. 2. Тонкий лист древесины для фанерования. 3. Роман Б. Пруса. 4. Единица времени. 5. Спортивная площадка для игры в теннис. 6. Однобортный сюртук с закругленными полами. 9. Выдающийся советский писатель. 11. Механическое соединение разнородного вещества, смесь. 13. Раздел грамматики. 14. Областной центр в Казахстане. 15. Женское платье без рукавов. 16. Специалист в сельском хозяйстве. 23. Художественный прием в литературе. 25. Рассказ М. Горького. 27. Государственная награда за особые заслуги. 28. Рыба семейства анчоусов. 30. Мельчайшая частица химического элемента. 31. Единица объема и емкости.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали: 5. Теккерей. 7. Бакланов. 10. Ангарск. 11. Гироскоп. 13. Клубника. 14. Опера. 15. Штат. 17. Сейф. 19. «Прозаседавшиеся». 20. Агат. 23. Анис. 26. Сулак. 28. Стандарт. 30. Арпеджио. 32. Дилижан. 33. Командир. 34. Сингапур.

По вертикали: 1. Сенявин. 2. Лекало. 3. Байкал. 4. Волынка. 6. Комфорт. 8. Актиний. 9. Шарден. 12. Полиспаст. 13. Каравайка. 15. Шипка. 16. «Тазит». 17. Спика. 18. Фаянс. 21. Гондола. 22. Алехин. 24. Индейка. 25. Атласов. 27. Минимум. 29. «Родник». 31. Ранжир.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Акоп Аджемян — монтажник, он строит спортивно-концертный комплекс в Ереване * Пионерия.

Фото А. Награльяна.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Оборона Москвы от орд хана Тохтамыша в 1382 году. (Древнерусская миниатюра) * Царь-пушка * На огневой позиции * В музее артиллерии. (См. в номере материал «Артиллеристы».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

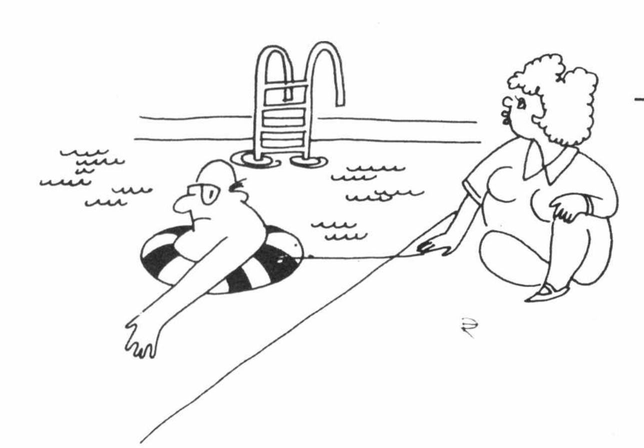
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.08.82. Подписано к печати 17.08.82. А 00393. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2074. Заказ № 2809.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

— Не уплывай далеко, дружок!
Рис. Э. Рапутовой

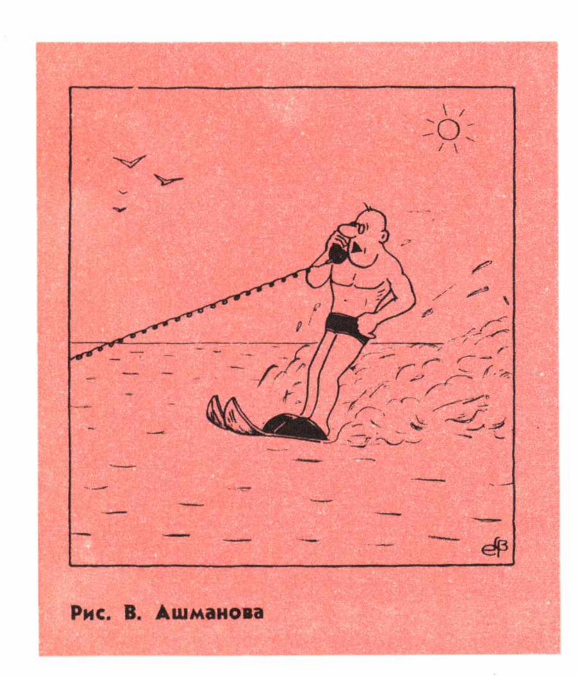
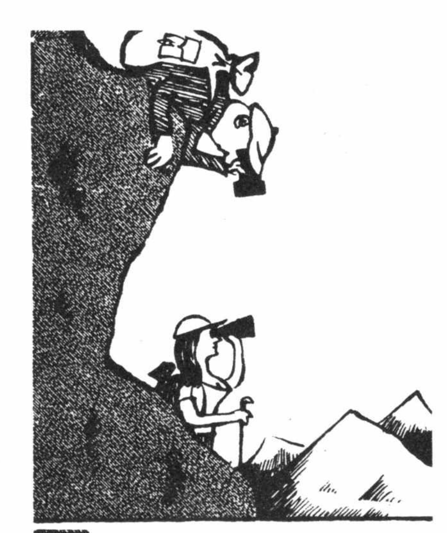
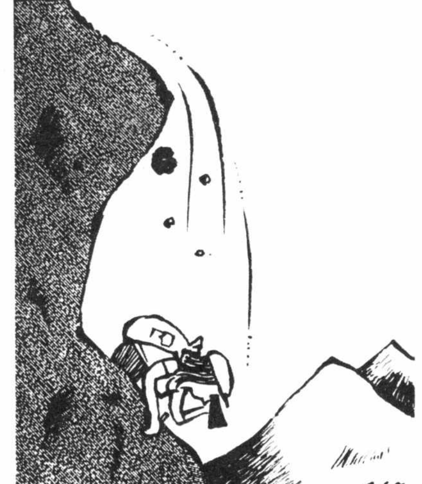
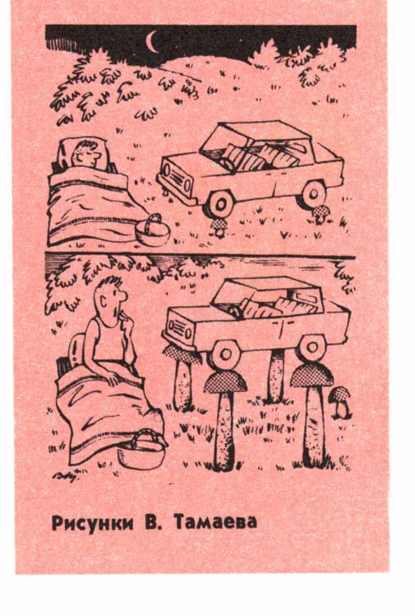

Рис. В. Ашманова

Рисунки В. Тамаева

— Выбирай, дорогой, спокойнее, не нервничай...

Рис. В. Дубова

Рис. В. Казаневского (Киев)

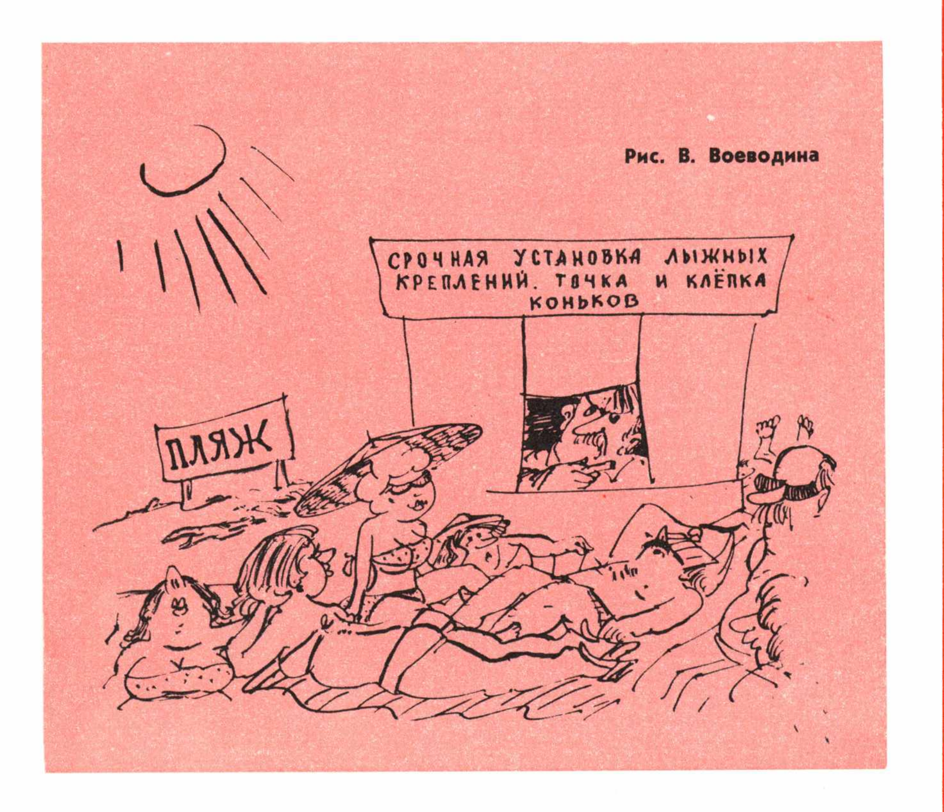
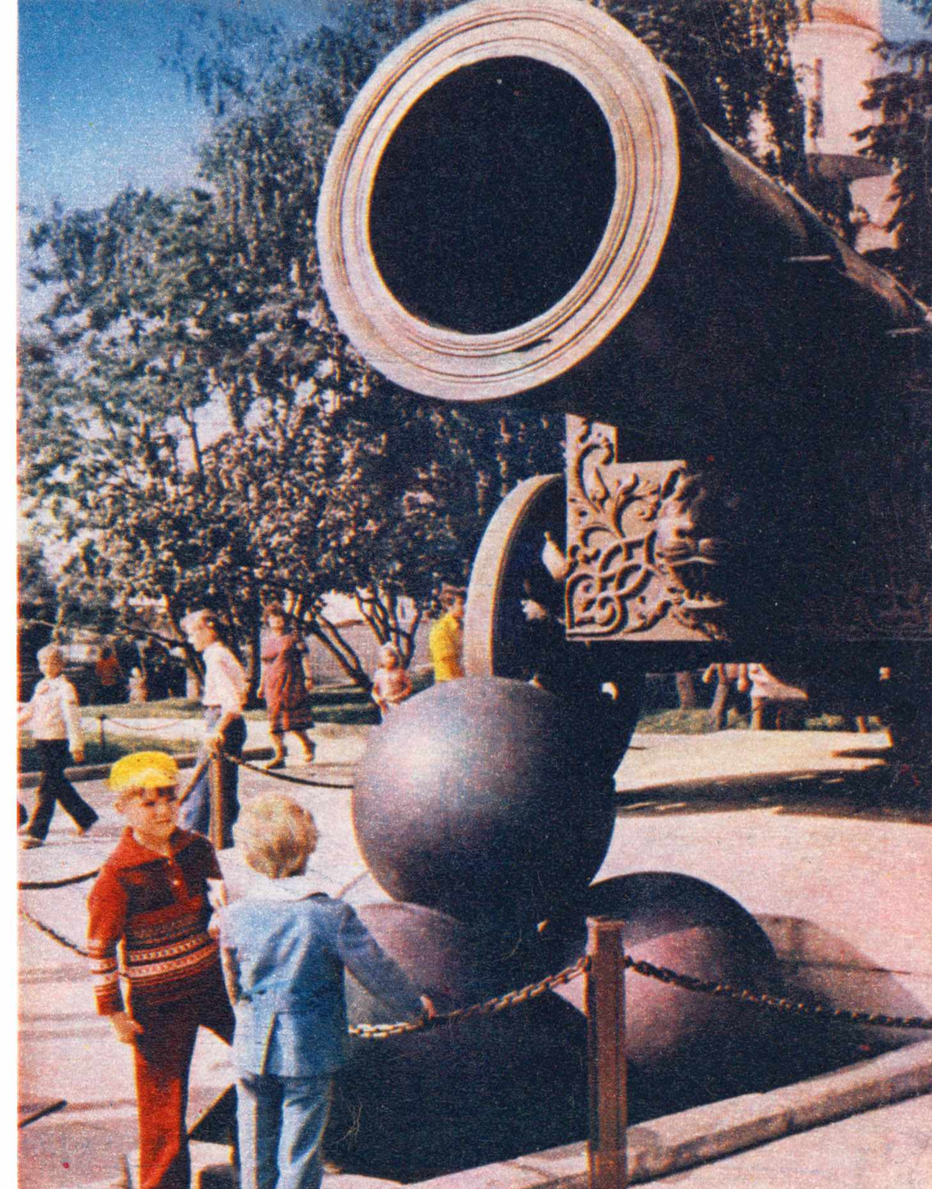
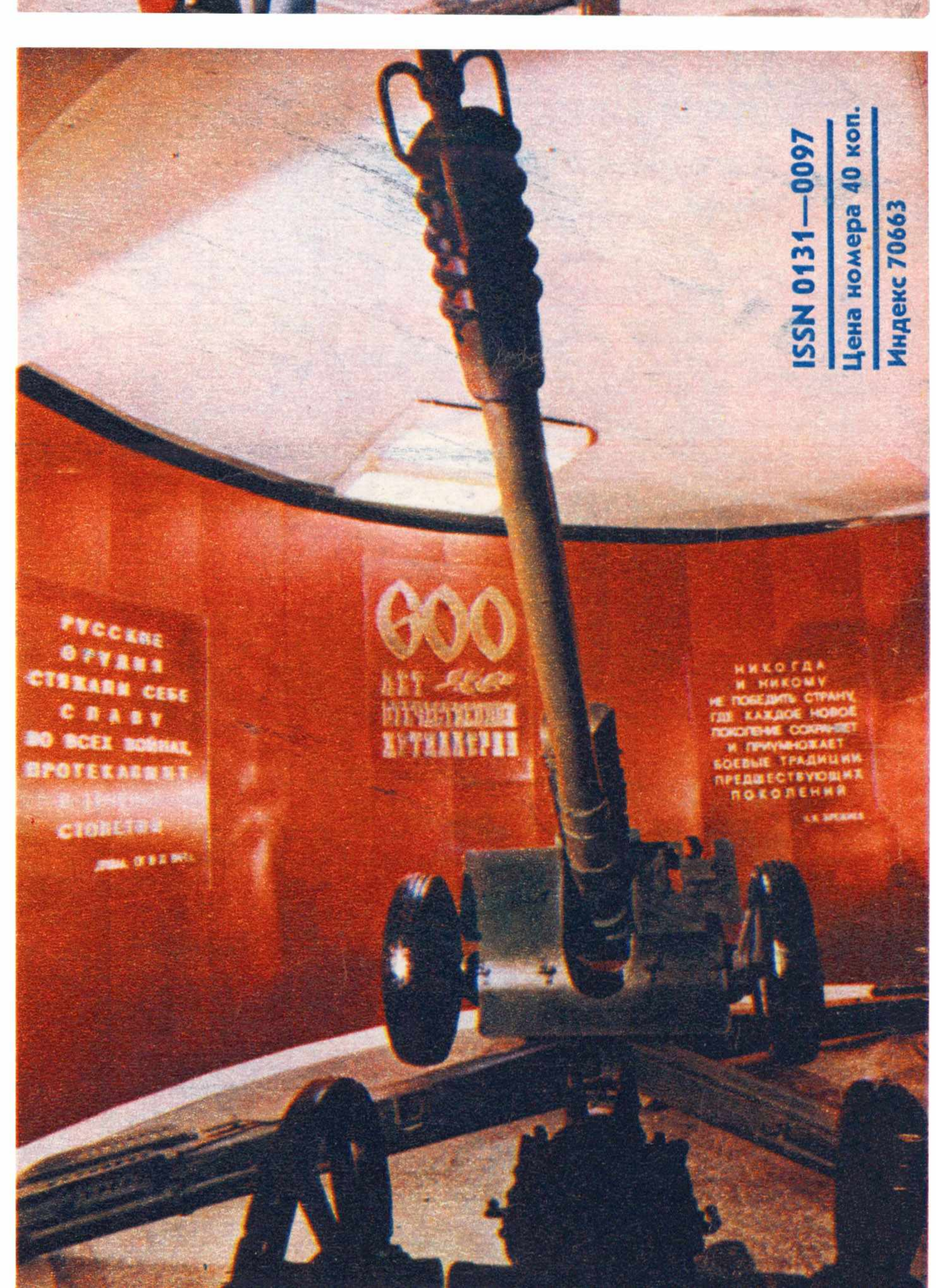

Рис. В. Воеводина

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663